

К. ФЕЛЬДМАН

БРОНЕНОСЕЦ „ПОТЕМКИН“

ДЕТГИЗ — 1959

К. ФЕЛЬДМАН

БРОНЕНОСЕЦ «ПОТЁМКИН»

РАССКАЗ УЧАСТНИКА

Рисунки В. Щеглова

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
Москва 1955

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. ВОССТАНИЕ НА БРОНЕНОСЦЕ

Глава I. НАКАНУНЕ

Глава II. СТАЧКА В ОДЕССЕ

Глава III. МАТРОСЫ РУССКОГО ФЛОТА

Глава IV. РЕВОЛЮЦИОННАЯ РАБОТА СРЕДИ МОРЯКОВ
ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА

Глава V. ПЛАН ВОССТАНИЯ

Глава. VI. ГЕРОЙ ПОТЁМКИНСКОГО ВОССТАНИЯ Г. ВАКУЛЕНЧУК

Глава VII. День первый восстания. ТЕНДРА

Глава VIII. День второй восстания. В ОДЕССЕ

Глава IX. ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Глава X. «ЖДЁМ ЭСКАДРУ»

Глава XI. ЛЕНИН И «ПОТЁМКИН»

Глава XII. ЗАХВАТ «ВЕХИ»

Глава XIII. ВРАГИ

Глава XIV. ПЕРЕДОМ

Глава XV. ПОЖАР В ПОРТУ

Глава XVI. День третий восстания. ДЕЛЕГАЦИЯ

Глава XVII. БОМБАРДИРОВКА

Глава XVIII. КАРАТЕЛЬНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Глава XIX. День четвёртый восстания. РАЗВЕДКА

Глава XX. ВСТРЕЧА С ЭСКАДРОЙ

Глава XXI. «ГЕОРГИЙ ПОБЕДОНОСЕЦ» ПРИСОЕДИНЯЕТСЯ

Глава XXII. «У НАС ДЕЛО ПЛОХО»

Глава XXIII. ПРОТИВ «ПОТЁМКИНА» И ЗА НЕГО

Глава XXIV. День пятый восстания ИЗМЕНА «ГЕОРГИЯ

Глава XXV. ДОРОФЕЙ КОШУБА

Глава XXVI. ВОССТАНИЕ НА «ПРУТЕ»

Глава XXVII. День шестой восстания. ПРИСЯГА

Глава XXVIII. День седьмой восстания. В РУМЫНИИ

Глава XXIX. День восьмой восстания. «ВЕЛИКИЙ МОЛЧАЛЬНИК» ЗАГОВОРИЛ

Глава XXX. День девятый восстания. В ПОХОДЕ

Глава XXXI. КРАСНЫЙ АДМИРАЛ МАТЮШЕНКО

Глава XXXII. День десятый и одиннадцатый восстания. В ФЕОДОСИИ

Глава XXXIII. «БРОНЕНОСЕЦ СКРЫЛСЯ С ГОРИЗОНТА»

Глава XXXIV. ПОГОНЯ ЗА «ПОТЁМКИНЫМ»

Глава XXXV. День двенадцатый восстания. «ПОТЁМКИН» ПРЕКРАЩАЕТ БОРЬБУ

Глава XXXVI. «...НОВЫЙ И КРУПНЫЙ ШАГ ВПЕРЕД...»

Часть вторая. СУДЬБА ВОСТАВШИХ

Глава I. ВСТРЕЧА В КОНСТАНЦЕ

Глава II. СУДЬБА «ПОТЁМКИНА»

Глава III. РАСПРАВА

Глава IV. СКИТАНИЯ И КАЗНЬ МАТЮШЕНКО

Глава V. ВСТРЕЧА В ШВЕЙЦАРИИ

Глава VI. ВОССТАНИЕ РУМЫНСКИХ КРЕСТЬЯН

Глава VII. ДЕНИСЕНКО В КАНАДЕ

Глава VIII. КАТОРГА

Часть третья. ТЮРЬМА И ПОБЕГ

Глава I. ПЕРВЫЕ ДНИ ТЮРЬМЫ

Глава II. ПО ЭТАПУ

Глава III. В ПЛАВУЧЕЙ ТЮРЬМЕ

Глава IV. В ГРАЖДАНСКОЙ ТЮРЬМЕ

Глава V. ПЕРВЫЙ ПЛАН ПОБЕГА

Глава VI. НЕУДАЧА

Глава VII. ОПЯТЬ ГАУПТВАХТА

Глава VIII. ПЛАН ПОБЕГА

Глава IX. ПРЕДАТЕЛЬСТВО УНТЕР-ОФИЦЕРА СХИРТЛАДЗЕ

Глава X. ПОБЕГ

Глава XI. НОЧНЫЕ СТРАНСТВИЯ

Глава XII. ПОЕДИНОК

Глава XIII. СЕВАСТОПОЛЬ ПОЗАДИ

Часть первая

ВОССТАНИЕ НА БРОНЕНОСЦЕ

Глава I

НАКАНУНЕ

Был 1905 год. В этом году революционные события развёртывались стремительно. Месяцы измерялись днями, годы — месяцами. Революция завела свой счёт времени.

9 января этого года утром питерские рабочие, спровоцированные попом Гапоном, несмотря на предупреждение большевиков, отправились с петицией к царю. Вместо революционных знамён рабочие несли иконы и царские портреты. Они ещё верили в царя. Они ещё наивно думали, что не царь, а министры притесняют народ. Они кричали: «Долой министров!» Они умоляли царя помочь их горю, созвать учредительное собрание и установить народное правление. Они не дошли до дворца: вместо царя их встретили пули.

Тысячи убитых и раненых рабочих, женщин и детей пали в этот день на улицах и площадях Петербурга.

Вечером того же дня питерские рабочие строили баррикады. Они кричали: «Долой царя!» — и сражались под красным знаменем революции.

«Рабочий класс получил великий урок гражданской войны; революционное воспитание пролетариата за один день шагнуло вперёд так, как оно не могло бы шагнуть в месяцы и годы серой, будничной, забитой жизни».¹

Ленин считал этот день началом революции в России.

Весть о 9 января прозвучала по всей стране, как гул революционного набата. В Москве, в Нижнем Новгороде, в Иваново-Вознесенске, в Туле, в Твери, в Ярославле, в городах Сибири и Урала, Прибалтики и Польши рабочие бросали работу и выходили на улицы. Трудящиеся Кавказа, где большевики работали под руководством И. В. Сталина, наносили царизму удар за ударом.

За рабочими поднимались крестьяне. Они нападали на помещичьи усадьбы, забирали и делили хлеб, уводили скот, сжигали записи о крестьянских долгах помещикам.

С каждым днём революции 1905 года росло влияние большевиков на массы. Тысячи воспитанных партией сознательных рабочих несли в массы их революционные лозунги. Идейное влияние большевиков сказывалось на всех выступлениях пролетариата. Забастовки принимали ярко политический характер, сопровождалась демонстрациями; иногда, как это было, например, в Риге, в Батуми, в Лодзи, они подходили к самому порогу восстания.

С особой силой в этот период выяснилась необходимость выработки тактики социал-демократической партии в условиях начавшейся буржуазно-демократической революции.

25 апреля в Лондоне собрался III съезд РСДРП, участвовать в котором меньшевики отказались.

III съезд принял решение о подготовке вооружённого восстания. Съезд рекомендовал применение массовых политических стачек как первую стадию вооружённого восстания.

Собравшиеся в это же время на конференцию в Женеве меньшевики выработали свою тактику, которая вела на срыв революции. Руководителем революции должен быть не пролетариат, утверждали меньшевики, а либеральная буржуазия; вместо большевистской программы союза пролетариата с крестьянством они настаивали на союзе пролетариата с либеральной буржуазией. Если большевики требовали создания временного революционного правительства, то меньшевики видели завершение революции в созыве Государственной думы с ограничением власти царя.

После съезда в разных городах начинаются майские и июньские всеобщие стачки. Они возникали под непосредственным

влиянием призывов большевистских комитетов и часто перерастали в восстание.

Грозное движение рабочих возникло в Лодзи. Поводом послужил расстрел рабочих, возвращавшихся с массовой Лодзинской забастовки большевиков. Лодзинский пролетариат ответил на это новое преступление царизма всеобщей политической стачкой. На улицах города строились баррикады. Рабочие оказывали стойкое сопротивление войскам. Уличные бои длились три дня.

Другим классическим примером стачки, руководимой большевиками, была забастовка иваново-вознесенских ткачей. Стачка, в которой участвовало более семидесяти тысяч рабочих, длилась больше двух месяцев. Она сопровождалась рядом вооружённых столкновений с войсками и кончилась победой рабочих. Во время этой стачки был создан Совет уполномоченных, который был одним из первых Советов рабочих депутатов в России. Этот прообраз советской власти был найден и создан с помощью большевиков и, в частности, работавшего тогда в Иваново-Вознесенске М. В. Фрунзе.

Из подполья партия выходила на улицу.

Несколько месяцев назад собрания в тридцать — сорок рабочих считались «массовкой»; их устраивали ночью или на рассвете где-нибудь в лесу или в поле. Теперь агитаторы-большевики являлись на заводы, в мастерские, на фабричные дворы и произносили свои речи перед огромной аудиторией рабочих на глазах у растерявшейся администрации. Они прерывали своими выступлениями спектакли в театрах, поднимались на учительские кафедры воскресных школ.

Раньше к уличной демонстрации готовились в течение нескольких месяцев, и считалось большим достижением организовать одну-две демонстрации в год — обычно 19 февраля, в день «освобождения» крестьян, или 1 мая.

Теперь, несмотря на появление вооружённых банд черносотенцев, уличные выступления следовали одно за другим.

В мае 1905 года революционные волны докатились до далёкого Юга. Не обращая внимания на угрозу локаута² со стороны фабрикантов, в Одессе началось широкое забастовочное движение.

В своём донесении министру внутренних дел одесский градоначальник Нейдгарт отмечает революционные настроения бастующих: «...есть многие признаки угрожающего настроения масс, сильно вооружающихся. Револьверы покупаются в огромном количестве, несмотря на меры, принимаемые к ограничению пользования оружием. Замечается быстрое собирание толпы по каждому незначительному поводу...»

Усиленная закупка револьверов объясняется тем, что в мае в Одессу пришла резолюция III съезда о вооружённом восстании. Большевики стали запасаться оружием.

В Одессе в то время произошёл фактический раскол между большевиками и меньшевиками. Одесский комитет РСДРП был большевистской организацией. Отколовшиеся меньшевики образовали самостоятельную организацию, называвшуюся одесской меньшевистской группой РСДРП.

Разумеется, подготовка к вооружённому восстанию одесских большевиков выражалась не только в факте приобретения оружия. В Одессе в эти дни сказалось с особой силой коренное отличие двух тактик: большевистской, звавшей рабочих на острую политическую стачку, и соглашательской, меньшевистской, пропагандировавшей среди рабочих идею мирной забастовки, не преследующей революционных целей. Вместо забот о вооружении меньшевики принимали участие в подаче петиции городскому голове о разрешении легального рабочего собрания.

Испуганные нарастающим движением рабочих, власти приступили к разгрому большевистской организации. Незадолго до прихода «Потёмкина» было арестовано собрание большевиков, делегатов Дальницкого заводского района Одессы. В тюрьму было брошено около семидесяти большевиков. Это была большая потеря для организации. Охранка продолжала свирепствовать. Одесса никогда не знала таких массовых арестов.

Каждое утро недосчитывалось несколько десятков большевиков. Огромная одесская тюрьма была переполнена. Жандармы подбирались к самому комитету. Два члена его были арестованы, один вынужден был скрыться.

Растущее рабочее движение требовало объединения всех сил социал-демократических организаций Одессы. На протяжении двух месяцев большевики, меньшевики и Бунд³ дважды заключали соглашение об объединённых действиях.

Создавались «соединённые комиссии», которые существовали не более нескольких дней. Меньшевики гнули свою соглашательскую линию, большевики продолжали работу по вооружению рабочих.

А между тем события развивались с головокружительной быстротой.

Тут уместно будет рассказать о себе. Ещё до II съезда РСДРП я вступил в кружок по изучению марксизма, которым руководил Алексеев, впоследствии главный редактор одесского меньшевистского легального издательства «Молот». После II съезда Алексеевский кружок примкнул к меньшевистскому течению

РСДРП. В занятиях в этом кружке и состояла моя организационная связь с меньшевизмом. Я разделял некоторые ошибки меньшевизма, но далеко не все. Я считал правильными решения III съезда партии о вооружённом восстании. Этим я обязан большевику-рабочему Павлу, тесная дружба с которым у меня началась с 1904 года, когда я учился в гимназии.

15 января 1904 года Павел познакомил меня с членом Одесского комитета Николаем Ивановичем Лалоянцем. Под руководством Лалоянца я стал выполнять отдельные поручения Одесского комитета большевиков, не вступая формально в партию.

Идейное влияние Павла и Лалоянца способствовало тому, что я придерживался на «Потёмкине» правильной революционной линии, хотя в проведении её мною был допущен ряд ошибок, что нельзя объяснить ничем другим, как отсутствием систематического большевистского воспитания.

В июне в Одессе началось широкое забастовочное движение. Впереди шёл Пересыпский фабрично-заводской район. Там нужны были агитаторы. Павел, связанный с этим районом, звал меня, и я включился в то большое народное движение, которое совпало с восстанием на броненосце «Потёмкин».

Глава II

СТАЧКА В ОДЕССЕ

12 июня поздно вечером жандармы арестовали забастовочный комитет рабочих Пересыпского района.

Путру следующего дня Павел поручил мне созвать на сходку рабочих металлургического завода Гена, живших и федосеевских корпусах. На сходке рабочие должны были обсудить, как добиться освобождения арестованных товарищей.

В двухэтажных федосеевских корпусах с захламлёнными дворами в невероятной тесноте ютились многочисленные рабочие семьи. В эти дни около ворот домов шныряли шпики. Проникнуть туда незамеченным было невозможно. Я выбрал другой путь.

Тыльные стены корпусов почти примыкали к эстакаде⁴ Пересыпи. Длинные, чёрные от копоти стены с перекосившимися от старости окнами вытянулись длинной грядой вдоль будущей пристани.

Эстакада, которая не была ещё достроена, представляла собой только сваи, на которые были уложены поперечные доски. Верхний настил так и не был уложен, и в пространстве между

сваями зияли водяные ямы. Это был довольно неудобный путь, зато он давал уверенность, что ни один шпик не решится преследовать меня здесь.

Я был знаком со многими рабочими, проживавшими в этих домах. Прыгая с балки на балку, я вызывал их по именам.

У окон появлялись заспанные люди.

— Собрание у завода Гена. Выходите все!.. — кричал я.

Рабочие собрались у завода Гена, за кирпичной стеной нового трёхэтажного флигеля, среди развалин водокачки.

Шли горячие споры. Кто-то предложил идти к дому градоначальника и просить его освободить заключённых. Но большевики со всей решительностью выступали против этого провокационного предложения.

— Вас хотят повести на бойню, — говорил Павел. — Разве мало вам урока, полученного в Петербурге, когда тысячи рабочих заплатили жизнью за то, что пошли за иконами Гапона? Единственный путь к освобождению товарищей — всеобщая забастовка.

Он убеждал рабочих идти на заводы, призывать товарищей примкнуть к стачке.

Прибежали разведчики, предупредили: «Едут казаки».

Стало вдруг тихо...

Со стороны Александровской улицы показалась сотня. Казаки ехали крупной рысью. Впереди, рядом с казачьим офицером, маячил белый китель полицейского пристава.

Подъехали.

— Что собрались? Разойдись! — крикнул пристав.

— Освободите выборных! — раздался крик, подхваченный сотней голосов.

— Эскадрон, кругом марш! — скомандовал офицер. Затрусили лошадиные крупы. Снова повернули; стали разворачиваться в боевой строй.

— Ребята, бери камни! Сейчас атакуют! — крикнул кто-то.

И когда сотня перешла в галоп, её встретил дождь увесистых камней.

Казаки дрогнули. Ускакали. Видно было, как они стали собираться снова в конце Александровской улицы.

Нерешительных уже никто не слушал; знали: сейчас казаки спешатся и откроют огонь.

— Баррикаду, баррикаду!..

Сотни рук валили вагоны, рубили деревья, тащили тюфяки и мешки с песком...

Неизвестно, откуда пришло это слово, неизвестно, кто первый произнёс его.

- — Баррикаду, баррикаду!..

Пятьсот рабочих, собравшихся у завода Гена, несколько минут назад ещё колебались, не знали, по какому пути идти. Теперь они превратились в неукротимых, отважных бойцов.

Рабочий-большевик Медведев взобрался на баррикаду. Не было под рукой красного знамени. У Медведева в кармане оказалась какая-то книга в красном переплёте. Размахивая ею, как знаменем, он крикнул:

— Товарищи!..

И не договорил. Раздался залп, и Медведев упал с простреленной грудью. На земле лежали раненые. Один из них скончался, прежде чем успели ему оказать помощь. Казаки бросились вперёд, но дождь камней посыпался снова, и они опять отступили.

Толпа подростков, детей рабочих, с посвистом и гиканьем преследовала в то же время отряд городских, которые, пользуясь сумятицей, уносили тела двух павших борцов за свободу. У самых ворот полицейского участка храбрым подросткам удалось отбить тело Медведева. Рабочие подхватили павшего героя и на высоко поднятых руках понесли его по улицам Пересыпи.

Из ворот каждого завода, у которого останавливалась процессия, немедленно выходили рабочие и присоединялись к забастовщикам. Через два часа весь Пересыпский район уже бастовал.

Стачка начала перерастать в восстание. Уличные бои вспыхивали беспрестанно в разных частях города: на Пересыпи, на Успенской улице и на Преображенской — этой центральной магистрали города. Забастовщики останавливали движение городского транспорта — конки⁵ и омнибусы ; то там, то здесь воздвигались баррикады. Правда, это были не очень сильные укрепления, их защищали два-три десятка людей, но они изматывали полицию и создавали революционную обстановку в городе.

В окрестностях Одессы разрабатывались рудники крепкого известнякового камня. Вечером 13 июня несколько сот рабочих-каменоломщиков двинулись в уезд поднимать на восстание крестьян. Их вели рабочие-большевики, вдохновлённые обращением III съезда к рабочим — возглавить крестьянское движение.

К вечеру было объявлено военное положение. Город стал походить на театр военных действий. На площадях и перекрёстках улиц стояли войска. Невзирая на грозные предупреждения, по

тротуарам густыми толпами шёл народ. Казалось, всё трудящееся население Одессы готово было по первому призыву ринуться в бой.

Но не было оружия.

Вечером 14 июня на пересыпской эспланаде⁶ должно было состояться собрание представителей большевиков, меньшевиков и Бунда. Ещё днём между их руководящими центрами было достигнуто соглашение о единстве действий. Была снова создана «соединённая комиссия» — штаб движения.

Вместе с группой рабочих, направляющихся на это собрание, шёл Павел, рабочий Борис — агитатор большевистской организации Дальницкого района — и я.

Борис только недавно вошёл в партию. Своё образование он получил в одесском ремесленном училище «Труд». И не только техническое, но и партийное. Это училище было превращено в своеобразный социал-демократический рабочий университет.

Здесь в тайных кружках формировалась рабочая интеллигенция. Буквально все учащиеся были захвачены партийной пропагандой.

Совсем другим путём пришёл в партию его друг, рабочий-токарь Павел. Это был человек внешне необычайно сдержанный, «Фома неверующий», как его называли поверхностно знавшие его люди. Вероятно, потому, что он никогда ничего не принимал на веру, стремился вникнуть в суть дела и разобраться в нём. Борис пришёл в партию прямо со школьной скамьи, Павел — в зрелом, почти пожилом возрасте. Борис рос в социал-демократических кружках, Павел был сам себе и пропагандистом и кружком. Его детская любовь к книге с возрастом превратилась в страсть. Весь свой досуг он отдавал чтению. Он был искусным токарем, у него была сравнительно высокая заработная плата; все свободные средства он тратил на покупку книг. С годами он собрал превосходную библиотеку, которой мог позавидовать любой библиофил. В тридцать пять лет, когда Павел вступил в партию, его можно было смело причислить к тогда ещё немногочисленному, но образованнейшему отряду дореволюционной рабочей интеллигенции. Книги не превратили его в начётчика. «Дорого то знание, которое превращается не в умственный жир, а в умственный мускул», — любил повторять он. Он погиб в октябре 1905 года на улицах Одессы, в боевой схватке с полицией.

Павел звал нас всех отстаивать проект вооружения рабочих.

«Дайте нам оружие, или мы прекратим стачку», — говорили рабочие на этом собрании.

Но где взять оружие? Несколько бомб и сотня револьверов — вот и всё, чем располагали рабочие. Надо было найти другое решение.

Его предложил Павел. Перед собранием Борис, по поручению Павла, успел побывать возле арсенала и убедился, что арсенал плохо охраняется. Несколько десятков решительных людей, вооружённых бомбами и револьверами, неожиданным нападением могли бы обезоружить охрану и овладеть арсеналом.

Это предложение вызвало настоящую истерику представителей меньшевистской группы. Однако большинство собрания поддержало предложение Павла. Тут представитель меньшевистского центра напомнил, что по соглашению о единстве действий все решения «соединённой комиссии» должны приниматься единогласно. Он грозил разорвать только что налаженное соглашение.

Тогда Павел потребовал выхода большевиков из «соединённой комиссии». Представителем Одесского комитета на этом собрании был примиренец и скрытый меньшевик Михаил Томич. Он пробрался в комитет, воспользовавшись массовыми арестами большевиков. Предложение Павла не было принято. Вопрос о вооружении рабочих повис в воздухе.

Было принято другое решение — вызвать утром рабочих на демонстрацию в центре города. Меньшевики видели и в ней эффектный конец забастовки, большевики же намеревались эту демонстрацию превратить в вооружённое восстание.

Около полуночи, проходя по дороге домой мимо Соборной площади, я услышал оглушительный взрыв. Какой-то анархист метнул бомбу в полицейский отряд.

С диким гиканьем казаки преследовали по плохо освещённым улицам испуганных людей. Власти готовились к расправе с рабочими. «Оружия, оружия!...» Казалось, что даже камни мостовой вопиют об этом.

А на одесском рейде уже бросил якорь восставший броненосец «Князь Потёмкин-Таврический» — мощная крепость и арсенал революции. Об этом я узнал только утром следующего дня. И так как до встречи моей с потёмкинцами ещё целая ночь, я воспользуюсь ею и, прервав своё повествование, расскажу, как произошло это славное и незабываемое восстание.

МАТРОСЫ РУССКОГО ФЛОТА

Слово «матрос» тесно связано со всей историей русских революций. И в 1905 и в 1917 годах матросы русского военного флота боролись плечом к плечу с передовыми рабочими против царя, помещиков и капиталистов. Неукротима была их революционная энергия. Неудачи и жестокие наказания не могли сломить их решимость.

Морской военный флот нуждался в специалистах высокой квалификации. Военный корабль с его разнообразными машинами, мощной артиллерией, сложными морскими приборами — это своего рода завод, насыщенный самой высокой техникой. Для службы при механизмах корабля (машинное отделение, электростанция, беспроволочный телеграф) на флот набирались исключительно рабочие-специалисты: слесари, механики, машинисты, электротехники. Так попали в Черноморский флот опытные механики Денисенко, Гладков и Волошинов, искусные слесари Антоненко и Петров — будущие организаторы социал-демократического движения на флоте. Здесь их определяли в морские школы, где они получали специальное образование. Выходили они оттуда в звании квартирмейстеров⁷, что, впрочем, не спасало их от произвола и грубости начальства.

Боясь довериться одним только рабочим, царское правительство набирало матросов и среди крестьянской молодёжи для службы в менее сложных отделениях корабля. Но и эти службы, как, например, морская артиллерия, требовали более или менее развитых людей. Поэтому на флот посылались самые грамотные крестьяне. По всей стране во время рекрутских наборов отбирали на флот крестьянскую молодёжь, окончившую по крайней мере низшую сельскую школу.

Так пришёл на флот Григорий Вакуленчук.

Но если матросы флота набирались из наиболее культурных рабочих и крестьян, то офицерский состав комплектовался почти исключительно из дворянских сынков.

За ничтожным исключением, офицеры приносили с собой на флот непримиримую классовую ненависть помещика к рабочим и крестьянам. Каждый матрос был для них прежде всего «мужик», «хам», которого надо превратить в покорного раба.

Чем культурнее был матрос, тем сильнее боялись и ненавидели его крепостники-офицеры. Поэтому даже знаменитая

своей жестокостью палочная дисциплина царской армии бледнела перед флотским военным режимом.

Служба на флоте длилась семь лет. За эти годы матросам суждено было испытать до дна чашу горчайших унижений.

За ничтожные проступки (не вовремя отдал честь, запачкал палубу, не проявил расторопности) матросов лишали отпусков, ставили под ружьё с пудовым, наполненным землёй ранцем за спиной, сокращали жалованье, давали в течение месяца внеочередные наряды.

Кроме наказаний, установленных военно-морским уставом, матросов подвергали телесным наказаниям.

Удары сыпались на них в учебное и внеучебное время. Бивали случаи, когда офицеры наносили матросам колотые раны и отделялись за эти «служебные преступления» пустяковыми наказаниями, вроде перевода на другой корабль. Такой случай произошёл, например, с матросом броненосца «Георгий Победоносец» Ковалёвым, которого тяжело ранил кортиком мичман Рюмин.

В Кронштадте какой-то мичман, встретив на улице матросановобранца, остановил его. «Ты знаешь, кто я?» — спросил офицер. «Мичман, ваше высокородие», — ответил матрос точно по уставу. «А как моя фамилия?» — продолжал офицер. «Не могу знать, ваше высокородие». «Тогда позволь представиться», — сказал мичман и, ударив матроса два раза кулаком по лицу, удалился, весьма довольный своей «шуткой».

За один только 1904 год за проступки, не связанные с политической агитацией (самовольные отлучки, неповиновение, нерадение к службе), было подвергнуто разным «взысканиям» (арест, телесные наказания, закование в кандалы) тысяча сто сорок пять человек, то есть 13 процентов списочного состава матросов Черноморского флота.

Человеческое достоинство матроса всячески унижалось.

Главный командир Черноморского флота адмирал Чухнин запретил матросам «под страхом заключения в тюрьму» ходить по бульварам и некоторым улицам Севастополя. В общественных местах матросы не имели права сидеть в присутствии офицера. Поэтому они фактически лишались возможности посещать театры и публичные библиотеки.

В Кронштадте один смельчак передал адмиралу Никонову просьбу матросов подавать им пищу в отдельной для каждого посуде (матросы ели из общего котла).

— Не прикажешь ли подать каждому нижнему чину ещё белые салфетки? — насмешливо спросил адмирал.

Градоначальник города Николаева издал приказ, чтобы матросы отдавали воинскую честь его дому.

Рабочий день матросов начинался в пять часов утра и длился до вечера. Очень часто в виде наказания или под предлогом срочных работ матросов лишали двухчасового послеобеденного отдыха.

На содержание каждого матроса казна отпускала 24 копейки в день. Но и из этой ничтожной суммы добрая половина попадала в руки офицеров, наживавших состояния, экономя на матросских «харчах». Командир броненосца «Потёмкин» выстроил себе три дома в Севастополе, в то время как команда питалась гнилым мясом.

Тухлое мясо было предметом постоянных жалоб матросов; из-за него неоднократно происходили столкновения с начальством.

Комиссия, организованная комендантом Владивостокской крепости во время русско-японской войны, доносила:

«Хлеб в войсках выпекается небрежно, сырой, с большим количеством воды... Вследствие плохой засолки и отсутствия ледников солонина и кета испортились, появились черви. Хотя во все морские части и были прикомандированы врачи с целью усилить надзор за качеством продуктов, но начальство не обращает внимания на заявления врачей и своею властью приказывает класть в котёл испортившуюся солонину и кету»⁸.

Начальство наживалось за счёт солдатского котла, проявляя при этом необычайную изобретательность. Командующий Черноморским флотом Чухнин присвоил жалованье, присланное матросам «Русским обществом пароходства и торговли» за работу на коммерческих судах.

Флот был, таким образом, не только орудием насилия над трудящимися царской России, он являлся и орудием жесточайшей классовой эксплуатации матросов.

В царствование последних Романовых командный состав военно-морского флота пополнялся главным образом бездарными и невежественными дворянскими сынками.

Вот как характеризовал Чухнин адмирала, которого он считал достойным занять пост командира морской дивизии:

«Он — не орёл, звёзд с неба не хватает, но достаточно решителен, дисциплинирован, идёт твёрдо по пути, ему указанному, и не стесняется в наложении взысканий».

Для царского правительства это был идеальный тип командира.

Русско-японская война вскрыла перед всем народом тупость и военное невежество царского морского офицерства.

К началу войны русская Тихоокеанская эскадра значительно превосходила по силе своего огня японский военный флот. Но вместо того, чтобы сосредоточить её боевую мощь в одном месте, командование разбросало часть кораблей по всему Тихоокеанскому побережью. Японцы окружали превосходящими силами русские военные корабли и топили их, несмотря на героическое сопротивление экипажей. Так погибли крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец» у Чемульпо. Многие военные суда были задержаны в нейтральных китайских портах, где они находились к началу военных действий. Внезапным нападением японские миноносцы вывели из строя три сильнейших броненосца, стоявших на рейде Порт-Артура.

Поражение мощной Тихоокеанской эскадры, бесславная гибель эскадры адмирала Рожественского, позорная сдача без боя адмиралом Небогатовым своей эскадры японцам — все эти события не могли не обострить ненависти матросов к своим поработителям.

Тупые, невежественные, жестокие начальники — «шкуры», «драконы», как их называли матросы, — были живым олицетворением государства помещиков и фабрикантов. И как только стало подниматься революционное движение русского пролетариата, матросы примкнули к нему.

Глава IV

РЕВОЛЮЦИОННАЯ РАБОТА СРЕДИ МОРЯКОВ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА

Матросы постоянно соприкасались с рабочими. Когда корабль приходил в порт, на борт его поднимались рабочие для мелкого ремонта. Часто корабли шли в плавание, имея на борту вольнонаёмных рабочих.

Во время ремонта в доках часть матросов оставалась на корабле. Завязывались знакомства, начинались беседы на политические темы, читались прокламации, принесённые рабочими.

Многие матросы участвовали до призыва в стачечной борьбе пролетариата. Иные были членами социал-демократической партии ещё до прихода на флот.

Большевистское воспитание ведущих деятелей революционного матросского движения началось ещё до II съезда РСДРП, в социал-демократических кружках, где они читали ленинскую «Искру».

Изучение распространённой на флоте ленинской «Искры» заложило в матросской среде столь прочные основы большевистского мировоззрения, что матросов не могли впоследствии сбить с правильного пути меньшевистские идеологи Севастопольского комитета.

Не подлежит сомнению, что многие матросы ещё до прихода на флот были связаны с революционными социал-демократами, получали большевистскую литературу. Она попадала через рабочих доков, где строились и ремонтировались корабли.

Из Петербурга на флот прибыл Антоненко, участник Обуховской обороны, будущий герой восстания на крейсере «Очаков». Талантливый механик, машинный квартирмейстер Степан Денисенко побывал в Батуме и в Ростове-на-Дону в разгар революционных событий. Квартирмейстеры Волошинов и Гладков были командированы в Сормово для наблюдения за стройкой крейсера «Очаков». Сормовский комитет был большевистским. Там они вступили в ряды РСДРП и вернулись в Севастополь убеждёнными ленинцами. С явкой в «Крымский союз» прибыли Иван Яхновский и будущий герой того же очаковского восстания Иван Сиротенко.

Начал свою службу на флоте большевик Александр Петров. Он вырос в революционной семье. Его старшие брат и сестра вели активную работу в казанском социал-демократическом кружке. Тринадцатилетним мальчиком Александр Петров переносил запрещённую литературу, раздавал на улицах прокламации, вложенные в рекламные объявления торговых фирм.

В восемнадцать лет Петров стал членом социал-демократической организации города Владимира, куда он переехал после ареста брата и сестры. В поисках работы Петров кочует по городам, знакомится с бытом и настроениями рабочих. Это был человек неутомимой энергии. После двенадцатичасового рабочего дня Петров находил ещё время для партийной работы, руководил рабочими кружками, неутомимо занимаясь в то же время своим самообразованием. За несколько лет работы на заводах он овладел и ремеслом слесаря.

На флот Петров прибыл образованным марксистом. Внимательный читатель ленинской «Искры», он хорошо усвоил идеи В. И. Ленина о ведущей роли партии в революционном движении пролетариата. Он разбирался в политических вопросах, у него был опыт партийной работы и талант агитатора. Петров начал свою революционную деятельность на броненосце «Екатерина II», куда он был определён матросом. Отважный революционер, он собирал тайные сходки на самом корабле. По ночам в глубинных

отсеках корабля матросы собирались группами в пятьдесят — семьдесят человек. Этот корабль дал десятки матросов-агитаторов.

Скоро о Петрове узнали и другие черноморцы. Его пламенные речи слышали на кораблях, в экипажах и на массовках в Инкермане⁹. Он был добр к друзьям и непримирим к врагам, мягкий в отношениях с товарищами и жёсткий, как камень, в спорах с идейными противниками. Только матросам «Екатерины II» была известна его настоящая фамилия, другие черноморцы знали его под псевдонимом «Михаил». Через своих лазутчиков начальство проводало о деятельности «Михаила». Семьсот матросов броненосца «Екатерина II» знали Петрова по имени и фамилии, тысячи черноморцев знали в лицо матроса «Михаила». Каждый из них мог указать на него пальцем. А начальство так и не дозналось, кто скрывается под этим именем. Был момент, когда начальство заподозрило Петрова. За ним учредили тайный надзор. Нескольким десяткам матросов-филёров было поручено наблюдение за Петровым. Но черноморцы зорко следили за филёрами, останавливали их, сбивали с толку, предупреждали Петрова, уводили его в сторону от расставленных сетей. Слежка не дала никаких результатов.

Одновременно с Петровым на Черноморском флоте вели революционную работу матросы Антоненко, Денига, Чёрный, квартирмейстеры Волошинов, Гладков, Денисенко и Сиротенко. Одни из них, как Волошинов и Гладков, были уже связаны, подобно Петрову, с Севастопольским комитетом «Крымского союза»; другие вели, как умели, на свой страх и риск революционную пропаганду среди матросов. Александру Петрову удалось сплотить их всех в единый кружок. Позднее к ним присоединился друг Петрова, талантливый унтер-офицер Григорий Вакуленчук. Эти одарённые, отважные и глубоко преданные делу освобождения трудящихся революционеры основали матросскую «Централку» — революционный социал-демократический центр на Черноморском флоте.

Состав «Централки» был строго законспирирован, что облегчалось небольшим количеством её членов.

В энергии не было недостатка. Начались собрания матросов за городом, в лесах вдоль Инкерманской дороги, за Малаховым курганом.

Начальство было встревожено. Оно знало, что происходят митинги и собрания, догадывалось, что на каждом корабле существуют тайные матросские кружки.

В январе 1904 года в Петербурге под председательством царя состоялось совещание «О мерах борьбы с революционным движением в Черноморском флоте».

Меры были приняты чрезвычайные. На флот под видом матросов отправили опытных агентов охраны. Вещи матросов во время их отлучек систематически обыскивались, переписка просматривалась. Это привело лишь к возмущению матросов¹⁰.

«Все знают, что сотни матросов, — писал адмирал Чухнин, — собираются за городом на сходки, где проповедуются возмутительные учения с поруганием всего, что имеет власть. И всё же ни одного человека нельзя уличить, ибо никто никого не выдаёт»¹¹.

По мере развития революционного движения в стране сходки устраивались всё чаще и становились всё многочисленнее. Это были уже настоящие митинги, или, как их тогда называли, массовки с участием нескольких сотен, а иногда и тысяч матросов и рабочих. Участники их отправлялись к месту сбора небольшими группами, а расставленные повсюду «патрули» условными знаками извещали об отсутствии опасности или близости полиции.

О силе глухой ненависти матросов к своим угнетателям можно судить по стихийному бунту на учебном крейсере «Березань», когда доведённые до отчаяния матросы бросились открывать кингстоны¹², чтобы потопить корабль и себя вместе с начальством. Только находчивость члена «Централки» квартирмейстера Гладкова спасла от гибели крейсер и его экипаж.

Другое выступление произошло в ноябре 1904 года в севастопольских экипажах. Матросы разбили камнями стёкла в окнах офицерских квартир, освистывали и осыпали оскорблениями пытавшихся «урезонить» их начальников.

Это было похоже на первые стихийные бунты рабочих.

Основатели матросской «Централки» — Петров, Денисенко, Вакуленчук, Волошинов и некоторые другие — были убеждёнными ленинцами.

Вся деятельность матросской «Централки» была проникнута мыслью В. И. Ленина, высказанной в книге «Что делать?»:

«...начать со всех сторон и сейчас же готовиться к восстанию, не забывая в то же время ни на минуту своей будничной насущной работы»¹³.

Для этого на Черноморском флоте имелись особо серьёзные предпосылки.

Дело в том, что каждый восставший корабль представлял собой мощную плавучую крепость с огромными запасами боевого материала. Сухопутные войска бессильны против восставшего

корабля. Уничтожить или победить революционный корабль могли только оставшиеся верными правительству корабли.

Но матросы во время продолжительных стоянок жили все вместе и вместе же выходили в плавание. Команды кораблей часто общались. Каждому матросу было ясно, что все сочувствуют восстанию и вряд ли найдётся корабль, который будет действовать против восставших. И потому матросы могли сделать тот шаг, на который так трудно было решиться в то время солдатам.

«Централка» старалась направить в организованное русло стихийное недовольство матросов, придать ему ярко политический характер.

Знаменательна в этом отношении предпринятая Петровым на броненосце «Екатерина II» кампания по провозглашению «великой хартии матросских прав».

По ночам в угольных ямах броненосца матросы вырабатывали революционный документ: «Требования матросов с «Екатерины II». Помимо ряда экономических требований, матросы добивались «отмены титулов в обращении матросов к офицерам, включения в состав военно-морских судебных коллегий судей, избранных матросами, предоставления каждому экипажу права привлекать к суду своих офицеров».

Этот документ с требованием демократизации царского флота был издан в виде прокламации Севастопольским комитетом и распространён по всему флоту. Он произвёл сильное впечатление на матросов. Социал-демократическая партия прочно утвердила за собой среди всей массы матросов репутацию их друга и защитника.

Революционной деятельностью «Централки» руководил Севастопольский комитет «Крымского союза». В ту пору «Крымский союз» не раскололся ещё на отдельные организации — большевиков и меньшевиков. В Севастопольском комитете работали большевики и меньшевики. Но преобладали меньшевики. Они задавали тон в политике комитета, запрещали своим работникам выносить на обсуждение рабочих и матросских собраний внутрипартийную борьбу. «Крымский союз» отказался послать делегата на III съезд партии, который в апреле 1905 года принял ленинскую резолюцию о подготовке вооружённого восстания. Как известно, в апреле 1905 года центральные меньшевистские органы и конференция меньшевиков высказались против этой тактики. Они утверждали, что революция не организуется, а стихийно развязывается, что роль партии заключается лишь в идейном вооружении пролетариата. Такую политику проводил и Севастопольский комитет. В своей агитации он ограничивался тем, что звал матросов «присоединить голос протеста к народу».

«Ораторы на сходках говорили нам, — рассказывает в своём письме о меньшевистской агитации А. Петров, — что теперь ведётся усиленная агитация в крупных промышленных центрах, столицах и на окраинах. Когда народ с оружием в руках выступит против самодержавия, когда войска открыто станут переходить на сторону народа и правительство будет разрываться на части в усилиях подавить революцию, тогда и вы, матросы, спешно требуйте созыва Учредительного собрания и полного упразднения самодержавия».

Нет ничего позорнее этого призыва, обращённого к вооружённым людям, «присоединить голос протеста», когда народ восстанет с оружием в руках.

Матросы поняли это.

«Так говорили ораторы, но не так думали мы, — продолжал свой рассказ Петров. — Мы видели, как трудно сделать восстание общим. Вспыхнув в одном месте, оно не сразу передаётся в другое, и когда передаётся, то бывает подавлено в первом. Войска же только тогда станут переходить на сторону народа, когда у них явится уверенность во всеобщем восстании, а для этого надо, чтобы восстание охватило широкий район, а где такой широкий район, как не у нас, в Чёрном море? Кто, как не мы, матросы, начав революцию в Севастополе, можем сразу перебросить её на Кавказ, оттуда в Одессу и в Николаев? Кто, как не мы, может заставить принять участие в революции войска?»

Это были слова ленинца. Александр Петров, как и другие деятели «Централки», был знаком с резолюциями III съезда и руководствовался ими в своей революционной практике. В этом письме Петрова — развёрнутая программа вооружённого восстания. Полемика А. Петрова с «ораторами на сходках» есть не что иное, как спор с меньшевистской теорией стихийного развития революции. Всё это даёт нам право заявить, что «Централка» стояла на большевистских позициях, хотя и работала в составе «Крымского союза».

«Вооружение народа становится одной из ближайших задач революционного момента», — писал В. И. Ленин десять дней спустя после событий 9 января¹⁴.

Через все рогатки и заграждения Севастопольского комитета голос Ленина дошёл до матросов Черноморского флота. «Централка» стала готовиться к флотскому восстанию.

Читатель видит, таким образом, что восстание броненосца «Потёмкин» не было случайным эпизодом революционного 1905 - года. Героическое восстание потёмкинцев было тесно связано с революционными выступлениями пролетариата и крестьянских масс России, его яркий политический характер был подготовлен всей

предшествующей десятилетней работой большевиков в армии и на флоте.

Глава V

ПЛАН ВОССТАНИЯ

Восстание предполагалось начать на Тендре¹⁵.

Севастополь — крупная военная крепость. Огонь её береговых батарей способен уничтожить сильнейшие военные корабли. Севастопольские же береговые батареи находились в руках сухопутных войск, которые не были в такой степени охвачены революционной пропагандой, как моряки. В случае их сопротивления восставшие корабли оказались бы запертыми в крепости и лишились бы своего основного военного преимущества — подвижности. На Тендре, кроме того, не было сухопутных военных частей. Поэтому правительству не на кого было бы опереться в первые, решающие часы восстания.

Разработав план восстания, «Централка» решила поставить его на обсуждение социал-демократических кружков всех кораблей.

Собрание состоялось в горах за Малаховым курганом 10 июня 1905 года под охраной патрулей, расставленных по всему пути следования матросов.

По плану «Централки», в заранее установленный час на одном или нескольких кораблях матросы арестуют офицеров и выстрелом из орудия дадут знать остальным кораблям о начале восстания. Представители кораблей должны были заранее подготовить караулы из надёжных матросов и занять с их помощью командирские рубки и батарейные палубы. Особые караулы должны были стать на охрану пороховых камер, спасательных клапанов и клапанов затопления, чтобы помешать офицерам взорвать или затопить корабли во время восстания.

Начать, по мысли «Централки», должна была «Красная Катя» — так называли матросы броненосец «Екатерина II».

Это был один из самых старых броненосцев Черноморского флота. Особенно серьёзного боевого значения он не представлял. Но на «Красной Кате» была самая сильная партийная организация. Основателем революционного комитета на броненосце «Екатерина II» был матрос большевик Александр Петров. Начальство подозревало в нём «бунтовщика», поэтому он был переведён на военно-учебное судно «Прут». Это произошло за две недели до восстания.

С надеждой думали о «Красной Кате» и со страхом озирались на «Потёмкина». «Потёмкин» был новый броненосец. Его спустили на воду только в 1904 году. Он вошёл в строй эскадры в 1905 году. Команда его была недавно сформирована. Матросская «Централка» ещё не успела завести там прочных связей. На «Потёмкине» не имелось даже оформленной революционной организации. Большевиков было мало. Ни Вакуленчук, ни Денисенко не могли поручиться за команду своего корабля. Между тем от её поведения зависел успех восстания: «Потёмкин» являлся самым сильным броненосцем Черноморского флота.

Если бы «Красная Катя» и «Потёмкин» соединились в момент восстания, они могли бы создать мощный кулак революции.

Случилось иначе.

Каждый корабль мечтал начать первым. Ростиславцы уверяли, что у них хватит решимости сделать это.

— Только «Ростислав» и «Три Святителя» по силе своего огня смогут противостоять «Потёмкину», — уверяли представители броненосца «Три Святителя». — Им вдвоём и надо начинать.

Поднялись горячие споры. Согласились на том, что «Централка» совместно с Севастопольским комитетом сама решит, кому начинать и начинать ли одному кораблю или нескольким.

Внезапно возникли новые разногласия. Несколько матросов предложили начать дело забастовкой с требованиями улучшения пищи и быта матросов.

Представители Севастопольского комитета энергично поддержали их.

Вакуленчук горячо возражал:

— Не за матросов, за народ стоим, власть воевать идём.

Петрова на собрании не было: «Прут» ушёл в плавание. На крейсере «Очаков» совершенно неожиданно объявили в это утро об ожидаемом прибытии флагмана¹⁶. Поэтому члены «Централки» очаковцы Гладков, Волошинов, Антоненко не получили отпусков. Присутствовавшие на собрании Денисенко, Резниченко и Денига отстаивали вместе с Вакуленчуком план «Централки». Но мысль о забастовке соблазняла многих представителей. Лозунг массового протеста по поводу плохой пищи и жестокого обращения был очень популярен среди матросов. Многим казалось, что таким образом легче будет увлечь на восстание «несознательных». Поэтому, несмотря на все усилия Вакуленчука и его товарищей, и этот вопрос не был решён на собрании. Его решила жизнь.

11 июня в Севастополь прибыл из Петербурга полковник морской артиллерии Шульц для испытания новых орудий броненосца «Князь Потёмкин-Таврический». Эскадра не была ещё

оснащена для плавания, и адмирал Чухнин приказал командиру «Потёмкина» 12 июня выйти на Тендру, не дожидаясь остальной эскадры.

В ночь с 10 на 11 июня произошло другое событие: группа матросов «Потёмкина» прислала в «Централку» запрос от имени команды броненосца:

«Мы слышали, — писали потёмкинцы, — что вся эскадра должна восстать за народ, и спрашиваем, не будет ли какой беды народу, если мы первые восстанем против тиранов?»

«Централка» решила, что восстание начнёт «Потёмкин», но просила до прибытия всей эскадры на Тендру не предпринимать никаких шагов. Матросы «Потёмкина» Вакуленчук и Денисенко взялись подготовить команду.

Глава VI

ГЕРОЙ ПОТЁМКИНСКОГО ВОССТАНИЯ УНТЕР-ОФИЦЕР ГРИГОРИЙ ВАКУЛЕНЧУК

Григорий Никитович Вакуленчук пришёл в революцию довольно сложным путём. Сын бедного крестьянина Волынской губернии, он ещё в детстве самоучкой выучился грамоте. В селе, где родился Вакуленчук, находился большой сахарный завод. Работая на заводе, Григорий сдружился со старым мастером завода. У мастера, бывшего машиниста торгового флота, была хорошая библиотека, состоявшая главным образом из книг с описанием морских путешествий. Мастер и сам много рассказывал мальчику о своих далёких плаваниях. Под влиянием этих рассказов и прочитанных книг у Григория развилась та особая мечтательность, которая свойственна юным любителям чтения.

Старый мастер учил своего любимца всему, что знал сам. Когда подошёл срок призыва, Вакуленчук был хорошо знаком с арифметикой, обладал обширными познаниями в географии, умел читать морские карты. Его отправили в Черноморский флот, где он попал в 33-й флотский экипаж.

Командиром этого экипажа был капитан Беклемишев.

«Чересчур мягкий офицер», — рапортовал о нём царю адмирал Чухнин. А между тем это был офицер-крепостник. Но он пользовался более тонкими приёмами для того, чтобы превратить матросов в защитников самодержавия.

Строгий и взыскательный начальник, он требовал от подчинённых усердной и исполнительной службы. Взыскания на матросов в 33-м экипаже налагались неукоснительно, но только по морскому уставу и за его нарушения. Беклемишев категорически запретил офицерам своего экипажа бить матросов.

В то же время Беклемишев не упускал ни одного случая, чтобы не внушить матросам презрения к «вольным», вступался за них в случае ареста за «дебош» или драку на берегу.

«Матросский батька» — называли его матросы 33-го экипажа и долгое время оставались глухими к революционной пропаганде.

В его сети попался было и Григорий Вакуленчук.

Большевики Петров, Денисенко, Гладков старались сблизиться с Вакуленчуком и вовлечь его в революционное движение.

Однако первые шаги флотских пропагандистов не увенчались успехом.

— Матрос сам виноват, коли офицер его обижает, — упрямо отвечал на все их доводы Вакуленчук и приводил примеры из жизни своего экипажа. — Конечно, рукоприкладство — это нехорошо, но многое зависит от того, как человек сам себя поставит.

Так продолжалось до тех пор, пока «матросский батька» неожиданно для Вакуленчука не оскалил зубы крепостника.

В этот день Беклемишев повёл роту, в которой Вакуленчук служил унтер-офицером, в Гурзуф — защищать резиденцию его императорского высочества, главного адмирала русского флота, от «злонамеренных вольных личностей». Этими личностями, как потом выяснилось, были крестьяне, с земель которых великий князь, в нарушение законов о водопользовании, отвёл горные источники на свои виноградники. Доведённые до отчаяния крестьяне прогнали - великокняжескую стражу, захватили истоки горных вод, поставили там свою охрану и стали направлять воду поочерёдно то на свои, то на великокняжеские земли.

Матросы должны были совместно с конными стражниками выбить крестьян из занятого ими горного ущелья. Всей операцией руководил Беклемишев, разработавший для этого целый тактический манёвр.

Вечером конники ворвались в деревню, в которой оставались только женщины, старики и дети. Стражники избивали беззащитных людей, угоняли скот. Внезапно засветили морские прожекторы и залили своими лучами деревню и подступы к ней.

Вакуленчук мгновенно разобрался в замысле Беклемишева: заставить крестьян броситься с гор на помощь своим семьям. Он понял также, что здесь их встретит огонь матросов.

— Братцы... не надо... братцы... в воздух... — пронёсся по матросской цепи призыв Вакуленчука, как только раздался приказ стрелять по крестьянам, показавшимся в полосе света.

Матросы охотно откликнулись на призыв своего унтер-офицера.

— Лейтенант... Боцман... Почему люди мажут? Дать точный прицел! — крикнул Беклемишев.

Ротный снова командовал: «Пли!»

Между тем стражники, услышав матросский залп и не разобравшись в происходившем, ворвались в полосу света, намереваясь напасть на уцелевших крестьян. И хотя до матросов вовремя долетел истошный вопль Беклемишева: «Отставить!», — они, точно так же, как и Вакуленчук, спустили курки, чуть передвинув при этом прицел. «Беклемишевы» всегда отличались меткой стрельбой. Стражники бежали, оставив убитыми и ранеными 23 человека и с десяток коней.

— Объявляю благодарность за молодецкую стрельбу. Передать по рядам, — прошептал Вакуленчук.

Матросы беззвучно смеялись.

На другой день после возвращения из Гурзуфа Вакуленчук сам прибежал к Петрову. Тот усадил его за социал-демократическую литературу. Вакуленчук читал быстро и много и вскоре стал одним из видных деятелей матросской «Централки», борющихся за осуществление на практике ленинской идеи вооружённого народного восстания.

Как большевик Вакуленчук решительно возражал против «мясных» и всяких других забастовок на флоте, которые пропагандировали меньшевики из Севастопольского комитета.

— Из-за деревьев леса не видите, — спорил Вакуленчук, — начальство всполошится, пойдут аресты, людей перетасуют, как колоду карт, и начинай всё сначала. Ради ложки борща поставим под удар важное дело, отсрочим восстание... а то и совсем погубим его...

Глава VII

День первый восстания

ТЕНДРА

«Потёмкин» бросил якорь у Тендры.

В глубоких трюмах, в угольных ямах, в тайниках корабля шли горячие споры. Образовались две группы: унтер-офицер Вакуленчук спорил с минным квартирмейстером Матюшенко. У каждого были свои сторонники.

Матюшенко называл себя социал-демократом, но в партию не вступал. После 9 января Матюшенко примкнул к движению искренне, убеждённо и горячо.

Вакуленчук был в курсе всех планов «Централки». Он возражал против немедленного восстания, он настаивал на соединении с эскадрой. Он видел дальше, чем Матюшенко, который хотел, чтобы «Потёмкин» во что бы то ни стало выступил первым.

— «Потёмкин» — самый сильный корабль, он и должен первым начать. Остальные корабли присоединятся, когда узнают, что мы восстали, — кричал на сходках Матюшенко.

Он называл Вакуленчука трусом. Революционный порыв увлекал его. Он подчинился приказу «Централки» — не предпринимать ничего до прихода на Тендру всей эскадры, но не прекращал агитации. Он ждал случая. Его популярность среди команды быстро росла.

До матросов доходили отголоски споров между Вакуленчуком и Матюшенко. Говорили, что Матюшенко — сторонник восстания, а Вакуленчук — противник. Всё вдруг перепуталось. Матюшенко немного побаивались, Вакуленчука знали как партийца. Когда матросы «Потёмкина» говорили о восстании, они произносили имя Вакуленчука. И расходились при приближении Матюшенко. И вдруг всё перевернулось: Матюшенко — за восстание, Вакуленчук — против.

Волновалось и начальство.

Командование «Потёмкина» не знало толком, в чём дело, но чувствовало: что-то готовится. Не знало, где происходят собрания, но знало, что они происходят. Не знало, кто ведёт за собой матросов, но знало, что у матросов есть свои вожаки.

В ход был пущен излюбленный метод — провокация.

Наказания стали сыпаться, как из рога изобилия.

Командир «Потёмкина» Голиков издавна славился придиричливостью. Теперь он превзошёл самого себя. Матросу нельзя было попасться ему на глаза, чтобы не получить дисциплинарное взыскание. Муштра была удвоена. Матросов лишили послеобеденного отдыха. Стояли невыносимо жаркие дни, но людей подымали с рассветом и муштровали до вечера.

13 июня вечером к кораблю подошёл миноносец № 267. Он ходил в Одессу за провизией. Стали выгружать на корабль мясо, хлеб, крупу, картошку, овощи. Мясо сильно пахло. Его повесили на крючках на спардеке¹⁷.

Матросы миноносца сообщили: в Одессе порт бастует, в городе баррикады.

Слух об этом быстро разнёсся по кораблю.

В эту ночь спорили и говорили не только на тайных сходках. О восстании говорили всюду, где собирались хотя бы двое матросов. Люди потеряли сон.

Матюшенко усилил агитацию. Всю ночь бегал по матросским кубрикам. «Теперь или никогда», — говорил он. Матюшенко агитировал за то, чтобы команда выбросила за борт протухшее мясо и предъявила начальству требование об улучшении пищи. Он хорошо понимал, что в накалившейся и нервной обстановке «Потёмкина» это приведёт к немедленному восстанию.

Вакуленчук требовал выдержки:

— Надо подождать эскадру. Ждать осталось недолго — всего несколько дней.

Поздно ночью пришли к соглашению. Обе группы пошли на уступки: команда выразит молчаливый протест; она откажется от обеда, но не предъявит никаких требований.

14-го утром команде стало известно, что мясо, привезённое вчера, полно червей.

Ходили на спардек смотреть на подвешенное там тухлое, вонючее, червивое мясо. Собирались кучками, громко негодовали.

Боцман доложил начальству: команда недовольна, волнуется...

Офицеры не терпели ни малейшего проявления чувства человеческого достоинства. Естественное возмущение они восприняли как бунт. Признать мясо негодным — значило, по их мнению, потерять престиж.

Начальство любит соблюдать форму. Судовой врач Смирнов исследует мясо и признаёт его вполне съедобным. Командир даёт распоряжение кокам готовить из этого мяса борщ.

Свистит дудка, созывающая на обед.

Матросы молча салятся за стол. Жуют хлеб и запивают водой. Никто не идёт за борщом. Смеются: сами посадили себя на карцерный рацион.

Это была забастовка, в которой люди отстаивали своё право не есть то, что им не нравится.

Для царского военного чиновника это звучало нестерпимой дерзостью.

— В Порт-Артуре люди собачину ели, а теперь и говядина стала плоха, — возмутился командир «Потёмкина» Голиков, когда ему донесли о происшедшем.

Гремит барабан, созывающий матросов на шканцы¹⁸. Голиков становится на кнехт¹⁹. Его речь коротка:

— Знаете ли вы, чем карается бунт на военном корабле? Видите эту рею²⁰? Все будете висеть на ней. Не бунтуйте и ешьте борщ. Кто согласен повиноваться, переходит направо.

Только двенадцать человек выполнили приказание командира... Было тихо.

— Я запечатаю борщ в бутылки и передам дело на рассмотрение командующего флотом. А вы расходитесь, — приказал Голиков.

Старший офицер Гиляровский решил действовать смелее.

— Стой! — крикнул он начавшей расходиться команде. — Боцман, караул наверх! — Потом обратился к команде: — Кто хочет есть борщ, — переходит направо.

Караул уже стоял с заряженными винтовками. Вакуленчук первым перешёл направо. Он не хотел доводить дело до столкновения. За ним последовали организованные матросы. Они увлекли колеблющихся. Ряды дрогнули. Стиснув от злобы кулаки, последовал за всеми и Матюшенко. Провокация Гиляровского не удалась. Выдержка Вакуленчука победила.

Но это не входило в планы начальства. Гиляровский надеялся проучить матросов и навсегда отбить у них охоту бунтовать. Он был слишком туп, чтобы понять, что стоит на пороховом погребке, готовом взорваться. Он бросился вперёд и загородил дорогу группе в несколько десятков матросов.

— Стой! — заорал он. — Эти не хотят есть борщ. Боцман, брезент!

Люди вздрогнули. Они хорошо понимали, что брезент — это гроб моряка. Когда людей здесь расстреливают, их покрывают брезентом.

Команда сбилась в кучу.

— Караул, к стрельбе готовься. По людям, стоящим под брезентом, огонь! Пли!

Караул стоял неподвижно. Точно прилипли к паркету палубы приклады винтовок.

— Бунт?! — завопил Гиляровский. — Я вам покажу бунтовать!

Он бросился к ближайшему караульному и выхватил у него винтовку.

— Ребята, хватай винтовки! Что на них смотреть! — крикнул Вакуленчук.

Он понял, что время отсрочек прошло.

Словно ток пробежал по людям. Матросы, как по команде, бросились в батарейную палубу²¹.

В один момент исчез строгий порядок военного корабля. С батарей неслись победные крики: «Долой самодержавие!», «Ура! Бей драконов!» На орудийных башнях появились вооружённые матросы. Где-то начали стрелять. Только на шканцах было спокойно; тут стояли бледные и растерянные офицеры.

— Бунт?! Я вам покажу, мерзавцы! — рычал Гиляровский. Он взял на прицел узкий проход с батарейной палубы на шканцы.

К проходу бежали матросы. Вакуленчук видел это.

— Он их перестреляет, как куропаток! — крикнул Вакуленчук.

Стремительным рывком он бросился к Гиляровскому. Схватив за ствол винтовку, он пытался вырвать её из рук офицера.

Началась борьба. Дуло винтовки упиралось в грудь Вакуленчука. Теперь все его усилия были направлены к тому, чтобы помешать руке Гиляровского добраться до курка. Металлический ствол выскальзывал из рук. Наконец ему удалось второй рукой добраться до приклада. Сильным движением он попытался вырвать винтовку из рук Гиляровского. Но в этот же момент рука Гиляровского нащупала курок. Спешивший на помощь Матюшенко прибежал слишком поздно: раздался выстрел — и Вакуленчук упал.

Гиляровский стоял у самого борта корабля. Матюшенко выстрелил. Гиляровский зашатался, потерял равновесие и полетел в воду.

— Я тебе дам, — грозил он Матюшенко, уже барахтаясь в воде. — Ты у меня будешь знать, как команду бунтовать! Я тебя знаю... Я тебя запишу... Я тебя...

Несмотря на весь драматизм положения, наблюдавшие эту сцену матросы не могли удержаться от смеха.

Битва за броненосец между тем продолжалась. Храбрые бились, трусы прятались, бежали и погибали.

Лейтенант Тон метнулся в низовые отсеки корабля.

Комендор²² Иван Задорожный читал инструкцию «Централки» об охране пороховых камер и клапанов затопления корабля. И теперь, заметив движение своего непосредственного начальника, он вспомнил о ней. Задорожный не мог, конечно, угадать точно намерений лейтенанта Тона, но он хорошо изучил своего начальника.

Это был один из самых высокомерных офицеров флота. В своих отношениях с матросами он не занимался рукоприкладством — не из уважения, а из презрения к матросам. Если надобно было наказать подчинённого, он приказывал боцману: «Набей ему морду».

«Этот на всё способен», — подумал Задорожный, увидев, как лейтенант Тон скрылся в люке, который вёл в трюмные отделения корабля.

Задорожный мигнул своему приятелю, социал-демократу Мартянову, и оба матроса кинулись вдогонку за офицером.

Тон был неплохим спортсменом: он спускался, прыгая через три-четыре ступеньки. Винтовки стесняли движения матросов по узким корабельным трапам. Тон заметно опережал их. Задорожный видел, что догнать Тона невозможно, а стрелять на ходу при таком быстром беге — значило идти на верный промах.

На одном повороте лестницы Тон свернул. Задорожный мгновенно догадался: «Он хочет взорвать крюйт-камеру». Крюйт-камера — это носовая пороховая камера. Она отделена бронированными перегородками от остальных отсеков корабля. Если её взорвать, корабль может сохранить свою плавучесть, но потеряет ход вследствие повреждений носовой части корабля с его важными механизмами. Задорожный в качестве комендора часто ходил в крюйт-камеру. Он знал путь к ней более короткий, чем тот, который избрал Тон. Задорожный и Мартянов свернули на запасные трапы. Теперь они неслись по винтовым лесенкам. Ступеньки были узкие, повороты крутые. Редкие и маломощные дежурные лампочки едва освещали этот путь. Если Тон добежит раньше их, они оба погибнут от взрыва. Каждый прыжок приближал их, быть может, к роковой развязке. Но не о том думали эти матросы. Им надо было спасти броненосец. Теперь уже революционный броненосец.

На двери пороховой камеры висел тяжёлый замок. Значит, матросы добежали первыми. Отдышавшись, они стали на вахту. Посмотрели друг на друга, улыбнулись.

Задорожный, хорошо знакомый с помещением, выключил свет. Стало темно. Освещённым остался только тот узкий коридор,

по которому должен был подойти Тон. Матросы стояли в тени. Тон чуть не наткнулся на их вытянутые штыки...

Как только раздались первые выстрелы, командир Голиков удрал в свою каюту. Там же укрылись прапорщики Левенцов и Алексеев. Оба эти офицера несколько минут назад по приказу Голикова переписывали матросов, задержанных Гиляровским для расстрела. Теперь они опасались, и не без основания, гнева матросов. Все трое стали раздеваться. Они решили плыть к миноносцу. Левенцов был самым молодым и самым худым. Ему удалось протиснуться через иллюминатор и выброситься в море. Его прыжок заметил матрос Сыров. Он выстрелил в Левенцова, как только тот всплыл на поверхность воды.

Голиков разделся почти вслед за Левенцовым, но его толстое тело застряло в иллюминаторе. Алексею пришлось вытаскивать его обратно за ноги. Левенцов был убит у них на глазах. Пропала охота следовать его примеру; оба офицера стали одеваться.

— Старый дурак, — не переставал причитать Голиков, — что я наделал, старый дурак.

Он сильно перетрусил. Вдруг его осенила догадка: взорвать крюйт-камеру и бунт сам собой прекратится.

Он приказал Алексею достать в сейфе запасной ключ от крюйт-камеры и взорвать её.

Взрыв пороховой камеры — дело рискованное: недолго и самому погибнуть. Вздыхнув, Алексеев направился исполнять приказ. В каком-то коридоре он встретил лейтенанта Тона и Задорожного. Тон шёл впереди, а Задорожный с примкнутым штыком позади. Тон успел шепнуть ему по-французски, что крюйт-камера охраняется часовым. Теперь Алексеев мог доложить Голикову о невозможности исполнить его приказ. Он не нарушил присяги, ему не придётся рисковать жизнью, а на случай победы матросов он «чист» перед ними. Ему положительно везло.

Во время стоянки броненосца на Тендре некоторые его машины были разобраны для чистки. Это было опасно для дела восставших. «Централка» всегда указывала на подвижность кораблей как на залог победы восставшего флота. Ещё в Севастополе Вакуленчук и Денисенко распределили между собой обязанности на «Потёмкине» в дни восстания флота. Вакуленчук будет подавлять сопротивление офицеров, Денисенко захватит машины корабля. Вакуленчук выбыл из строя. Он был лучшим другом Степана Денисенко. Степану хотелось побежать на помощь упавшему другу, но он помнил завет Вакуленчука: «Береги машины, Степан». И, подавляя душевную муку, Денисенко спустился в

машинное отделение. Наверху гремели. выстрелы, а внизу монтировались машины, в кочегарке запылали котлы.

Денисенко донесли, что в кочегарку прошёл старший механик «Потёмкина», инженер Цветков.

Денисенко немедленно отправился в кочегарное отделение. Почти одновременно с Денисенко туда ворвался машинный боцман Бордюгов, «Иудушка Бордюгов», как его называли матросы. Он кричал, что революционеры решили взорвать броненосец.

Старший инженер Цветков не случайно забрёл в кочегарку. Не случайно очутился здесь и Бордюгов. Один сеял панику, другой делал вид, что спасает броненосец и команду. Выслушав «иудушку», Цветков приказал трюмному унтер-офицеру затопить пороховой погреб. У заговорщиков был тонкий расчёт: броненосец без пороха — плавающее корыто, «лайба», как называют невооружённый корабль матросы. Денисенко явился вовремя. Он сообщил старшему механику, что корабль в руках восставших, затоплять его незачем, и распорядился поставить надёжный караул у клапанов затопления. В машинном отделении боцман Бордюгов и старший инженер Цветков встретили стойкость и спокойствие подготовленных к восстанию матросов.

Боцман Линник сеял панику в местах скопления всей команды: в спардеке, на юте²³, в батарейной палубе, на шканцах. Он шмыгал среди матросов, нащёптывал, что офицеры добрались уже до пороховых камер и сейчас взорвут корабль. Наверху было много неподготовленных к восстанию матросов. И Линник успел больше, чем Бордюгов. Команда стала поддаваться панике. Ещё мгновение, и матросы начнут массами покидать корабль, а броненосец окажется в руках кучки контрреволюционеров. Матросы-революционеры: Беликов, Бредихин, Гусеников, Звенигородский, Зиновьев, Костенко, Ковалёв, Ковальчуг, Козленко, Кошугин, Мартыненко, Мартьянов, Расисов, Савотченко, Самойленко, Царёв, Цимбал, Циркунов, Шендеров, Шевченко (Фёдор), Шестидесятый и др. поняли грозившую опасность. Они бросились в гущу матросов и убеждали их не поддаваться панике.

Заулошнев не был оратором, но матросы хорошо его знали и уважали за спокойствие, находчивость и деловитость. Он приказал горнисту протрубить «отбой», а сам, вскочив на башню двенадцатидюймового орудия и воспользовавшись воцарившейся на миг тишиной, обратился к команде:

— Не сдавайтесь, братья: раз уже начали мы хорошее дело, доведём его до конца.

Его спокойный, уверенный голос рассеял панику.

Офицеры всю жизнь занимались муштрой, но они трусили и не могли удержать в повиновении даже не подготовленных к восстанию матросов. Матросы социал-демократы действовали смело и решительно и увлекли за собой всех колеблющихся. Офицеры теряли одну позицию за другой. Матросы расстраивали все их козни и шаг за шагом завоёвывали броненосец.

На шканцах, на юте, в батарейной палубе гремели выстрелы. Офицеры по существу уже прекратили борьбу: одни прятались в каютах, другие бросились вплавь к миноносцу. Ни один матрос не встал на их защиту. Никто из офицеров не думал больше об открытом сопротивлении. Здесь, на корабле, самодержавный режим перестал существовать.

Окончательный успех восстания на Тендре зависел от поведения караула. Строевые части флота пополнялись самыми малограмотными крестьянами. На флоте их учили только шагистике и стрельбе. Когда корабль уходил в плавание, строевая рота его комплектовалась из новобранцев, только что получивших звание матросов первой статьи. Они были подавлены жестокой муштрой, в них не успело ещё укрепиться чувство флотского товарищества. Правда, потёмкинский караул отказался стрелять в матросов и не препятствовал вооружению товарищей, но он стоял в стороне от происходивших событий. После первых же выстрелов караул разбежался. Теперь кондуктора стали нащёптывать, что строевая рота готовится дать отпор восставшим. Откуда-то раздался крик: «Строевая рота... Спасайся, кто может!...»

Из батарейной палубы действительно стала выползать колонна строевой роты. Она шла в боевом порядке: с барабанным боем, с развёрнутым знаменем. На мгновение всё стихло, люди затаили дыхание. Матросы социал-демократы и присоединившиеся к ним несколько десятков товарищей сгрудились с примкнутыми штыками, готовые ринуться в атаку при первой же попытке роты подавить восстание.

Внезапно их лица прояснились. Они увидели строевого унтер-офицера Дымченко, стойкого социал-демократа. Дымченко отбежал в сторону и скомандовал:

— Рота, стой!.. Рота остановилась.

— Братцы... поможем хорошим людям, — обратился к роте Дымченко. — Доброе дело начали они для народа, для всех нас... Так поможем же им, бо мы все вмисти товарищи и братья. Ура!

— Ура! — подхватила рота.

— Ура! — подхватила команда. Восторженный Кулик обнял Дымченко.

— Ох и молодец, — повторял он, целуя Дымченко, — строевых организовал, тихоня ты этакая.

Едва прапорщик Алексеев успел доложить капитану Голикову о неудаче своей миссии, как в каюту капитана вбежали Матюшенко и матрос Сыров. Голиков понял, что пришёл его последний час. Мужественно умирают только люди, воодушевлённые идеей. Вся жизнь Голикова посвящена была собственному благополучию. Он делал карьеру и наживал капитал. И немало успел: впереди уже маячили адмиральские эполеты и состояние было обеспечено. Теперь, в страхе перед смертью, он умолял о пощаде, плакал, называл себя «старым дураком», целовал руки судивших его матросов. Он вызывал отвращение. Команда приговорила его к смерти. Его тело выбросили в море.

Совсем иначе умер лейтенант Тон, которого Задорожный привёл на бак. Инженер-механик Коваленко, впоследствии присоединившийся к восставшим, рассказывал об одном разговоре с лейтенантом Тоном. «Будь на то моя власть, — сказал как-то лейтенант инженеру Коваленко, — я бы установил для всех бунтовщиков одну меру наказания: виселицу. В России хватит леса, чтобы воздвигнуть миллион, другой этих нехитрых сооружений».

— Долой погоны! — обратился к Тону Матюшенко, когда Задорожный привёл лейтенанта на бак.

— Не ты мне дал их, не ты их снимешь, — крикнул Тон и, выхватив из кармана револьвер, выстрелил в Матюшенко.

Матрос Заулошнев успел ударом ружья отвести руку Тона. Ответным выстрелом Матюшенко убил лейтенанта.

В это время стал странно маневрировать миноносец № 267. Его командир, лейтенант Клодт, пытался сняться с якоря.

В нервной атмосфере восстания движения миноносца были восприняты как подготовка к минной атаке против броненосца.

— Расстрелять миноносец! Огонь по миноносцу! Комендоры, огонь! — раздались крики.

Прозвучала боевая тревога. Комендоры наводили свои ПУШКИ на миноносец. На корме его появился сигнальщик. «Команда миноносца, — семафорил он, — присоединяется к восстанию, офицеры арестованы, присылайте за ними караул».

Через несколько минут катер доставил на броненосец офицеров миноносца. Лейтенант Клодт без малейшего сопротивления сдал оружие и позволил сорвать с себя погоны.

На броненосце матросы продолжали разыскивать офицеров. Нелёгкое это было дело. Они забились во все щели корабля. Их вылавливали и приводили на бак. Туда же доставил Денисенко арестованных им офицеров-механиков.

Откуда-то приволокли священника. Доктора Смирнова, того самого, который утром признал мясо превосходным, нашли где-то в трюме. Вернее, его тело. Он покончил с собой выстрелом из револьвера.

Всех арестованных офицеров отвели в офицерскую кают-компанию. У дверей стояли часовые с примкнутыми штыками.

В корабельном лазарете умирал Вакуленчук. Он был без сознания. Возле него хлопотали два судовых фельдшера. Они подносили подушки с кислородом. Вакуленчук дышал громко и прерывисто. Его большое тело точно вдавилось в постель. В углу каюты тихо шептались Матюшенко и матрос Кулик. Подошёл старший фельдшер:

— Ещё час протянет. Кулик глотнул воздух.

— Где пуля? — спросил Матюшенко.

Они говорили шепотом, боясь разбудить Вакуленчука.

— Без рентгена её не отыщешь... Видать, где-то возле лёгких. Да всё равно не достать, — безнадёжно махнув рукой, прибавил фельдшер. — Зови экипаж прощаться...

Матюшенко бесшумно вышел из каюты.

Где-то пробили склянки²⁴.

— Вакуленчук умирает, — сказал палубный матрос. Он чистил шваброй палубу, смывая кровь. Быть может, кровь Вакуленчука.

— Вакуленчук умирает, — повторил матрос, стоявший на вахте.

«Вакуленчук умирает», — эхом пронеслось по кораблю. Матросы бесшумно входили и молча выстраивались у койки умирающего. Те, кому не хватило места в лазарете, молча строились на шканцах. Их становилось всё больше.

Семьсот человек застыли в ожидании. Смолкли склянки. Теперь на корабле была полная тишина.

Вакуленчук по-прежнему лежал без сознания. У его изголовья сидел старший фельдшер. Он щупал пульс. Его помощник придерживал рукой маленькую подушку с кислородом.

Вдруг Вакуленчук открыл глаза... Попытался поднять руку, она бессильно упала на койку. Его губы беззвучно что-то шептали.

Матюшенко наклонился к нему.

— Что на корабле? — спросил умирающий. Теперь его слышали уже все.

— У нас — свобода, — ответил Матюшенко.

Вакуленчук посмотрел на товарищей. Хотел что-то сказать, но у него не хватило сил. Повернул голову к стене. Матюшенко бросился к иллюминатору, отдернул шелковую занавеску. Вместе с

ветром в каюту ворвались лучи заходящего солнца. Вакуленчук увидел синевато-багровые волны. Собрал последние силы, он приподнялся. Смотрел долго, точно вбирал глазами далёкий морской простор. Потом, повернувшись к товарищам, громко сказал:

— Свобода, говорите?

Его лицо озарилось широкой улыбкой. И тотчас такая же улыбка побежала по лицам людей... И не успела она ещё добежать до последних рядов стоявших в строю матросов, как запрокинувшаяся голова Вакуленчука тяжело упала на подушку.

Старший фельдшер ухом припал к его груди. Потом долго искал пульс.

— Отошёл, — сказал он наконец и осторожно, словно боясь уронить, положил руку Вакуленчука на койку.

Звуки горна разорвали тишину. Сигнальщики приспустили флаг.

Глава VIII

День второй восстания

В ОДЕССЕ

После гибели Вакуленчука самый ход событий выдвигал Матюшенко на роль руководителя восстания. Его решительные действия на Тендре снискали ему популярность и авторитет среди всей команды. Влияние его было огромно. Если бы Матюшенко был революционным социал-демократом, он мог бы заменить Вакуленчука.

А между тем весь ход событий настоятельно требовал, чтобы во главе команды находился человек, обладающий всеми качествами руководителя вооружённого восстания. Среди матросов социал-демократов были люди с недюжинными характерами. Но ни один из матросов не мог взять на себя командование кораблём. Самый выдающийся из них, Степан Денисенко, вынужден был почти всё своё внимание и время посвящать машинам корабля. Сподвижники Вакуленчука самоотверженно боролись за торжество начатого дела. Их усилия превратить «Потёмкин» в ядро народной революционной армии не увенчались успехом, но благодаря их влиянию потёмкинское восстание превратилось в одно из крупнейших и знаменательнейших событий революционного движения 1905 года.

И прежде всего это выразилось в решении идти в Одессу, где народ уже бился на баррикадах. Как только все офицеры были арестованы, матросы социал-демократы принялись за агитацию. Надо было разъяснить неподготовленной части команды конечные цели восстания, успокоить встревоженные умы, заставить их уверовать в победу. Они избрали для этого самый простой и убедительный для матросов довод: «Черноморская эскадра будет с нами». Повсюду на корабле в этот день можно было видеть матросов социал-демократов, окружённых тесным кольцом товарищей. Дымченко, Задорожный, Заулошнев, Звенигородской, Кулик, Лычёв, Макаров, Мартыненко,

Мартьянов, Матюшенко, Никишкин, Резниченко, Самойленко, Шестидесятый рассказывали матросам о плане восстания всего флота. «Потёмкин» — только призыв к общему восстанию. Он должен был показать пример, сделать первый шаг. Когда начальство вышлет эскадру на усмирение «Потёмкина», она присоединится к восстанию.

Глаза слушателей загорались. «Эскадра!» Все матросы понимали, что присоединение эскадры означает победу. Это было ясно каждому из них. Но прежде всего матросы социал-демократы звали потёмкинцев идти в Одессу на соединение с восставшим пролетариатом.

Но сначала надо было создать революционную власть на корабле. Машинный унтер-офицер Кулик первым подумал об этом.

Революционная биография машинного унтер-офицера Василия Кулика несколько напоминала биографию Вакуленчука. Кулик долго оставался глухим к социал-демократической пропаганде. «Любовь к флоту застила ему очи», — докладывал о нём «Централке» матрос-пропагандист Шестидесятый.

Кулик обожал свой корабль, любил Севастополь, гордился своим званием унтер-офицера флота.

Немало хлопот доставил он Шестидесятому, которому «Централка» поручила во что бы то ни стало распропагандировать Кулика.

— Его только заряди, он что динамо работать будет, — говорил про него матрос Александр Петров.

Кулик вступил в партию в 1904 году, а в 1905 году севастопольские меньшевики жаловались на него Петрову:

— Неудобный человек, этот ваш Кулик, вечно тормозит нас, торопит, покоя от него нет.

— Кровь у него горячая, ключом бьёт, оттого и беспокоит, — смеясь, отвечал Петров.

Человек необыкновенной душевной мягкости, Кулик в дни восстания не знал жалости ни к себе, ни к другим. Сам не давал себе ни минуты покоя и не позволял никому забыться и отвлечься от дела. Эта вечная озабоченность нисколько не отражалась на том внешнем спокойствии, которое так характерно было для Кулика. Он никогда не угрожал и не просил: ласковый укор был единственным его оружием, но разил он им так метко и больно, что люди опрометью бросались исполнять свои обязанности.

Застенчивый и скромный в отношениях с людьми, этот коренастый и смуглый матрос проявлял, когда этого требовало дело, решимость и отвагу человека, ясно осознавшего свой жизненный путь. Не было такого опасного предприятия, на которое не вызвался бы идти Кулик.

Кулик, Денисенко и Вакуленчук составляли социал-демократическое ядро на «Потёмкине». Их всех связывала к тому же крепкая, нерушимая дружба. Вакуленчук погиб, Денисенко был занят в машинном отделении. Кулик был рядовым членом партии, но, беззаветно и неустанно выполняя свой партийный долг, он оказывал немалое влияние на ход событий.

Теперь, по настоянию Кулика, было созвано общее собрание команды. Кулик предложил избрать комиссию — орган верховной власти на корабле.

Команда «Потёмкина» состояла из 763 матросов. В комиссию были избраны 30 матросов, офицер Алексеев и боцман Мурзак.

Заседания комиссии были открытые. Комиссия старалась вовлечь в свою работу как можно больше матросов, воспитывать самодеятельность команды, приучать матросов к мысли о необходимости самим постоять за себя. И действительно, количество потёмкинцев, приходивших на заседания комиссии, с каждым днём увеличивалось. Они часто высказывались и почти всегда голосовали вместе с членами комиссии. Таким образом, комиссия превратилась фактически в собрание всего актива корабля. Важнейшие же вопросы решались общим собранием команды. По мере развития событий общие собрания устраивались всё чаще и чаще.

Исполнительную власть вручили прапорщику Алексееву и боцману Мурзаку. Первого назначили командиром корабля, второго — старшим офицером.

Революционное творчество матросов создало новую форму власти — комиссию, своего рода корабельный совет матросских депутатов. И те же матросы отдали дань старым традициям, избрав командиром прапорщика Алексеева. Потёмкинцы не боялись

перебить и арестовать своих начальников, за спиной которых стояла императорская власть с её суровыми законами, виселицами, расстрелами и каторгой, и не решились в то же время вручить командование матросу. Когда социал-демократ Резниченко предложил избрать на эту должность матроса, большинство команды бурно запротестовало. «Матрос не сумеет справиться с кораблём», — понеслись со всех сторон крики. Команда не соглашалась отказаться от Алексеева даже тогда, когда он самоустранялся от командования. А между тем фактически не Алексей вёл корабль, им управляли квартирмейстеры — талантливые матросы-умельцы. Машинный квартирмейстер Денисенко самостоятельно справлялся со сложными машинами корабля в трудных условиях восстания (недостаток угля и пресной воды).

Квартирмейстер Костенко и боцман Мурзак при встрече «Потёмкина» с эскадрой задумали и провели манёвр, который привёл в восхищение зарубежных знатоков морского искусства. Унтер-офицер Дымченко успешно справлялся с обязанностями вахтенного офицера, доказательством чему служил образцовый порядок на броненосце во время его походов. Квартирмейстеры Матюшенко и Лычёв держали в полной боевой готовности динамомашины и отсеки минного отделения корабля. Однако звание командира оставалось за Алексеевым.

Под предлогом болезни он целыми днями валялся в офицерской кают-компании, не отдавал никаких распоряжений, не принимал никаких докладов. Но в критические минуты, когда открывалась возможность нанести предательский удар в спину восстания, Алексей мгновенно выздоравливал, проявлял кипучую деятельность, старался забрать в свои руки управление кораблём.

Алексеев был призван в военный флот в русско-японскую войну. Раньше он служил в коммерческом флоте штурманом. Он не был слишком придирчив. Вероятно, поэтому матросы и избрали его командиром. Алексей согласился, боясь, что матросы убьют его в случае отказа. Но, приняв назначение, он испугался другого возмездия — наказания правительства — и решил заслужить прощение предательством. Так у самого сердца восстания самими восставшими был поставлен враг.

Новоизбранная комиссия впервые собралась в адмиральском салоне, который матросы называли попросту «адмиральская». Машины были пущены в ход, броненосец шёл в Одессу. Необходимо было выработать план ближайших действий в Одессе. Инициатива тотчас же перешла к матросам социал-демократам. По предложению Шестидесятого и Заулошнева, решено было рано

утром отправить в город людей для закупки провизии. Для выполнения этого поручения назначили Шендерова, Бредихина и ещё одного матроса. Этим же матросам поручили связаться с одесскими социал-демократами. Денисенко и Резниченко предложили старшему офицеру Мурзаку захватить вооружённым путём угольщик²⁵ в одесском порту. Вскрыли судовую кассу, долго считали и пересчитывали непривычными для этого дела руками золотые монеты и кредитные бумаги. Денег в кассе оказалось двадцать семь тысяч рублей. Ключ от кассы вручили Алексееву, строго запретив ему расходовать деньги без разрешения комиссии. Матрос Макаров предложил составить подробный протокол событий на Тендре, для чего допросить всех арестованных офицеров. Матрос Никишкин предложил предать земле прах Вакуленчука. Он говорил долго и страстно. Вакуленчук пал, сражаясь за свободу, за хлеб для рабочих, за землю для крестьян. Тело его должно покоем в русской земле.

Как только комиссия приняла решение вынести тело Вакуленчука на берег, возник вопрос о необходимости разъяснения населению причины и цели восстания. Поились горячие речи. После долгого обсуждения комиссия решила составить два воззвания: одно — к населению Одессы, другое — к казакам. Позднее было написано обращение к французскому консулу. За это дело взялись матросы Шестидесятый, Звенигородский, Скребнёв, Мартянов и корабельный писарь Сопрыкин.

Это были замечательные политические документы.

К одесситам:

«Господа одесситы. Перед вами лежит тело зверски убитого матроса Григория Вакуленчука, убитого старшим офицером эскадренного броненосца «Князь Потёмкин-Таврический» за то, что Вакуленчук заявил, что «борщ не годится». Мир праху его. Отомстим кровожадным вампирам! Смерть угнетателям! Смерть кровопийцам! Да здравствует свобода!

Команда эскадренного броненосца «Князь Потёмкин-Таврический».

К казакам:

«Просим немедленно всех казаков и армию положить оружие и соединиться всем под одну крышу на борьбу за свободу; пришёл последний час нашего страдания. Долгой самодержавие. У нас уже свобода, мы уже действуем самостоятельно, без начальства. Начальство истреблено. Если будет сопротивление против нас, просим мирных жителей выбраться из города. При сопротивлении город будет разрушен».

А вот текст третьего воззвания:

«Его превосходительству французскому консулу.

От броненосца «Князь Потёмкин-Таврический».

Почтеннейшая публика города Одессы. Командой броненосца «Князь Потёмкин-Таврический» сегодня, 15 июня, было с корабля свезено мёртвое тело, которое и было передано в распоряжение рабочей партии для предания земле по обычному обряду. После чего, пройдя несколько времени, была прислана этими рабочими на корабль шлюпка, что и заявила: стражу, стоящую у мёртвого тела, казаки разогнали. Тело оставлено без надзора. Команда броненосца просит публику города Одессы:

1. Не делать препятствия в погребении матроса с корабля.
2. Учредить общее со стороны публики наблюдение за правилами.
3. Требовать от полиции, а также от казаков прекратить свои напрасные набеги, почему это все бесполезно.
4. Не противодействовать доставлению необходимых продуктов для команды броненосца рабочей партией.
5. Команда просит публику города Одессы о выполнении всех перечисленных выше требований. В случае, если во всем этом будет отказано, то команда должна будет прибегнуть к следующим мерам: будет произведена по городу оружейная стрельба из всех орудий. Почему команда предупреждает публику и в случае возникновения стрельбы просит удалиться из города тех, которые не желают участвовать в противодействии. Кроме того, нами ожидается помощь из Севастополя для этой цели несколько броненосцев, и тогда будет хуже».

Как видит читатель, политические воззрения авторов этих обращений были весьма наивны. Они искренне думали, что представитель республиканской Франции стоит за революционное движение в России и захочет и сможет оказать ему помощь. В своих обращениях они то и дело путают «почтеннейшую публику» с казаками и властями.

И всё-таки это были серьёзные политические документы. В них была целая программа борьбы, которая должна была закончиться свержением самодержавия. 15 них было понимание того, что эта борьба должна вестись вооружённой рукой. Наконец, под обращением к французскому консулу скрывалось, быть может, ещё плохо осознанное стремление начать дипломатические переговоры с иностранными державами. Это был своего рода акт нового правительства. Во всяком случае, власти Одессы прекрасно поняли грозное значение этих документов. Полиция и казаки были немедленно отозваны из одесского порта.

Уже приближался рассвет, когда комиссия кончила заседание. Теперь надо было привести в исполнение принятые решения. В первую очередь предстояла сложная задача: обеспечить броненосец продовольствием хотя бы на ближайшие два дня. Решили прибегнуть к хитрости. В городе ещё не знали о восстании. Написали требование на провиант, и трое матросов отправились в город. Снабжённые пропусками, они беспрепятственно добрались до поставщиков.

— Продукты-то мигом доставим в порт, — заявил главный поставщик, — да только как их грузить? В порту ведь забастовка, пикеты стоят...

— На этот счёт не беспокойтесь. Всё устроим, — отвечали матросы.

Поставщик лукаво улыбнулся:

— Кабы вся власть такая решительная была, давно бы этих смутьянов укротили.

И, обрадованный, он побежал распорядиться.

Пока Бредихин хлопотал о провианте, матрос Шендеров отправился известить о восстании одесских социал-демократов.

Между тем поставщик флота доставил в порт закупленный матросом Бредихиным провиант.

Теперь команда броненосца получила возможность действовать открыто.

Горнист проиграл сбор. Выстроившись во фронт, команда провожала тело своего героя. Под звуки военного оркестра траурная процессия — катер с гробом и несколько восьмёрок²⁶ — подошла к пристани.

Здесь их встретили пикеты забастовщиков. В кратких словах Матюшенко рассказал о событиях на «Потёмкине». Сбежались портовые грузчики, подошли матросы бастовавших торговых кораблей. Тут же выделили рабочих для погрузки продовольствия на броненосец. Откуда-то достали брезент, соорудили большую палатку, чтобы защитить тело от горячих лучей южного солнца. Выставили почётный караул.

Наконец прибыла и полиция — пристав во главе казачьего патруля. Пристав долго и тупо слушал рассказы о восставшем броненосце. Наконец с невозмутимым спокойствием заявил:

— Ну, на это у них своё начальство есть. И без нас разберутся. — Потом сердито добавил: — А вы расходитесь, — и сделал знак казакам.

Те стали теснить конями толпу. Разогнали караул, чуть было не опрокинули палатку.

Но показавшаяся шлюпка с вооружёнными потёмкинцами заставила казаков быстро отступить.

— Держи!.. Держи!.. — кричали им вслед рабочие. Казаки пришпорили коней.

В этот день одесские власти долго не могли понять, что, собственно, произошло.

Жандармское управление не придумало ничего лучшего, как послать на броненосец десяток жандармов во главе с вахмистром «для ареста зачинщиков».

— Катер, стой! — крикнули с броненосца. Катер остановился.

— Куда курс держите?

— Честь имею доложить, — начал рапортовать с катера бравый вахмистр: — прибыли в распоряжение его высочородия командира для ареста зачинщиков...

И вдруг слова застряли у него в горле... Показавшийся на броненосце караул подошёл к борту, поднял винтовки и взял катер на прицел.

— Шашки наголо! — раздалось с броненосца.

Жандармы на катере вытащили шашки из ножен.

— Шашки в воду! — донеслась новая команда с броненосца.

Огорошенные неожиданностью приказа, жандармы колебались.

— Не понимаешь? Караул, по катеру к стрельбе готовься!

Шашки полетели в воду.

— Снимай кобуры с оружием!

Теперь жандармы уже не колебались. Они глядели на дула винтовок и с точностью и быстротой бравых служак выполняли приказы матросов.

В воду полетели кобуры, затем тесаки...

— Снимай погоны!

С лихорадочной торопливостью жандармы стали срывать с себя погоны.

— Катер, влоборота полным ходом в порт!

На берегу жандармов ожидало новое испытание: смех и улюлюканье тысячеголосой толпы.

У палатки, в которой лежало тело Вакуленчука, собрались тысячи портовых рабочих.

Кто-то выставил у изголовья Вакуленчука большую чашку. Народ щедро бросал в неё деньги на памятник убитому герою.

Громкое «ура» неслось навстречу потёмкинским катерам и шлюпкам.

Глава IX

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

15 июня поутру я пробирался к Николаевскому бульвару²⁷ — пункту, откуда, согласно решению участников памятного собрания на Пересыпской эспланаде, должна была начаться демонстрация рабочих. События последних дней выявили слабость одесских социал-демократических организаций. Призрак революции шествовал по улицам Одессы. Политическая стачка подвела одесский пролетариат к самому порогу вооружённого восстания. Но одесские социал-демократы оказались не в состоянии возглавить движение. Меньшевики старались охладить революционный порыв пролетариата, а большевики были слишком ослаблены арестами. Рабочие захватили улицу, строили баррикады, но в их руках не было оружия для борьбы с войсками.

Сегодняшний день должен был решить судьбу движения. Всё зависело от того, будут ли вооружены рабочие. Предложение штурмовать арсенал было отклонено. Но в центре города находилось несколько оружейных магазинов. Решатся ли на их захват рабочие или революционный порыв начнёт угасать?

О нет!.. Порукой этому — тысячная толпа рабочих, запрудившая все улицы центра. Чем ближе к Николаевскому бульвару, тем больше народу. Из переулков на широкий Екатерининский проспект вливались массы людей. Какой-то особенный рокот, точно жужжание гигантского встревоженного улья, нёсся по улице. Было празднично и оживлённо.

На конспиративной квартире, куда я зашёл по одному поручению, мне сообщили, что на одесском рейде бросил якорь броненосец, восставший против правительства.

Я побежал на Николаевский бульвар, откуда открывалась великолепная панорама одесского рейда. Прямо передо мной далеко в море стоял броненосец — стальной и могучий гигант. Никогда не забыть мне этой минуты!

Я бросился в порт. Туда вместе со мной бежали люди, радостные и встревоженные. На полицию и казаков никто уже не обращал внимания. Из всех районов стекались сюда колонны рабочих. Чем дальше, тем труднее становилось пробираться через плотные ряды людей.

Я добежал до палатки, в которой находилось тело убитого матроса. На груди Вакуленчука лежало воззвание к одесситам. Горели свечи. Было жарко. Кто-то плакал. За палаткой кричали «ура».

Власти ошеломлены и растеряны. Войск мало, да и те ненадёжны. Следовало немедленно заставить матросов высадить десант, вместе с рабочими захватить город и основать здесь революционную власть.

Революционная ситуация подсказывала эти мысли каждому, кто в эти дни бился на баррикадах, кто почувствовал силу восставшего пролетариата, кто пережил эту тоску по оружию. Рабочие мечтали о винтовках, а к ним на помощь пришла мощная артиллерия броненосца. Мы верили, что даже не обученные военному делу рабочие сумеют овладеть городом, дай им только в руки огнестрельное оружие. И вот открывается возможность сражаться под прикрытием пушек, биться бок о бок с отрядом хорошо обученной морской пехоты!.. Броненосец — да ведь сила его равна мощи пехотной дивизии! Это знали все жители приморского города.

Незабываемую картину представлял в эти часы одесский порт. Десятки тысяч людей заполняли эстакады и огромную набережную. По гигантской лестнице, соединяющей порт с орлиной вышкой Николаевского бульвара, и дальше, вдоль красивейших эспланад Одессы, спускались неисчислимые массы манифестантов. Сотни шлюпок бороздили воды гавани. Одесский пролетариат совершал паломничество к революционному кораблю. Плыли целыми семьями; отцы гребли, а матери держали на руках детей. Все везли матросам гостинцы, купленные на последние гроши: табак, чай, сахар и т. п. Рядом с броненосцем, на тысячетонном угольщике, копошились сотни рабочих: то были счастливцы, которым удалось попасть на погрузку угля для броненосца.

Освещённые яркими лучами южного солнца, на фоне морской синевы все эти радостные, возбуждённые толпы производили впечатление какого-то величественного революционного праздника.

У гроба Вакуленчука толпились рабочие, грузчики и матросы торговых кораблей. Они отлично поняли меня, когда в речи, обращённой к ним, я рассказал им о возможности захвата города революционным народом. Судя по шумному одобрению, которым они встретили мои слова, можно было заключить, что и им не чужды такие мысли.

Грузчики приволокли шлюпку, чтобы доставить меня на броненосец.

— Ступайте, товарищ, в добрый час, — такими словами напутствовал меня один пожилой грузчик. — Возвращайтесь с матросами и с ружьями для нас. И передайте команде броненосца,

что она может рассчитывать на это, — кончил он, протянув свои мозолистые, крючковатые от многолетних трудов руки.

Нужно было спешить к броненосцу. Не было времени сноситься с партийной организацией, и я решил действовать самостоятельно.

Из гавани на буксире миноносца выходил угольщик. На палубах его теснились сотни людей. Они пели «Варшавянку», а с берега толпа ежеминутно отвечала могучим «ура».

Навстречу мне, плавно рассекая волны, мчался военный катер. Один из сидевших в нём матросов обратился ко мне:

— Куда направляетесь?

— К свободному революционному кораблю, — ответил я.

— А вы кто такой будете? Социал-демократ?

— Да.

— Ну так садитесь к нам.

Я пересел на катер. Говоривший со мной был Матюшенко.

— Это наш начальник и командир, — сказал мне один из матросов.

Через пять минут я был уже в адмиральской, где заседала комиссия «Потёмкина»²⁸.

Глава X

«ЖДЁМ ЭСКАДРУ»

Воспользоваться первым замешательством властей, колебанием войск, революционной решимостью рабочих, высадить немедленно, не теряя ни одной минуты, небольшой матросский десант, вооружить находившихся в порту рабочих винтовками, пулемётами и мелкокалиберными пушками и под прикрытием мощной артиллерии броненосца захватить город, организовать временное революционное правительство, приступить к организации революционной армии.

Эту программу действий, непосредственно продиктованную III съездом РСДРП, я и высказал тотчас по прибытии на корабль.

— С броненосца нам сходить нельзя. Вот эскадра придёт, тогда другое дело: и десант высадим и город возьмём. А сейчас нельзя.

Эскадра! Как маяк в ночи, это слово приковало к себе мысли матросов. Они — только передовой отряд эскадры, их восстание — только первый авангардный бой. Без эскадры — они ничто, с

эскадрой — они несокрушимая сила. Среди потёмкинцев царила глубокая уверенность в том, что эскадра присоединится к ним.

Я снова взял слово:

— В таком случае вооружите народ. У вас есть пулемёты. В случае боя с эскадрой ваша боевая способность не уменьшится, если вы отдадите народу свои пулемёты и несколько пушек мелкого калибра. Отдайте это оружие рабочим, они ещё до прихода эскадры завладеют городом.

И снова те же слова:

— Без эскадры нам нельзя. Мы вместе со всем флотом. Столько ждали нас, подождите ещё несколько дней.

Для меня эскадра была далёкой, неясной мечтой, для них — этих тридцати моряков, возглавляющих потёмкинское движение, — эскадра была неотъемлемой частью их революционного плана. Для меня реальностью были революционные массы там, на берегу, которые три дня дрались на баррикадах. Но то, что было для меня реальностью, для них, ещё загипнотизированных солдатской муштрой, было ненадёжным, с точки зрения военных, миром «вольных».

Одним своим появлением матросы «Потёмкина» превратили далёкое в близкое, стремление в действительность.

Все эти дни мы думали только об одном: где бы достать оружие? И вот оно приплыло к нам на этом могучем корабле. «Потёмкин» поставил нас перед конкретной возможностью захвата города, создания южно-русской республики и революционной армии. Это была уже не мечта, а действительность, настоящая, осязаемая и многообещающая.

Матросы «Потёмкина» подняли восстание. Несмотря на незначительный повод (инцидент с червивым мясом), восстание это с самого своего возникновения носило подлинно революционный характер. Но даже тогда, когда несколько тысяч рабочих заполнили порт в ожидании высадки матросов, когда необычайный по своему размаху взрыв энтузиазма наглядно показал матросам могучую солидарность с ними пролетариата, они не решились до прибытия эскадры слить восстание с движением рабочих.

В эту минуту на броненосец прибыл товарищ Борис. Это был пламенный и страстный оратор. Его речь произвела сильное впечатление на комиссию. Лёд растаял, люди заулыбались. Видно было, что некоторые из членов комиссии усомнились в правильности избранного пути. Большинство же членов комиссии оставалось ещё на прежних позициях.

Несмотря, однако, на просьбы членов комиссии остаться на корабле, товарищ Борис тотчас же покинул броненосец.

— Пролетариат должен взять революционную инициативу в свои руки и увлечь за собой матросов, — сказал он мне.

Зная о кризисе, который переживала вследствие арестов одесская большевистская организация, он решил собрать уцелевших большевиков, чтобы с их помощью поднять рабочих на захват города.

Дымченко вызвался тотчас же созвать на первый митинг свободных от вахты матросов, и мы последовали за ним на ют.

Занятый агитацией на корабле, я не присутствовал на совещании потёмкинской комиссии с приехавшими на корабль уполномоченными от всех одесских социал-демократических организаций (большевики, меньшевики, Бунд). Когда я вошёл в адмиральскую, где происходило заседание, оно уже заканчивалось.

Товарищи Афанасий и Наташа²⁹ энергично призывали матросов захватить город. Наташа — пламенная большевичка Дальника — предложила следующий план. Броненосец высадит немедленно десант. Под его охраной тысячи рабочих, ожидавших матросов в порту, построятся в колонны и понесут тело Вакуленчука на кладбище через весь город. По дороге рабочие и матросы начнут братание с войсками. Соединёнными усилиями они захватят правительственные учреждения, арестуют одесские власти и провозгласят южнорусскую республику.

Комиссия ответила отказом.

Количество матросов на корабле строго соответствует его нуждам. Кроме того, в десант должны войти самые сознательные боевые матросы. Это неизбежно вызовет упадок духа команды, а может быть, и потерю броненосца.

Наташа энергично возражала:

— А вы не боитесь, что неопределённость положения и томительность ожидания эскадры создадут благоприятную атмосферу для страха, сомнений, колебаний, а может быть, и раскаяния?

Матросы настаивали на своём.

Приспособленец Томич, приехавший на корабль в числе уполномоченных, присоединился к мнению матросов. Он вообще был противником бомбардировки города. За ожидание эскадры высказались и меньшевики.

В разгар споров в адмиральскую вошёл матрос. Он заявил, что команду волнует присутствие «вольных» на корабле. Член комиссии, будущий предатель Ведермеер, тотчас же потребовал удалить всех «вольных». Матросы Макаров и Звенигородский запротестовали. Матюшенко предложил: оставить на корабле трёх социал-демократов. Комиссия согласилась.

В эту тройку вошли Кирилл, Афанасий и я.

В 1898 году Кирилл (Березовский) был сослан в Сибирь за участие в марксистском кружке. Вскоре после его освобождения последовал новый арест и вторичная ссылка в Сибирь, на этот раз в далёкую Енисейскую губернию. В 1905 году Кирилл бежал из Сибири, работал сначала в организации Московского комитета РСДРП, а с мая 1905 года в одесской меньшевистской группе.

Но под влиянием революции 1905 года Кирилл, вопреки меньшевистскому руководству, переходит на сторону народа.

До встречи на «Потёмкине» я не знал товарища Афанасия (Лазарева), как, впрочем, и Кирилла. Я не был знаком поэтому с его политической биографией. В послереволюционной литературе товарища Афанасия обвиняли в «примиренчестве».

Член Одесского комитета, он обладал солидным опытом революционной работы. Однако органический недостаток его речи (заикание) не позволял ему принимать слишком широкое участие в агитации.

Короткое совещание тройки выяснило полное совпадение наших взглядов на развитие дальнейших действий. Мы заявили уполномоченным одесской социал-демократической организации, что независимо от прибытия эскадры и её будущей позиции мы будем звать матросов на берег. Они ответили, что вполне доверяют нам. Мы удовлетворились этим заявлением, не разобравшись тогда в том, что оно означало фактический отказ одесских социал-демократов от руководства восстанием.

На плечи нашей тройки была возложена трудная задача. Но мы рассчитывали на прилив свежих сил из города. Наши ожидания, как увидит дальше читатель, были обмануты.

Когда «вольные» покинули броненосец и матросы скатали уже палубу³⁰, к «Потёмкину» подошла шлюпка. Сидевший в ней человек настоятельно требовал, чтобы ему разрешили подняться.

— У меня важное сообщение, — заявил он.

Вахтенный матрос вызвал Дымченко, и тот разрешил подняться прибывшему.

— Товарищи, я прибыл к вам от Одесского комитета партии социал-революционеров... — начал было последний.

Кулик остановил его:

— А зачем, собственно?

— Как — зачем? Наша партия, готовая помочь команде «Потёмкина», послала меня принять участие в восстании в качестве её представителя.

Кругом собралась значительная группа матросов.

— А на кой вы нам... — снова заговорил Кулик с не совсем обычной для него резкостью. — Мы тут все социал-демократы, и от одесской социал-демократической партии у нас есть представители. Вот один из них, — добавил Кулик, указывая на меня.

Я молчал. Интересно было, как разрешится эта встреча команды с эсером.

— Но, товарищи, — возмущённо заговорил эсер, — наша партия тоже революционная, даже самая революционная, мы требуем землю и волю для народа, это наш девиз!

— Это вы — революционная партия? — выступив вперёд, сказал матрос Шестидесятый. — Слыхали, товарищи?! Буржуи революционерами заделались.

— Позвольте... — горячился эсер.

— Да что тут «позволять», — заговорил другой матрос, — как вы есть мелкобуржуазная партия, то просим вас честью, господин хороший, ступайте подобра-поздорову, откуда пришли, пока мы вам шею не накостыляли.

Но эсер не унимался:

— Это мы, социалисты-революционеры, буржуазная партия?! А ну, давайте устроим диспут.

Но тут дружный хохот матросов окончательно сбил его с толку.

— Ха, ха!.. Диспут! Мы воевать пришли, а он — диспут!

— Что с ним разговаривать, братцы?!

— Вон его с корабля!

И матросы, легонько подталкивая незадачливого представителя партии социал-революционеров, подвели его к трапу и заставили спуститься в свою шлюпку.

Этот инцидент наглядно убедил нас в прочности социал-демократического влияния среди матросов Черноморского флота.

Глава XI

ЛЕНИН И «ПОТЁМКИН»

Ленин жил тогда в Женеве. Оттуда совместно с Центральным Комитетом большевиков он руководил борьбой российского пролетариата. У Ленина был зоркий взгляд гения. Он оценил значение потёмкинского восстания. Он мгновенно увидел в восставшем броненосце ту точку, опираясь на которую можно поднять рабочих и крестьян всей страны на захват власти.

Как только пришло известие о восстании «Потёмкина», Ленин созвал Центральный Комитет. По предложению Ленина Центральный Комитет постановил командировать на броненосец в качестве уполномоченного ЦК товарища Васильева-Южина.

Васильев-Южин находился в Женеве. Ленин послал за ним.

Вот как рассказывает об этом сам Васильев-Южин:

«...вдруг мне передают, что Владимир Ильич сам ищет меня по очень важному и срочному делу. Немедленно собираюсь идти к нему, но он предупредил меня и зашёл сам или встретил меня у М. С. Ольминского, точно не помню. Разговор был недолгий.

— По постановлению Центрального Комитета вы, товарищ Южин, должны возможно скорее выехать в Одессу, — начал Ильич.

Я вспыхнул от радости:

— Готов ехать хоть сегодня! А какие задания?

— Задания очень серьёзные. Вам известно, что броненосец «Потёмкин» находится в Одессе. Есть опасения, что одесские товарищи не сумеют как следует использовать вспыхнувшее на нём восстание. Постарайтесь во что бы то ни стало попасть на броненосец, убедите матросов действовать решительно и быстро. Добейтесь, чтобы немедленно был сделан десант. В крайнем случае, не останавливайтесь перед бомбардировкой правительственных учреждений. Город нужно захватить в наши руки. Затем немедленно вооружите рабочих и самым решительным образом агитируйте среди крестьян. На эту работу бросьте возможно больше наличных сил одесской организации. В прокламациях и устно зовите крестьян захватывать помещичьи земли и соединяться с рабочими для общей борьбы. Союзу рабочих и крестьян в начавшейся борьбе я придаю огромное, исключительное значение.

Ленин считал необходимым сделать всё, чтобы захватить в наши руки остальной флот, и был уверен, что большинство судов примкнёт к «Потёмкину». Нужно только действовать решительно, смело и быстро... Но, конечно, сообразуясь с положением.

...Я вполне разделял мнение Ильича, что нужно было действовать решительно, смело и быстро. Восстание «Потёмкина» необходимо было использовать всемерно. Я предполагал, если бы не удалось захватить Одессы, направиться с «Потёмкиным» к Кавказскому побережью, прежде всего в район Батума. Батумский гарнизон и крепость были основательно захвачены нашей агитацией. Это я хорошо знал. Батумские рабочие уже не раз выделялись своей героической борьбой. Наконец, крестьяне Гурии (грузинская провинция) и других ближайших районов были настроены чрезвычайно революционно и шли за социал-демократами. Правда, там орудовали преимущественно

меньшевики, но грузинские крестьяне, находившиеся, собственно, ещё в крепостной зависимости от своих князей, задавленные национально-колониальным гнѐтом царизма, по моим расчѐтам, легко и охотно поддержали бы восстание. Мне казалось, что Батум, как революционная база, был наиболее надёжным районом на всѐм Черноморском побережье.

Я, разумеется, повторил, что готов выехать немедленно, и уехал на следующий день. Перед отъездом Владимир Ильич ещё раз говорил со мной и снова подчеркнул, что особенно необходимо заручиться активной поддержкой крестьян.

— Пусть они захватывают помещичьи, церковные и другие земли. Призывайте и помогайте им делать это.

Я всецело был согласен с такой политикой и тактикой в отношении крестьян.

— В Одессе сейчас такая обстановка, когда нужно поднять на борьбу все революционные силы, — подтвердил Ленин своё наставление по части вовлечения в революционную борьбу крестьянства.

Мы сердечно простились с Владимиром Ильичѐм; я обещал аккуратно и подробно извещать его о ходе событий.

Теперь мы все прекрасно понимаем, какое огромное, можно сказать решающее значение имел и имеет для пролетарской революции дружный союз рабочих и трудовой части крестьянства. В эпоху революции 1905 года это было далеко не ясным даже для многих большевиков»³¹.

Появление на броненосце посланца Ленина, уполномоченного Центрального Комитета партии, оказало бы неизмеримую помощь восставшим. К несчастью, Васильев-Южин прибыл в Одессу, когда «Потѣмкин» снялся с якоря и взял курс на Констанцу. Никто не знал ещё тогда в Одессе, куда направился «Потѣмкин». Васильев-Южин решил, что логика революции должна была направить мятежный броненосец к берегам Кавказа, который в то время пылал в огне восстаний. И Васильев-Южин отправился туда на поиски «Потѣмкина».

Глава XII

ЗАХВАТ «ВЕХИ»

Боевой порядок военного корабля ни на одно мгновение не нарушался на «Потѣмкине». Утром грузили уголь, потом мыли палубу, чистили орудия, проверяли механизмы. Дежурные стояли на

вахте, караул — на своих постах. Вино пили в урочное время, в положенной норме, и вахтенные строго следили, чтобы кто-нибудь не подошёл к чарке вторично³².

Церемонии поднятия и спуска флага продолжались с обычной торжественностью. Отменены были ежедневные молитвы.

Само собой разумеется, что дисциплина держалась не на наказаниях, а на сознательном отношении к своему делу.

— Эскадра!

Не знаю, кем было брошено это слово, но только сразу обнаружилась вся магическая его сила: все, кто был свободен от работ, бросились к борту, на башни, на верхние палубы.

Тревога оказалась напрасной: то был только военный курьер, небольшое безоружное судно «Веха».

Командир судна, ещё утром вышедшего из Николаева, ничего не знал о восстании. Он спокойно подошёл к нам и стал салютовать флагами. С «Потёмкина» ответили обычным военным салютом и дали приказ стать за нашим правым бортом, а командиру с рапортом явиться на броненосец.

Ничего не подозревавший командир исполнил в точности приказ: явился в полной форме, с орденами на груди. Едва он поднялся на корабль, как его окружил караул. За караулом плотной стеной стояли свободные от вахты матросы. Всем хотелось присутствовать при процедуре ареста командира первого захваченного в плен военного судна. Командир ничего не понимал. Удивление, страх, гнев попеременно чередовались на его лице.

Арест поручено было произвести Алексееву. Матросы расступились, чтобы дать ему дорогу. Алексей стоял неподвижно, не в силах вымолвить слово. Командир «Вехи» был выше его чином. Алексей не мог оторвать глаз от золочёных погон. Он был испуган не менее капитана. Оба они боялись друг друга.

Немую сцену прервал Резниченко.

— Вы на революционном корабле, капитан, — обратился он к командиру. — Мы, матросы, восстали против своих угнетателей и присоединились к борьбе народа за свободу. Именем народа мы вас арестуем.

Тут-то понял, наконец, капитан, что случилось.

— Что вы, братцы? Я всегда был за вас: у меня людям хорошо живётся, — произнёс он заплетающимся от страха языком.

— Ладно, ладно, потом будешь разговаривать, а теперь давай погоны и кортик, — сказал Матюшенко.

Он не терпел проявлений трусости. Малодушный человек выводил его из себя.

Командир поспешно снял с себя погоны.

Затем с нашего корабля дали сигнал «Вехе», что командир её требует всех офицеров к нам на борт. Последние не замедлили явиться и так же поспешно, как и их командир, сняли погоны. Ни один из них не пробовал протестовать. Процедура ареста первого царского судна революционным кораблём была закончена.

Глава XIII

ВРАГИ

С военной точки зрения «Веха» не имела никакого значения. Команда превратила её в свой плавучий госпиталь. Но захват «Вехи» и арест её офицеров сильно подняли настроение матросов. Теперь у восставших была уже маленькая эскадра: «Потёмкин», миноносец № 267 и «Веха».

В этот вечер на горизонте показался ещё один военный корабль: то было военно-учебное судно «Прут». Корабль держал курс на Николаев. Матросы предложили выйти в море для преследования «Прута». Алексеев ответил отказом. Он ссылаясь на быстроходность «Прута». Между тем «Прут» в это время был готов к восстанию, и если бы «Потёмкин» начал преследование, команда «Прута» сама пошла бы к нему навстречу. Это было первое предательство Алексева.

Несмотря на то что на «Потёмкине» было организовано матросское самоуправление, несмотря на то что высшим органом власти на корабле была комиссия, власть Алексева была огромна. Однако в боевые минуты, когда всё зависело от командира, Алексеев проявлял преступную медлительность. Чтобы изменить положение, «тройка» предложила избрать из среды комиссии исполнительный комитет, который должен был разделить с командиром исполнительную власть. В этот комитет вошли самые преданные революции матросы: Дымченко, Резниченко и Матюшенко. Но они не решились взять на себя командование. «Тройка» не сумела настоять на этом. Это был только орган контроля. Командование попрежнему находилось в руках предателя.

Для того чтобы победить, нужен был командир — сильный, решительный человек и обязательно моряк, знающий военное дело.

Его не было...

Алексеев был не один. За его спиной орудовали кондуктора.

Кондуктора убеждали матросов в незаменимости Алексева. Они говорили, что без его помощи они не смогут справиться с управлением корабля. Они поддерживали Алексева, и Алексеев

опирался на них для проведения в жизнь своих предательских планов. Создавалась круговая порука предательства и измены. Кондуктора никогда не решались открыто выступать против «тройки». Но каждый раз, когда кто-нибудь из нас поднимался на кнехт, чтобы взять слово, они кричали: «Опять «вольные» говорят!» Они хорошо знали, что делали, вселяя в матросов недоверие к нам, как к представителям чуждого мира «вольных».

Когда комиссия приняла решение спустить на берег арестованных офицеров, трое из них — мичман Калюжный, инженер-механик Коваленко и доктор Галенко — заявили о своём сочувствии восстанию. Они просили оставить их на корабле.

Несмотря на протесты «тройки», комиссия решила удовлетворить их просьбу. Матросы простодушно радовались, что офицеры добровольно решили участвовать в восстании. Они наивно верили всем, кто заявлял о сочувствии их делу.

Дорого стоила эта ошибка.

Из троих оставленных на «Потёмкине» офицеров только инженер-механик Коваленко остался до конца верен восстанию.

Однако большой пользы делу он не принёс. С механизмами и без него неплохо справлялся превосходный мастер и отважный революционер — старший машинист Денисенко. Он не очень доверял Коваленко и старался обойтись без его помощи.

Мичман Калюжный за всё время пребывания на броненосце ни на одно мгновение не вышел из своей роли безучастного и молчаливого свидетеля событий. Он не пожелал высадиться с остальными офицерами «Потёмкина» из одного только страха перед восставшим народом.

Доктор Галенко остался на корабле, намереваясь взорвать восстание изнутри. Это был вкрадчивый, умный, деятельный провокатор.

Всё в этом человеке — внешний облик, речь, жесты — выдавало русского старорежимного чиновника. Раньше он пресмыкался перед начальством, теперь он льстил матросам. Революционный пафос давался ему нелегко. Но ему нельзя было отказать в силе логических аргументов. Его речи производили впечатление. Он быстро завоевал доверие матросов тем, что хорошо поставил санитарную службу на корабле. Он выступал в качестве пропагандиста и агитатора, иногда даже критикуя действия Алексеева.

В числе злейших врагов восстания находилась и группа шептунов. Это были шкурники, думавшие только о том, как бы скорее и благополучнее выкарабкаться из «истории», в которую они

попали; те самые матросы, которые отказались впоследствии высадиться в Румынии вместе со своими товарищами.

Их было не более пятидесяти человек. Но кондукторы, хорошо знавшие весь личный состав корабля, быстро сплотили их. У шептунов была своя тактика. Они старались поменьше попадаться на глаза матросам социал-демократам. Они никогда не посещали заседаний комиссии, прятались в тайниках корабля, вели свою агитацию осторожно и тонко, бросали как бы невзначай, на ходу, с виду незначительную, но по существу разьедающую душу мысль. Они, как кроты, медленно, но систематично подтачивали боевой дух команды, оставаясь в тени до той минуты, когда решалась судьба восстания. Если какой-нибудь матрос прибегал в помещение комиссии и, бледный от волнения, спрашивал: «Верно ли, что машины броненосца скоро откажутся работать?» — это значило, что шептуны пустили в ход новую выдумку с целью посеять панику среди команды.

Зато в критические минуты восстания шептуны выходили из своих укрытий, проявляли энергию, бегали, орали, окружали матросов социал-демократов, пытавшихся остановить панику, старались изолировать последних от команды.

Алексеев, кондуктора и доктор Галенко создали тайную контрреволюционную организацию на корабле. Они искусно распределили между собой роли. Алексеев саботировал, кондуктора вели агитацию против восстания. Они преувеличивали трудности, обвиняли во всём «вольных». Галенко прикрывал всех своей неутомимой деятельностью и лицемерными речами и терпеливо ждал случая, когда можно будет всадить нож в спину восстания.

Но все усилия «тройки» изолировать и удалить с корабля этих изменников были напрасны. Матросы видели в кондукторах незаменимых специалистов. Даже сам Матюшенко резко выступил против предложения отставить Алексеева от командования и избрать командиром его, Матюшенко.

Глава XIV

ПЕРЕДОМ

С шептунами «тройка» столкнулась в первый же день пребывания на броненосце.

Вечером, после церемонии спуска флага, команда была созвана на общее собрание в батарейной палубе.

До сих пор каждый из нас выступал перед отдельными группами матросов. То были стихийные собрания. Люди тут могли слушать, возражать, одобрять или не одобрять, но не решать. Другое дело общее собрание — верховный орган власти на корабле.

В частности, в этот вечер общее собрание должно было обсудить предложение ввести Афанасия, Кирилла и меня в состав судовой комиссии «Потёмкина».

Мы должны были выступить после чисто делового доклада Алексеева.

Но не успел председательствующий, унтер-офицер Дымченко, произнести: «Вот, ребята, хорошие люди хотят нам слово доброе сказать», как шептуны бросились в решительную и отчаянную атаку.

В задних рядах кто-то крикнул: «Долой «вольных!» Это был сигнал. Его подхватило несколько голосов в противоположном конце помещения. Шептуны были расставлены умело. Хор их голосов нарастал слаженно. Он увлекал за собой колеблющихся. Выкрики усиливались. Голоса ударялись о стальные стены и потолок батарейной палубы, отражались, неслись отовсюду. Помещение было слабо освещено. Создавалось впечатление, что вся команда против нас. Если «организованным» не удастся отбить эту атаку, нам придётся покинуть корабль.

Дымченко растерянно смотрел на Алексеева. Его взгляд молил о помощи. Алексеев молчал. На губах показалась радостная усмешка. Спohватившись, Алексеев отвернулся. Очевидно, Дымченко успел перехватить его улыбку. Как ветром сдуло с Дымченко обычное выражение добродушия. Он стал похож на заправского унтер-офицера. Начальственно загремел его голос:

— Смирно!..

Окрик подействовал. Шептуны боялись начальства. Повиновение было их второй натурой. Враждебный хор стихал, как ворчание отброшенной от берега волны. И вдруг совсем умолк.

В наступившую тишину стремительно ворвался голос товарища Афанасия. Ему было трудно говорить перед такой большой аудиторией. Но минута была решающая: на карту была поставлена, быть может, судьба восстания. С партией или без неё? Кондуктора отлично понимали это, поэтому и была такой бешеной их атака. Афанасий был революционером и большевиком. Такие люди умеют, когда надо, преодолевать все, даже природные недостатки.

— Матросы! Вы не смее не выслушать нас: мы говорим не от своего имени, а от имени всего русского рабочего народа. Вы сыновья этого народа и должны выслушать его слово, обращённое к

вам. Если не согласитесь с нами, мы уйдём. Но выслушать нас вы должны. Мы требуем! Именем народа!

И матросы услышали этот призыв.

Три часа длилось собрание. На наших глазах росли люди. В батареейной палубе, металлическом помещении, где с трудом умещались семьсот человек, было жарко, как может быть жарко в июне на знойном Юге. Сидячих мест, конечно, не было. Те, кто был поближе, уселись на полу. Большинству матросов приходилось слушать стоя. Когда мы высказались, раздались крики: «Просим другого «вольного», «Пусть «вольные» говорят». Они жадно слушали.

Команда единогласно избрала нашу «тройку» в комиссию. Даже кондукторы голосовали за нас. Не по доброй воле, разумеется, а из страха перед командой. Так сказать, под давлением масс.

Собрание кончилось. Стояла тёмная южная ночь; лучи прожектора шарили по морю.

Афанасия и меня окружила группа матросов социал-демократов. Все были возбуждены и веселы.

— Наша берёт, — сказал матрос Звенигородский. — Золотые у нас ребята!.. Вы им только всё расскажите, вы им только дорогу укажите, а уж они начнут палить так, что самому царю жарко станет!

Как бы подтверждая его слова, выступивший из темноты Матюшенко произнёс:

— Хорошо с командой дело поворачивается... завтра, пожалуй, и пушкам слово предоставим.

— Афанась! — радостно воскликнул Кулик и бросился было обнимать Матюшенко.

— Что за телячьи нежности, — пробурчал Матюшенко и, оттолкнув Кулика, ушёл куда-то в ночь.

— Эх ты!.. степной лирик!.. К такому дичку с объятиями полез, — ласково утешал Денисенко Кулика.

Но тот и не думал огорчаться.

— Всё равно... я его и таким люблю... На одном месте не стоит человек — вот за что люблю его. Давеча сам слышал, как он сказал на прощание отъезжавшим делегатам: «Нам нечего глядеть на берег, мы должны глядеть туда, в море». И вот он уже другое думает.

Стали подходить к нам и незнакомые матросы. Пожимали нам руки, разговаривали, как с добрыми старыми знакомыми.

«Звенигородский прав: с такими людьми можно горы перевернуть», — подумал я.

И, точно угадывая мои мысли, Афанасий шепнул мне:

— Да, это перелом... Но предстоит ещё немало работы. Нужна агитация, систематическая, непрерывная, неустанная. Ведь эти негодяи, которые кричали «долой «вольных», сегодня же ночью возобновят своё подлое дело. И пока нам не удастся убедить команду выбросить их за борт, они не успокоятся. Эх, кабы людей побольше... ну хотя бы ещё пяток нас тут было!..

Глава XV

ПОЖАР В ПОРТУ

Было около полуночи. В адмиральской заседала комиссия.

— Пожар в порту!.. Порт горит!

Мы бросились на шканцы.

Гигантские огненные языки поднимались над портом. Огромное зарево освещало бухту. Густая завеса дыма и огня закрыла набережные и всю громадную территорию одесского порта.

Горели склады, доки и груды наваленных всюду товаров. Кое-где пожар перебрасывался на стоявшие на причале корабли.

Парусники и мелкие каботажные суда спешно покидали гавань.

Неожиданно за огненной завесой заработали ружья и пулемёты.

Мы пробовали выслать на разведку шлюпки, но пламя было так велико, что шлюпки не могли подойти близко к набережным.

В порту же в этот день происходило следующее.

Ораторы, сменяя друг друга, звали народ на решительный бой с царизмом.

Рабочие проявляли в этот день, как и всегда впрочем, величайшую организованность.

Провокаторы, подсланные полицией, делали неоднократные попытки начать грабёж. Но рабочие энергично боролись за порядок: поставили пикеты у спиртных складов, зорко следили за провокаторами. В одном месте какой-то хулиган стал кричать: «Бей жидов!» Его тут же убили. Остальные притихли.

В четыре часа дня приехали на берег представители организаций, ездившие на броненосец. Поднявшись на трибуну, Томич объявил, что матросы не сойдут на берег, и просил рабочих мирно разойтись по домам и ничего не предпринимать до наступательных действий «Потёмкина». Рабочие стали с пением «Варшавянки» уходить из порта.

Но с уходом рабочих ушла из порта и та сила, которая поддерживала порядок и сознательность.

Полиция тотчас же с помощью своих провокаторов стала натравлять босяков и хулиганов на разгром складов.

Оставшиеся ещё в порту рабочие всеми силами боролись с погромом. Но ничто не могло удержать разбушевавшуюся пьяную стихию.

Где-то вспыхнул огонь. Пламя разгоралось. Прибывшие в это время войска начали обстрел порта. Люди бросились в город, но тут их встретили новыми залпами. Усмирители ждали ночи, чтобы под защитой темноты свершить своё мрачное дело. Но и теперь из страха перед броненосцем они не решались захватить порт. Войска стреляли издалека: с вышек, из-под многочисленных мостов, эстакад и элеваторов, окружавших порт.

По официальным данным, в эту ночь от огня и полицейской расправы погибли шестьсот человек. Обо всем этом матросы узнали на другой день. Теперь же можно было лишь догадываться.

Окружённые большой группой матросов, Матюшенко, Кирилл, несколько членов комиссии и я стояли на шканцах. Возмущённые, мы обсуждали положение. К нам подошёл Алексеев.

— Да бросьте вы народ мутить: разве это залпы? Это крыши от огня трещат, — резко произнёс он.

Затаив дыхание, мы стали снова прислушиваться. Снова раздалось характерное «тра-та-та». Не надо было обладать чутким ухом солдата, чтобы определить природу этих звуков.

Объяснение Алексеева на одно лишь мгновение успокоило потёмкинцев. В следующую минуту от броненосца стали отваливать шлюпки и катера. Матросы отправлялись на боевую разведку. Дымченко, захватив взвод строевой роты, первым погрузился в две восьмёрки. Матросы социал-демократы Бредихин, Горбач, Задорожный, Заулошнев, Звенигородский, Костенко, Курилов, Мартянов, Никишкин, Савотченко, Скребнёв, Спинов, Шестидесятый вместе с другими матросами заняли остальные шлюпки. Катера были оставлены в распоряжение Матюшенко. Всё это произошло в несколько минут, без чьей-либо команды, без взаимной договорённости. Получился своеобразный десант, огневая мощь которого усиливалась тогда ещё совсем новым и редким оружием — пулемётом, который захватил с собой Матюшенко. Восьмёрки производили разведку вдоль дымовой завесы, пытались выяснить расположение войск, найти окно, через которое можно было бы обстрелять войско, не причиняя вреда народу. Но выстрелы

в порту неслись со всех сторон. Солдаты стреляли перекрёстным огнём, дымовая завеса не позволяла выяснить обстановку.

Трудно описать чувства, которые овладели потёмкинцами. Матросы вышли из кубриков, метались по палубам. Сознать, что в твоих руках сила, которая способна раздавить и уничтожить палачей народа, и не иметь возможности помочь народу — нет муки горше для солдата! Даже самые отсталые матросы начинали осознавать свою ошибку.

Если бы они сегодня не бездействовали, а захватили город или, по крайней мере, вооружили рабочих, власти не могли бы так безнаказанно творить своё чудовищное дело.

Кто-то сверху окликнул меня. На капитанском мостике маячила фигура матроса Денисенко.

— Что над портом? — с обычной своей лаконичностью спросил он меня.

— Николаевский бульвар.

— Что на бульваре? Я стал перечислять:

— Городская дума, дома богачей, Северная гостиница, дворец командующего...

— Как... как ты сказал? — прервал меня Денисенко.

— Дворец командующего войсками военного округа.

— Главного обер-дракона?! — воскликнул Денисенко. И вдруг крикнул.

— Стрелять!., стрелять... уничтожить негодяя!

Он побежал искать Алексева. По узким и крутым трапам корабля этот великан спускался с ловкостью акробата. Я с трудом поспевал за ним.

Алексеев, конечно, наотрез отказался открыть огонь. Он отговаривался разными техническими препятствиями: на броненосце нет приспособлений для прицельной ночной стрельбы и тому подобное. Но не так легко было отвертеться от Денисенко. Он был механиком-машинистом, но знал хорошо все механизмы корабля. Алексеев долго изворачивался и наконец прибегнул к последнему доводу:

— Да что вы ко мне пристали, говорите с комиссией. Я только исполнитель. Прикажут — сделаю, а без приказа — ни шагу.

Это была ловкая отговорка. Самые активные члены комиссии находились в боевой разведке. На броненосце не осталось ни одной шлюпки. Комиссию созывали дудками. Денисенко мобилизовал все боцманские дудки. Но их пискливые голоса тонули в грохоте пожара и ружейного огня. Оставалось сыграть боевую тревогу. Звуки горна дошли бы до отпльвших, но Алексеев предусмотрительно заперся в боевой рубке, прихватив с собою

горниста. Он часто прибегал к этому приёму и впоследствии говорил об этом на суде. Денисенко побежал в машинное отделение, которое было соединено телефоном с боевой рубкой. Пока он вызванивал Алексева, вернулись катера и шлюпки: стрельба на берегу прекратилась.

Одна из шлюпок, курсировавших в эту ночь вдоль дымовой завесы, заметила у маяка человека, который знаками звал к себе матросов. Это был солдат одесского морского батальона. Его доставили на броненосец. Рискую жизнью, этот отважный солдат пробрался через пожарище и зону ружейного огня, чтобы сообщить нам о готовности батальона присоединиться к потёмкинцам, как только броненосец высадит десант. За несколько часов до этого у нас побывали делегаты от двух пехотных полков — Измайловского и Дунайского — с подобным же заявлением. Таким образом, в первый день пребывания «Потёмкина» в Одессе все пехотные части одесского гарнизона готовы были примкнуть к нам.

Это была неповторимая ситуация для захвата города. Но броненосец смотрел в море, а берег смотрел на броненосец. И никто не начинал.

Власти тем временем накапливали силы. Высокий крутой берег Ланжерона был превращён в крепость. Из этого района выселяли жителей, на его утёсах ставили пушки. С румынской границы стягивались войска. Ночью в порту бесчинствовал только что прибывший из Тирасполя полк. Солдаты его ничего не знали о событиях. Их с ходу направили в порт.

Глава XVI

День третий восстания

ДЕЛЕГАЦИЯ

К утру пожар стал утихать. С рассветом рассеялась огневая завеса. Только клубы дыма, поднимаясь в разных концах порта, указывали на тлевшие ещё очаги пожара. Но и они быстро исчезали. Очевидно, в порту шла энергичная борьба с огнём.

С броненосца немедленно вышла разведка.

Вернувшись, наш санитар рассказал некоторые подробности ночных событий в порту.

Пожар был ликвидирован благодаря героическим усилиям портовых рабочих. Они организовали дружины, мобилизовали портовых пожарных и команды ближайших кораблей.

Особенный героизм проявили рабочие в защите тела Вакуленчука. Вынесенное с корабля вчера на рассвете, оно всё ещё не было погребено и находилось в той же палатке в порту. Когда начался пожар, рабочие соорудили здесь прочные баррикады из мешков, наполненных песком, баррикады, которые защищали этот уголок порта не только от огня, но и от солдатских пуль.

В рассказе санитара вместе с восхищением звучали нотки гнева. Он восхищался мужеством рабочих и возмущался нашей бездеятельностью.

— Мы тут стоим в стороне, а они гибнут, защищая тело нашего товарища. Вообще не дело это, чтобы из-за мёртвого столько народу погибало. Надо похоронить Вакуленчука, — взволнованно закончил санитар.

Комиссия решила немедленно начать переговоры с властями. Специальная делегация должна была отправиться к главнокомандующему и потребовать разрешения похоронить Вакуленчука на городском кладбище в Одессе со всеми военными почестями.

Делегатами назначили Кулика, Никишкина и меня.

Мигом достали мне тельник, матросскую рубашку, брюки. Попрощавшись с товарищами, я прыгнул в шлюпку.

Остальные члены делегации сидели уже там.

— Ну, трогаем, братцы, — сказал я им.

— Батюшку ждём.

Матросы «Потёмкина», сбросив власть офицеров, отменили молитвы и решили за ненадобностью высадить на берег священника. Теперь он ехал с нами, и мы должны были отпустить его.

Мы поднимались по знаменитой одесской приморской лестнице к Николаевскому бульвару.

На лестнице было пусто и безлюдно.

Но там, наверху, уже заметили наше приближение: бегали люди в белых кителях, кто-то наводил на нас полевой бинокль. Видно было, что началась суматоха.

На всякий случай я сказал священнику, что, если все требования восставших не будут удовлетворены, броненосец начнёт бомбардировку города. Он на минуту остановился, посмотрел на меня испуганными глазами, видно хотел что-то сказать, потом передумал и пошёл.

Нас поджидали рота солдат с ружьями наперевес и группа офицеров.

Один из них подошёл к священнику, взял его за руку, сказал: «Мы к вам отнесёмся с полным почтением», и отвёл его в сторону. Затем раздался приказ окружить нас. Я заявил офицеру, что мы пришли требовать разрешения на похороны матроса, офицер промычал что-то в ответ и вместе со священником удалился во дворец командующего войсками.

Похоже было на то, что нас арестовали.

— А ведь, пожалуй, расстреляют? — шепнул мне Кулик.

Ждать нам пришлось недолго. Скоро офицер вернулся и заговорил с нами совсем другим тоном:

— Матросы, ваш батюшка поехал к градоначальнику за разрешением, а вы под конвоем отправитесь во дворец командующего. Мы не арестовываем вас, нет... Это только для того, чтобы не возбуждать внимания публики...

Двор был переполнен казаками. Кулик, сам происходивший из казачьего сословия, стал расспрашивать их, нет ли среди них земляков из его станицы. Казаки молчали.

Это обидело Кулика.

— Эх, люди! — сказал он громко. — Меня сейчас, может, повесят, я поклон хочу передать домой, а вы отворачиваетесь от меня. Да за кого мы умирать идём? За себя?..

Его горячие слова проняли казаков. Они собрались вокруг нас кучкой. Некоторые стали даже оправдываться: «Не мы, а начальство! Разве мы сами? Начальство приказывает». Потом сообщили нам важные сведения.

Со всех сторон к Одессе стягивались войска. Сегодня прибудет из Кишинёва полк с мортирами. Завтра придут войска из Николаева. Ждут крепостную артиллерию из Очакова...

Священника всё не было. Мы снова начали думать, что попали в ловушку. Досадно было, что, уезжая, не договорились с комиссией о сроке нашего возвращения.

После часа томительного ожидания появился священник. Он шёл в сопровождении какого-то полковника.

— Вот что, братцы, — заявил он нам. — Я ездил к градоначальнику, и он разрешил предать земле тело вашего товарища сегодня, в два часа ночи, а вас приказал с миром отпустить на броненосец.

— Наш товарищ — не вор. Мы не намерены хоронить его ночью, — ответил я.

— Ну, как знаете, — сказал полковник. — А теперь можете идти.

БОМБАРДИРОВКА

На броненосце разрешение хоронить Вакуленчука только ночью было встречено матросами с возмущением.

Было время обеда. Матюшенко уехал сменить караул у тела Вакуленчука. Пришлось отложить заседание комиссии для окончательного решения вопроса о похоронах.

Афанасий, Кирилл и я воспользовались этим перерывом, чтобы устроить совещание с матросами социал-демократами.

Матросы-партийцы не были связаны между собой организационно. На корабле не было партийного комитета или даже подобия какой-нибудь партийной группы. Не догадалась организовать такую группу и наша «тройка». Но с первого же дня нашего пребывания мы уже знали по именам матросов социал-демократов: Беликова, Бредихина, Денисенко, Дымченко, Журавлёва, Задорожного, Заулошнева, Звенигородского, Ковалёва, Козлёнке, Костенко, Курилова, Кошугина, Макарова, Мартьянова, Никишкина, Резниченко, Савотченко, Скребнёва, Спинова, Шендерова, Шестидесятого. Их нетрудно было заметить. Они были всюду и всегда первыми, боролись с шептунами, агитировали за решительные революционные действия. На этот раз нам удалось собрать их всех.

Выслушав мою информацию о положении в городе, это небольшое совещание решило, что больше ждать нельзя. Власти стягивают силы. Завтра, быть может, будет уже поздно.

Совещание решило снова поставить вопрос о захвате города на заседании комиссии, которое должно было состояться через полчаса. Нам предстояло дать серьёзный бой.

В это время на броненосец вернулся Матюшенко и сообщил нам удивительные новости.

Когда делегация потёмкинцев предъявила одесским -властям требование о разрешении хоронить Вакуленчука днём на городском кладбище, она далеко не была уверена, что команда поддержит её. Ещё утром раздавались голоса, что надо хоронить Вакуленчука в море, чтобы избежать напрасного кровопролития. Но восставшим важно было прошупать противника, узнать, способен ли он уже сопротивляться им.

Ответ не заставил себя долго ждать.

Небрежное «Ну, как знаете» полковника оказалось пустым хвастовством.

На берегу Матюшенко разыскали два солдата, посланные командующим войсками с письменным разрешением хоронить Вакуленчука в два часа этого же дня. Нам разрешалось, кроме того, выслать почётный караул из двенадцати матросов для сопровождения тела на кладбище.

Итак, первое же столкновение с береговыми властями принесло восставшим победу. Её значение было огромно. Во-первых, потому, что она вскрывала слабость противника. Сегодня — третий день восстания. Одесские власти, разумеется, снесли уже с Петербургом и получили инструкции. И если нам так быстро уступили, значит само правительство не чувствует себя очень уверенно и, видимо, не располагает ещё достаточными средствами для борьбы с нами. Во-вторых, эта победа была важна потому, что она подняла боевой дух команды и помогла ей осознать свою силу.

Матюшенко привёз ещё одну замечательную новость: солдаты, принёсшие разрешение, пришли говорить с матросами не только от имени своего начальства, но и от имени своих товарищей. Они заявили следующее: солдаты сочувствуют матросам, но между ними нет единодушия, и они боятся начать. Если матросы сделают первый шаг, одесский гарнизон перейдёт на их сторону. В городском театре заседает военный совет. Пусть матросы дадут залп из орудий по театру. Это послужит сигналом для восстания двух полков одесского гарнизона. Солдаты этих полков вступили уже в переговоры с прибывшими тираспольцами и обещали увлечь их за собой.

Матюшенко вполне сочувствовал этому плану и вызвался немедленно претворить его в жизнь.

До сих пор Матюшенко сдержанно относился ко всем попыткам связать потёмкинское восстание с революционными действиями на берегу.

Неожиданная помощь человека, имевшего огромное влияние на команду, значительно облегчала выполнение решений, только что принятых социал-демократами.

Но прежде всего надо было снарядить почётный караул на похороны Вакуленчука. Возглавлять караул, по решению комиссии, должен был кочегар Никишкин. Ему поручили сказать надгробное слово над могилой героя. Выбрав сам остальных членов караула, Никишкин отчалил от броненосца.

Собравшись в адмиральской, комиссия приняла план бомбардировки города. Он состоял в следующем: «Потёмкин» даёт три холостых выстрела, чтобы предупредить население, и два боевых по театру; затем депутация из трёх человек направляется в город и предъявляет требования об освобождении из тюрем всех

политических заключённых, о разоружении войск и передаче арсеналов в руки рабочих. Если власти не исполнят этих требований, команда завтра же начнёт бомбардировку города. Если сегодня же восстанут солдаты, потёмкинцы завладеют городом и превратят его в базу восстания. Теперь предстояло получить согласие всей команды открыть огонь по городу. Раздался сигнал: «Всем наверх!»

Но команда в массе своей была ещё политически неопытна, и кондуктора искусно играли на её предрассудках.

Когда кто-нибудь из членов тройки брал слово, они кричали: «Долой «вольных!» Когда мы кончали свои речи, они заявляли: «Что же «вольные» одни говорят? Пусть наши скажут!»

Так и теперь. Когда общее собрание после моей речи дало согласие на бомбардировку, кондуктора и шептуны прибегли к своему обычному манёвру. Но команда была уже не та, что вчера. После сегодняшнего ночного пожара её не так просто было сбить с толку. В ответ на крики шептунов раздались многочисленные протесты.

— Это шкурники не согласны! Подпевалы драконов! Труссы!.. За борт их!

На кнехт вскочил, покручивая свои рыжие усы, машинист Шестидесятый. Шептуны и кондуктора боялись его. Пущенное им меткое словечко обнажало перед людьми их подленькие и грязные душонки. Шептуны мгновенно стихли.

— Ну, которые не согласны с нами, — начал он, — выходи вперёд, стань на кнехт и объясни толком, почему не согласен. Выложи всё открыто, честно. Может, и поспорим с тобой, а всё одно в честных людях будешь ходить. Выходи же смелей, не бойся. У нас свобода...

Никто не отозвался на это приглашение.

— Вот какие живут среди нас трусы и подлецы, — продолжал Шестидесятый, — прячутся за спинами и орут...

Вдруг он соскочил с кнехта, ринулся в толпу, сгрёб какого-то матроса и, вытащив его на середину круга, воскликнул:

— Вот, товарищи, этот кричал: «Долой «вольных»!» Он побоялся открыто сказать, так пусть ответит на один только вопрос. — Шестидесятый обратился к шептуну: — А ты что же, в матросском тельнике на свет божий выполз?

Дружный хохот команды заставил шептуна скрыться в рядах.

Карта «долой «вольных» была бита раз и навсегда. Но кондуктора немедленно выкинули новые лозунги: «Пусть офицеры скажут», «Почему офицеры молчат?»

Взоры всех обратились на Алексеева и мичмана Калюжного, стоявших в центре круга. Те невозмутимо молчали. Точно не о них шла речь. Точно их не было здесь.

— Да выходи же кто-нибудь! — раздались возмущённые голоса.

Но никто не брал слова. Обе стороны старались перекрычать друг друга. Это была новая тактика, придуманная кондукторами, возможно, совместно с Алексеевым.

Положение спас Матюшенко.

— Не шумите, дайте мне сказать, — крикнул он. Мгновенно воцарилась тишина. Даже самые смелые шептуны смолкли: с Матюшенко шутить было опасно.

— Послушайте, братцы, что я вам скажу. Нас тут много социал-демократов. Мы все как один решили победить вместе с нашими братьями-рабочими либо умереть с ними. Для нас лучше смерть в бою, чем позорная петля. Мы пойдём сейчас к пушкам и пошлём царю наши снаряды. А вы, если не согласны с нами, накиньтесь на нас, вяжите нас и выдайте начальству. Оно встретит вас с музыкой, вас наградят медалями, вам дадут по целковому...

— Нет, нет!.. — прервали его речь сотни возгласов.

— Мы все за одно, — шумела команда.

— Так как же? Значит, согласны стрелять?

— Согласны! — кричали матросы.

— Может, кто не согласен, но голоса его не слышно? — продолжал неумолимый Матюшенко. — Так мы так сделаем: кто за то, чтобы стрелять, переходи направо, а кто против — налево.

Вся команда двинулась направо. Кондуктора были побеждены.

Прошло уже три часа, как почётный караул отчалил от броненосца. По нашим расчётам, тело Вакуленчука в это время опускали в могилу на одесском кладбище.

Команда выстроилась на шканцах. После торжественно скорбных звуков горна прогремели три холостых залпа — последний траурный салют в честь павшего героя.

Эти выстрелы должны были также предупредить мирных жителей о предстоящей бомбардировке.

Алексеев, сказавшись больным, ушёл в кают-компанию. В боевую рубку вошёл Филипп Мурзак.

Проиграли боевую тревогу, и всё свершилось с быстротой, на которую способны лишь матросы военного корабля. В одно мгновение опустели открытые части броненосца. Зато по многочисленным внутренним проходам и палубам вихревыми потоками неслись люди: вверх и вниз, взад и вперёд. Через три

минуты корабль приготовился к бою. Комендоры стояли у пушек. В минном отделении зашумели динамо-машины. Они доставляли к орудиям ящики со снарядами и шевелили чудовищные жерла двенадцатидюймовых пушек. Над броненосцем взвился красный боевой флаг. Хотя это был обычный боевой флаг, но в эту минуту он развевался как красное революционное знамя. Электрическая лебёдка подняла якорь. Заработали машины, забурила вода от ударов могучих винтов корабля. Мы отходили за черту досягаемости полевой артиллерии врага. Мощные насосы выбрасывали настоящие каскады воды на шканцы, на бак³³, на ют, чтобы не загорелись от снарядов деревянные настилы открытой палубы. Вода с шумом падала в море.

Никогда не забыть охватившего всех восторга. Броненосец переходит, наконец, в наступление. Через минуту загремят первые пушечные выстрелы армии русской революции. Сегодня «Потёмкин» — только передовой отряд. Завтра под его прикрытием будут созданы сотни батальонов революционной армии. Они начнут своё победоносное наступление вглубь страны, пойдут на штурм твердыни самодержавия.

Вместе с товарищем Афанасием мы направились на штурмовой мостик³⁴. Там стояли матросы Дымченко, Заулошнев, Звенигородский, Курилов, Савотченко, Скребнёв и механик Коваленко, такие же взволнованные, как и мы. Заулошнев сообщил нам, что стрелять будут из шестидюймовых орудий.

* * *

Два наших боевых выстрела не достигли цели. Городской театр остался невредим. Позже, во время судебного следствия, я узнал, что сигнальщик Ведермеер оказался предателем. Он умышленно дал артиллеристам неверный прицел. В тот же вечер он совершил второе предательство, скрыв от команды принятый сигнал солдат одесского гарнизона: «Продолжайте бомбардировку, присоединимся к вам».

Матросы снова послали делегацию к командующему войсками. На этот раз состав делегации несколько изменился. В неё входили матросы Звенигородский, Савотченко и я.

Сумерки сгустились, когда делегация поднималась по лестнице, соединяющей порт с Николаевским бульваром. На верхней площадке нас ждал временный генерал-губернатор Одессы Карангозов.

Мы передали ему требования команды и предложили прислать на броненосец уполномоченного для переговоров. Всё это было подкреплено угрозой продолжения бомбардировки.

— Хорошо, я передам командующему ваши требования, — сказал он.

— Ещё одно предупреждение, — остановил я его: — если к десяти часам вечера мы не вернёмся на корабль, по городу будет открыт огонь из всех орудий броненосца.

— Я всё передам командующему, — сказал генерал и удалился.

Через пятнадцать минут он вернулся и передал нам ответ командующего:

— Ни в какие переговоры с бунтовщиками командующий вступать не желает. А если хотите бросить ещё несколько снарядов в дома жителей, то бог и царь будут вам судьями. Теперь же можете идти, никто вас не тронет.

Вся команда была в сборе, ожидая нашего возвращения. Глубокое молчание, с которым команда слушала отчёт нашей делегации, сменилось взрывом возмущения:

— Мы покажем ему, какие мы бунтовщики! Сам против народа бунтует! Не желает с нами разговаривать, будет с двенадцатидюймовками толковать.

Председательствующему Дымченко с трудом удалось успокоить собрание, чтобы предоставить слово Никишкину для рассказа о похоронах Вакуленчука. Похороны носили характер внушительной демонстрации солидарности трудящихся с матросами. Тысячи рабочих вышли провожать тело павшего в бою героя. Войска, выстроившись вдоль улиц, по которым двигалась процессия, отдавали ему воинскую честь. На кладбище открыли многолюдный митинг.

Так кончился жизненный путь отважного и верного сына народа большевика Григория Вакуленчука. Даже мёртвый он продолжал воевать с царизмом. Перепуганная полиция не решалась разогнать траурный митинг.

Правда, когда матросы почётного караула на обратном пути спускались в гавань, какой-то полицейский пристав приказал пехотной роте открыть огонь по матросам. Матросы бросились бежать. Солдаты стреляли неохотно и явно не по цели. Восемь матросов добежали до порта, четверо других метнулись в какой-то переулок.

Рассказ Никишкина произвёл сильное впечатление на команду. Зрело сознание своей силы, росла уверенность в победе.

Теперь уже сами матросы говорили, что с утра следует предпринять решительные шаги для завоевания города. Одна только мысль беспокоила команду: как бы не погубить бомбардировкой трудящееся население Одессы. С нетерпением ждали вестей из города о результатах нашей короткой бомбардировки. Мы были уверены, что после бомбардировки одесские товарищи предпримут новые попытки связаться с нами. Опять наши шлюпки и катера курсировали вдоль берегов в надежде встретить лодку с товарищами. Но безуспешно. Кто-то из матросов — Макаров или Задорожный, точно не помню — встретил в порту какое-то начальство и упросил его справиться по телефону о том, куда упали снаряды. Управление полицмейстера ответило, что, хотя один дом и повреждён снарядом, жертв никаких не было. Известие это мгновенно облетело весь броненосец: «Ни одной жертвы», «Никто не пострадал», «Слава тебе, господи!» Матросы обнимались, целовались, плясали, как дети.

Это была удача. Однако мы прекрасно понимали, что при интенсивной бомбардировке неизбежно пострадает мирное население. Выход нашёл Денисенко.

— Пересыпь! — не сказал, а вскрикнул он, когда поздно ночью зашла об этом беседа среди бодрствующих членов комиссии.

Все недоуменно смотрели на него.

«Пересыпь на уровне моря. Эта часть города у нас перед глазами. Там не спрячешься от наших пушек. Начальство не станет держать там войска. Значит, и мы не будем обстреливать Пересыпь. Пушки стоят на Ланжероне, они видны нам отсюда. Пушки стоят на бульваре, наши делегаты видели их там. Там, где пушки, там и войска. Мы будем бить по Ланжерону, мы будем бомбить бульвар, а беднота уйдёт на Пересыпь... куда же ей больше деваться?! А если рухнет сотня, другая буржуйских домов, мы плакать не станем».

Это был точный, смелый и умный план. Он разрешал все наши сомнения.

Глава XVIII

КАРАТЕЛЬНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

В своём дневнике Николай II назвал известие о восстании «Потёмкина» «ошеломляющим».

Главный командир Черноморского флота адмирал Чухнин находился в это время в Петербурге. Его немедленно вызвали к царю. Царь приказал Чухнину не останавливаться ни перед какими

мерами для подавления восстания и если встретится необходимость, то взорвать броненосец. «Офицеров крепко наказать, с мятежниками-матросами расправиться беспощадно», — так гласил царский приказ.

В Севастополе царила растерянность. Помощник Чухнина, адмирал Кригер, приказал выйти на подавление «Потёмкина» отряду в составе броненосцев «Три Святителя», «Двенадцать Апостолов», «Георгий Победоносец», «Екатерина II», минного крейсера «Казарский» и четырёх миноносцев. Корабли стали спешно грузить боевые припасы. Однако к вечеру броненосец «Екатерина II» от похода отставили.

В этот вечер команда «Красной Кати», ничего не зная о восстании «Потёмкина», отказалась выйти на вечернюю молитву. Это заставило начальство насторожиться и отдать приказ отставить броненосец от похода.

Настроение офицерского состава кораблей было подавленное. В одном из своих докладов морскому министру адмирал Чухнин писал:

«Господа офицеры в кают-компании броненосца «Три Святителя» громогласно разбирали вопрос, как поступить, ежели команда взбунтуется. Причём тенденция была к сдаче и даже позволению себя вязать, так как сопротивление всё равно бесполезно, так как убьют».

В час ночи 15 июня карательный отряд во главе с адмиралом Вишневецким снялся с якоря. Он взял малый ход и прибыл на Тендру только на другой день к вечеру, как раз в то время, когда команда «Потёмкина» слушала рассказ Никишкина о похоронах Вакуленчука. Оставив здесь эскадру, адмирал выслал против «Потёмкина» два миноносца с приказом потопить броненосец ночью.

Адмирал плохо рассчитал. Миноносцы вернулись ни с чем.

— «Потёмкин» светил прожектором и очень скоро открыл нас. Мы вынуждены были удалиться, — сконфуженно рапортовали командиры миноносцев.

Между тем в Севастополе адмирал Кригер получил телеграмму морского министра:

«Следуйте немедленно со своей эскадрой и минными судами в Одессу. Предложите команде «Потёмкина» покориться. Ежели получите отказ, немедленно потопите броненосец. Команду «Потёмкина», если будет сопротивление, расстреливать...»

В тот же вечер адмирал Кригер вышел на соединение с адмиралом Вишневецким. В состав его отряда входили броненосцы «Ростислав» и «Синоп» и два контрминоносца.

Таким образом, против «Потёмкина» были мобилизованы почти все наличные силы Черноморского флота. Это показывает, насколько перепугано было правительство. Оно рисковало многим. Если бы эскадра перешла на нашу сторону, Чёрное море, а с ним и всё побережье оказались бы в руках революции. Всего против «Потёмкина» было выслано 12 боевых судов общим водоизмещением в 54 349 тонн со 150 орудиями, 48 минными аппаратами и с экипажем численностью в 3486 человек. Этой силе противостоял революционный корабль водоизмещением в 12 658 тонн с 44 орудиями, 7 минными аппаратами и экипажем в 752 человека.

Правда, «Потёмкин», как новый, только что спущенный корабль, имел неоспоримые боевые преимущества против эскадры, где имелось немало устаревших судов. Но, даже учитывая эти преимущества «Потёмкина», общая боевая сила эскадры превышала огневую мощь броненосца по крайней мере в два раза. Кроме того, в составе эскадры были флотилия быстроходных миноносцев и минный крейсер «Казарский», атака которых при поддержке эскадры грозила «Потёмкину» гибелью.

Глава XIX

День четвёртый восстания

РАЗВЕДКА

«Только бы пришла эскадра...»

Что бы ни делалось на корабле, какие бы вопросы ни обсуждались, всё кончалось этими словами.

Эскадру ждали напряжённо, о ней думали утром и вечером, вставая и засыпая.

Навстречу каждому кораблю, который показывался на горизонте, выходили наши катера. Останавливали, допрашивали. По ночам ходили в глубокую разведку на рыбачьих парусниках. Отважный Дымченко на конфискованной в порту быстроходной яхте одесского яхт-клуба доходил до самой Тендры. Проектор ищейкой бегал по горизонту. В каждом дымке, в каждом корабле всем чудилась эскадра.

Комиссия неоднократно обсуждала вопрос о том, что делать при встрече с эскадрой.

После долгих споров было принято предложение Афанасия и моё, сводившееся к использованию боевого преимущества

«Потёмкина» — большей дальностью его орудий. На расстоянии своего пушечного выстрела «Потёмкин» посылает приказ эскадре остановиться и затем отправляет к ней миноносец для ареста офицеров. В случае отказа эскадры повиноваться приказу «Потёмкин» открывает по ней огонь. Комиссия рассчитывала, что в атмосфере борьбы на эскадре вспыхнет восстание.

Против этого предложения энергично возражали Кирилл и матросы Бредихин, Савотченко, Фёдор Шевченко. «Мы глубоко уверены, — говорили они, — что матросы эскадры не будут стрелять по «Потёмкину». Если же мы начнём первыми, то тогда из страха за свою жизнь некоторые комендоры ответят, и вся эскадра подхватит!»

Утром перехватили радиотелеграмму. Она состояла из трёх слов: «Ясно вижу. «Ростислав». Значит, эскадра близко. Команде отдали приказ приготовить корабль к бою. Работа закипела. Скоро была перехвачена новая телеграмма «Ростислава» «Синопу»: «Мы телеграфируем вам на расстоянии 5...»

Эта телеграмма только подтверждала приближение эскадры, но не давала никаких дополнительных сведений. Решили произвести глубокую разведку.

Наш катер разыскал в порту новенький, только что спущенный с гамбургских доков теплоход. Это был тип корабля, мореходные качества которого были ещё мало известны в Чёрном море. Тем больше подходил он для нашей разведки.

На «Потёмкине» вызвали охотников. Немедленно откликнулось с полсотни матросов. Это было слишком много. Отобрали двадцать пять человек. Отряд снабдили биноклями и подозрными трубами. На случай встречи с судами береговой охраны матросов вооружили винтовками и пулемётом. Командиром разведки был назначен Резниченко.

Квартирмейстер Резниченко был одним из самых отважных и преданных делу революции потёмкинцев.

Теперь, достав откуда-то тужурку и фуражку штурмана торгового мореплавания, Резниченко стал на капитанском мостике рядом с капитаном теплохода.

По распоряжению Резниченко судно шло со скоростью шестнадцати узлов. Но у него была ещё запасная скорость, доходившая до двадцати узлов. Такой скоростью в те времена не обладал ни один военный корабль.

Уже после получасового хода заметили дымки на горизонте: Резниченко велел капитану держать на них курс. Вскоре показались три броненосца, окружённые флотилией миноносцев.

Всякий другой, вероятно, успокоился бы на этих результатах разведки. Но не таков был Резниченко. В приближающейся эскадре он не видел «Ростислава», телеграмму которого мы перехватили утром. Не было и «Синопа». Резниченко приказал капитану держать курс дальше в море, в обход эскадры.

Это был рискованный манёвр.

На эскадре заметили разведчика, дали ему сигнал остановиться и ждать миноносца.

Не обращая внимания на сигнал, Резниченко продолжал свой путь. От эскадры между тем отделился миноносец. Очевидно, чтобы привлечь внимание капитана странного судна, с эскадры дали несколько холостых пушечных залпов. Но люди на разведчике точно оглохли.

Миноносец ускорил ход³⁵.

Расстояние между ним и разведчиком стало быстро уменьшаться.

Резниченко командует: «Полный ход!»

Теплоход вздрогнул от рывка мощных машин. В подзорную трубу было видно, как на капитанском мостике миноносца столпились удивлённые офицеры.

«Стоп пары, пушу ко дну», — сигнализировал миноносец.

«Иду без паров», — ответил разведчик и стал спокойно набирать скорость. Резниченко не был лишён чувства юмора.

Скоро миноносец превратился в маленькую, едва заметную точку. Эскадра исчезла из виду. Не сбавляя хода, Резниченко ещё через полчаса увидел на горизонте новые дымки. Это был отряд адмирала Кригера в составе броненосцев «Ростислав» и «Синоп» и двух контрминоносцев. Они спешили на помощь адмиралу Вишневецкому.

Разведка была закончена.

Резниченко взял курс к «Потёмкину». Он шёл, держась на расстоянии артиллерийского выстрела от эскадры. Когда он проходил во второй раз мимо эскадры, последняя уже не пыталась преследовать его.

Глава XX

ВСТРЕЧА С ЭСКАДРОЙ

— Дымки на горизонте!

— Боцман, боевую тревогу!

— Есть боевая тревога!

Всё задвигалось на корабле...

На подвесных блоках поплыли артиллерийские снаряды. Задвигались пушечные жерла. Над «Вехой», превращённой командой в плавучий госпиталь, взвился флаг Красного Креста. В батареейной палубе притаились санитары с носилками.

Скоро уже невооружённым взглядом можно было разглядеть дымки, а затем и самые броненосцы. Как и показала разведка, их было три: «Двенадцать Апостолов», «Три Святителя» и «Георгий Победоносец». Прижавшись к ним, шли миноносцы. Это была эскадра контр-адмирала Вишневецкого.

Взвился красный боевой флаг, и «Потёмкин», грозный в своей готовности, ринулся вперёд.

От сознания ли боевого превосходства нашего корабля над противником или потому, что приближался наконец долгожданный час, когда должна была решиться судьба восстания, все матросы были по-праздничному веселы и оживлены. Сверкали белизной чистые рубашки, которые матросы одевали перед боем.

«Потёмкин» шёл полным ходом, со скоростью четырнадцати узлов, и расстояние между ним и эскадрой стало быстро уменьшаться.

Но что это? Броненосцы разворачиваются, перестраивают свой порядок. Ещё минута — и вся эскадра уходит назад, в море³⁶.

Не нужно было быть военным, чтобы понять, что теперь надлежало догнать эскадру и отрезать для неё возможность соединиться с двумя сильнейшими броненосцами — «Ростиславом» и «Синопом».

Афанасий и я бросаемся к Алексееву. — Что вы намерены делать? — спрашивает Афанасий.

— Поворачиваю к Одессе, — заявил он нам.

— Но почему?

— А если это манёвр, чтобы увлечь нас в море, где ждут остальные броненосцы?

Как будто «Потёмкин» не ждал встречи со всей эскадрой, как будто что-нибудь может помешать ей пойти за ним в Одессу, как будто встреча у одесских берегов может дать восставшим какие-нибудь боевые преимущества! Но во время боя бесполезно спорить с командиром, и через полчаса мы стояли уже на одесском рейде.

Хотя эскадра и бежала от нас, мы понимали, что она должна вернуться уже в полном составе, и поэтому немедленно сделали смотр боевой готовности корабля. В офицерскую, где заседала комиссия, были созваны начальники боевых частей корабля. Выяснилось, что у сигнальщиков было мало запасных углей для

прожекторов, а у машинистов ощущался недостаток серной кислоты.

Эти материалы необходимо было немедленно раздобыть, и с этой целью решили отправить в город матроса Шендерова и товарища Афанасия. Их переодели в штатское платье и на частной шлюпке свезли на берег. Они должны были также установить постоянную связь броненосца с Одесским комитетом, позаботиться о переброске к восставшим возможно большего количества опытных агитаторов и организаторов, о доставке литературы и подробных карт Одессы. К сожалению, им не удалось вернуться назад.

На этом же заседании комиссии снова пересмотрели план боевых действий. Многие выражали опасения, что если мы первые откроем огонь, то вооружим против себя матросов эскадры и заставим их действовать против нас. Поэтому решено было вызвать адмирала эскадры на борт «Потёмкина». Авторы этого проекта — Кирилл и матросы Савотченко, Бредихин, Шевченко, Самойленко — наивно предполагали, что нам удастся осуществить этот манёвр и обезглавить таким образом эскадру. Комиссия же, приняв их предложение, рассчитывала, что это требование вызовет негодование адмирала и заставит его отдать приказ стрелять по «Потёмкину», что неизбежно должно было вызвать восстание на кораблях.

Недолго пришлось ждать прихода эскадры: часов в двенадцать показались броненосцы. На этот раз их было пять. В тот же момент мы получили по беспроволочному телеграфу телеграмму от адмирала Вишневецкого: «Черноморцы удручены вашим поступком. Сдавайтесь».

«Потёмкин» ответил: «Эскадра, стой на якорь. Адмирал, к нам на борт для переговоров».

Эскадра, не уменьшая хода, идёт на нас.

Снова летит телеграмма: «Безумные, что вы сделали? Сдайтесь. Повинную голову меч не сечёт». В ответ — прежняя телеграмма, с грозной прибавкой: «Иначе буду стрелять».

. Впереди идут самые сильные броненосцы: «Ростислав» и «Три Святителя». На шканцах и спардеке не видно людей. Значит, на этих кораблях команда готова к выполнению приказов.

У нас тоже всё готово к бою.

Алексеев — в командирской рубке. Он готовится к предательству, но дрожит за свою шкуру. Он — наш заложник. Если «Потёмкин» пойдёт ко дну, есть много шансов, что туда же пойдёт и Алексеев. Он делает всё возможное, чтобы избежать боя. Но на случай боя он принимает меры к тому, чтобы «Потёмкин» победил.

Секции артиллерии броненосца строго распределены; каждая из них имеет свой прицел. Орудия зорко следят за движением кораблей. Пушки передвигаются, не теряя своего прицела. На случай минной атаки оставлен резерв мелкокалиберных пушек. Дёшево матросы своей жизни не продадут.

В эти минуты каждый матрос «Потёмкина» был исполнен героической решимости.

У штурвала стоял квартирмейстер Костенко, талантливый и решительный матрос. У него был свой план. Это он произвёл изумительный по своей смелости и гениальный по простоте манёвр, который вызвал потом восхищение всех заграничных специалистов морского дела, сравнивавших его с манёвром Нельсона при Абукире³⁷.

«Потёмкин» держит курс в промежуток между «Ростиславом» и «Тремя Святителями». Резкий поворот руля — и «Потёмкин» врывается в боевое расположение эскадры. Здесь он изменяет курс. Теперь он идёт носом к «Ростиславу» и кормой к «Трём Святителям». Костенко намерен протаранить носом «Ростислав» и взорвать «Три Святителя» кормовым минным аппаратом «Потёмкина».

Ещё несколько минут — и два сильнейших броненосца эскадры выйдут из строя. Напряжённая тишина повисла над эскадрой. Должно быть, там поняли.

Флагманский корабль «Ростислав» даёт сигнал: «Всей эскадре повернуть на шестнадцать румбов».

Манёвр выполнен.

На какое-то мгновение это спасает «Ростислав» от нашего удара.

Но Костенко делает контрманёвр. Наш корабль разворачивается и принимает прежнее положение. Костенко отлично использует технические преимущества «Потёмкина» — его превосходную подвижность в маневрировании и быстроту хода.

Нет, не уйти «Ростиславу» от «Потёмкина»!

Новый манёвр адмирала сжал вокруг нас кольцо других кораблей. Наши пушки реагируют на это с необыкновенной чуткостью. Они следуют за кораблями эскадры, как стрелки магнитного поля³⁸.

Снова какое-то мгновение отделяет борт «Ростислава» от носа «Потёмкина». «Ростислава» спасает новое событие.

С приблизившегося к нам броненосца «Георгий Победоносец» раздаётся мощное «ура». Его команда, нарушая все правила боевой дисциплины, высыпала на шканцы и приветствует «Потёмкин» хором дружеских голосов. В тот же момент «ура»

раздаётся со стороны левого нашего борта: это приветствует восставших команда «Синопа». Издалека доносится приветствие команды броненосца «Двенадцать Апостолов».

Так вот она, эта долгожданная минута!

С «Потёмкина» несётся ответное «ура». Летят в воздух матросские бескозырки.

Сгрудившись на шканцах, свободные от вахты потёмкинцы кричат через море: «Бейте драконов! Берите винтовки!»

«Ростислав» и «Три Святителя» попрежнему грозно молчат. Но нам уже нет дела до них. Совершенно ясно, что эскадра не будет действовать против «Потёмкина».

Эскадра меняет курс. Костенко следует за ней. Теперь он направляет «Потёмкина» к группе дружеских кораблей. Все основные орудия перебрасываются сейчас против «Ростислава» и «Трёх Святителей».

Теперь наши силы сравнялись. Больше того: при дружественном нейтралитете трёх броненосцев, с которых по-прежнему несётся «ура», у «Потёмкина» несомненное боевое превосходство.

На «Ростиславе» чувствуют серьёзность положения. Он усиленно семафорит восставшему кораблю своё предложение прислать уполномоченных для переговоров. Между тем мы выходим из кольца эскадры. Теперь эскадра держит курс на Одессу, а «Потёмкин» уходит в море.

Новый поворот, и «Потёмкин» снова идёт на встречу с эскадрой.

На этот раз эскадра уходит в море, а мы направляемся к Одессе. Костенко врывается в водяную брешь между броненосцами «Георгий Победоносец», «Синоп» и «Двенадцать Апостолов».

Опять изумительный по своей ловкости, смелости и тактической целесообразности манёвр.

«Потёмкин» оказывается в центре дружественных кораблей и подходит к ним близко, облегчая им переход на сторону восставших.

В то же время «Потёмкин» как бы образует вместе с этими кораблями один боевой строй: «Ростислав», «Три Святителя», минный крейсер «Казарский» и основная масса миноносцев находятся за пределами этого расположения четырёх броненосцев.

В случае боя «Георгий Победоносец» и «Синоп» закрывают «Ростиславу» и «Трёх Святителям» поле обстрела. Своими корпусами эти броненосцы загораживают «Потёмкина» от атаки миноносной флотилии противника. Опасный для нас минный

крейсер «Казарский», обладающий огромной для того времени скоростью в семнадцать узлов, оказывается на самом крайнем фланге неприятельского расположения.

Как только «Потёмкин» очутился в центре расположения дружественных ему кораблей, оттуда снова раздалось могучее «ура». Теперь уже на всех частях этих кораблей — на шканцах, на юте, на баке — сгрудились матросы. Корабли словно увешаны гирляндами человеческих тел.

Потёмкинцы кричат:

— Берите винтовки!

В ответ несётся:

— Ура!

— Арестуйте погонников!

— Ура!

Матросы открыто демонстрируют «Потёмкину» своё сочувствие. Они у самого порога восстания. Но они не умеют закрепить свою волю к действию, они не знают, как начать. У них нет организации, нет руководителя.

Необходимо немедленно послать на каждый из этих трёх кораблей шлюпки и катера с вооружённым потёмкинским караулом для ареста офицеров. Нет никакого сомнения, что матросы эскадры не будут сопротивляться действиям нашего караула.

Но на «Потёмкине» живёт боевая традиция. Она ещё сохраняет свою властную силу, и нужно обращаться к Алексееву, чтобы добиться спуска катеров. Бегу к Алексееву. Алексеев, конечно, отказывает; у этого предателя на всё есть отговорки, и пока идут споры с ним, эскадра удаляется.

Флагман «Ростислав» беспрерывно семафорит: «Всей эскадре идти на Севастополь».

Там уже поняли опасность. Поняли, что ещё несколько минут промедления — и вся эскадра в руках восставших.

Адмиралы удирают, спасая свои корабли от угрозы революции.

Через несколько минут эскадра уже далеко.

Смолкают приветственные крики матросов.

Глава XXI

«ГЕОРГИЙ ПОБЕДОНОСЕЦ» ПРИСОЕДИНЯЕТСЯ

Внезапно один из броненосцев останавливается. «Ростислав» отчаянно сигналил ему: «Следовать за мной!» Не обращая внимания

на сигналы, «Георгий Победоносец» начинает семафорить «Потёмкину».

Медленно, убийственно медленно передаётся и принимается эта фраза:

«Команда «Георгия Победоносца» желает присоединиться к вам. Просим «Потёмкин» подойти к нам».

Бурный взрыв восторга вызывает это известие на «Потёмкине».

Но победу надо уметь использовать. Быстро подойти к «Георгию Победоносцу», взять к себе на борт его офицеров и вместе с ним на всех парах идти за эскадрой, во что бы то ни стало догнать её и, пользуясь растерянностью командного состава, захватить корабли — такое решение диктовала обстановка.

Но Алексеев отказывается; он говорит, что это может быть военная хитрость и «Георгий» зовёт «Потёмкин», чтобы пустить в него мину.

«Георгий» сам пытается подойти к нам, но Алексеев даёт задний ход и посылает приказ: «Стой, иначе буду стрелять». Так прошло полчаса, а Кригер тем временем на всех парах уводил эскадру от опасной близости с восставшим «Потёмкиным».

Дальнейшее ожидание становилось невыносимым. Дымченко, Резниченко и Матюшенко потребовали от Алексеева прекратить игру. Их голоса звучали угрожающе. Поставленный перед этой угрозой и страхом за свою жизнь, Алексеев принимает неожиданное для него решение. Он приказывает передать «Георгию» сигнал: «Арестуйте офицеров и доставьте их на «Потёмкин».

В ответ по семафору к нам несётся сигнал социал-демократов «Георгия»: «У нас дело плохо. Не все согласны. Мы не можем справиться. Присылайте скорей помощь».

Потёмкинцы откликнулись мгновенно. Не прошло и двух минут, как Матюшенко, Дымченко, Кулик, Кирилл и Шестидесятый мчались на миноносце к «Георгию». Маленький кораблик подошёл к правому борту броненосца. Видно было, как потёмкинцы взбирались по трапу на корабль.

Ещё четверть часа томительного ожидания, и мы получаем сигнал подойти. Этот сигнал передаётся с нашего миноносца, но Алексеев и тут упорствует:

— Пока офицеры «Георгия» не будут у нас на корабле, я к нему не подойду.

Споры бесполезны. Вступать в переговоры по семафору с нашей делегацией — значит, потерять ещё несколько минут

драгоценного времени. Комиссия решает отправить на «Георгий» новую группу потёмкинцев. Алексеев на этот раз необыкновенно услужлив. По его приказу спускают «восьмёрку». В неё погружаются матросы Осадчий, Самойленко, Горбач и я. На полпути нас встречает ялик миноносца. Нам передают записку Матюшенко следующего содержания:

«Команда «Георгия» не решается арестовать офицеров. Пришлите караул».

Пришлось вернуться на «Потёмкин» за караулом.

Когда мы прибыли на броненосец «Георгий», его офицеры спокойно собирали свои пожитки и даже не думали оказывать сопротивление. Караул понадобился лишь для того, чтобы свести их с корабля на берег. Матросы «Георгия» просили не убивать никого из офицеров.

Восстание на «Георгии Победоносце» произошло благодаря решительности двух матросов.

Один из них, комендор Дорофей Кошуба, ворвался в капитанскую рубку и, оттолкнув командира, прокричал в рупор машинного отделения приказ: «Стоп пары!» Другой, машинист Денига, принял приказ и передал его машинной команде. Матросы «Георгия Победоносца» радостно приветствовали действия смелых товарищей. Они ждали, что сейчас остановятся и другие броненосцы и восстание будет всеобщим. Но пока «Георгий» разговаривал по семафору с «Потёмкиным», эскадра скрылась за горизонтом. Исчезла надежда на всеобщее восстание.

Команда «Георгия» растерялась. В матросах всегда воспитывалось сознание единства и неделимости флота. Всем флотом они ничего и никого не боялись.

Оставшись одни, георгиевцы почувствовали себя одиночками. Силу народа они тогда ещё не осознали; силу флота знали хорошо. Правда, с ними был «Потёмкин», но самим фактом восстания он как бы вывел сам себя из состава флота. Без эскадры «Потёмкин» был, в их представлении, обречён на гибель.

Матюшенко, Кулик и Кирилл, поднявшись на «Георгий», обратились к команде с речами. Их сочувственно слушала сотня матросов. Остальные стояли в отдалении. Одна группа матросов прерывала потёмкинцев криками: «Не желаем к «Потёмкину», «Идём в Севастополь». Офицеры сгрудились на штормовом мостике. Один из них застрелился, другой пытался даже вступить в полемику с Куликом. Георгиевцы не решались арестовать их. Денига, Кошуба и ещё несколько георгиевцев умоляли потёмкинцев: «Действуйте скорее! Действуйте, а то офицеры собьют команду!» Тогда-то Матюшенко и отправил нам требование о присылке

потёмкинского караула для ареста офицеров. Однако ещё до прибытия караула он вместе с Кириллом и Дымченко отправился на капитанский мостик. Эта тройка смелых людей и арестовала двадцать офицеров «География», которые без всякого сопротивления сдали оружие и сняли погоны.

Глава XXII

«У НАС ДЕЛО ПЛОХО»

Вместе с арестованными офицерами с «География» уехали Кирилл и Матюшенко.

Командиром корабля матросы «География» избрали кондуктора Кузьменко.

Я спросил матросов, чем они руководствовались в своём решении. Они заявили мне, что только один Кузьменко хорошо знает корабль и может вести его.

Достаточно было взглянуть на нового командира, чтобы понять, с кем имеешь дело.

В нём сразу чувствовался враг — решительный и непримиримый.

Собрали команду. Начались выборы комиссии. Стали выкрикивать имена. Без всякого обсуждения команда подхватывала их. Пришлось объяснить георгиевцам, что в комиссию должны пройти самые достойные, самые смелые, самые самоотверженные. Матросы, разобравшись, выбрали новую комиссию.

Был уже вечер, когда выборы закончились. К нам подошли матросы Денига и Кошуба — весь революционный актив корабля.

— У нас дело плохо, — откровенно сознался Денига. — Ребята сомневаются, сверхсрочные шкуры орудуют...

Он был очень огорчён нерешительностью своих товарищей. Была какая-то невыразимая печаль в его голосе, когда он рассказывал:

— Ребята меня и Кошубу корят: «Вы, — говорят они, — травили нас, вы и выручайте!»

Вдруг он спохватился:

— Но вы о них плохо не подумайте: хороший они народ, только тёмный. Их таких нарочито подбирали. «Мне орлов не надобно, мне смирененьких давайте», — просил в штабе командир нашего броненосца Гузевич.

Его прервал Кошуба. Этот говорил совсем другим тоном. В его голосе звучали гнев и страсть:

— И всё равно: шкурникам не отдадим корабль. Разве это можно такую силищу уступить? — Он схватил меня за руку, точно боясь, что я не дослушаю его. — Переведём триста георгиевцев на ваш корабль, а триста потёмкинцев на «Георгий». Я знаю ваших ребят... они быстро переделают наших матросов. Не оставите нас? Поможете? Правда? — уговаривал он, и столько революционной страсти звучало в его словах, что у Кулика, который, несмотря на свою мужественную натуру, отличался душевной впечатлительностью, навернулись слёзы на глаза.

Вскоре после этого мы с Куликом, заканчивая проверку караульных постов в минном отделении, услышали, как горнист трубил сбор: горн призывал на молитву.

Мы бросились на ют. Перед матросским хором вместо арестованного священника стоял вновь избранный командир «Георгия» Кузьменко. До такой открытой наглости

Алексеев никогда не доходил. Религиозные обряды были упразднены на «Потёмкине» с первых же часов восстания.

Я подошёл к командиру.

— Именем флагманского корабля, — заявил я ему, — категорически запрещаю вам впредь играть сборы на молитву.

Злой огонь сверкнул в его глазах. Он хотел что-то сказать, но, спохватившись, произнёс по-военному: «Слушаю!», круто повернулся и пошёл прочь...

После нескольких часов пребывания на «Георгии», где царила атмосфера неуверенности, возвращение на «Потёмкин» доставило нам огромную радость. Несмотря на уход эскадры, настроение у всех было боевое. Эскадра ушла, но она отказалась действовать против «Потёмкина», а один броненосец присоединился к восставшим.

Итоги были неплохие. И они были ясны каждому потёмкинцу. Оттого весело было на корабле. Все были готовы завтра начать штурмовать город. С уходом эскадры оставалось одно только направление для дальнейшего движения восстания: наступательные действия на берегу. Это теперь отчётливо сознавал каждый потёмкинский матрос. И после героического напряжения, когда «Потёмкин» один шёл на бой со всей эскадрой, ничто уже не было страшно.

Я доложил потёмкинской комиссии о положении на «Георгии». В прениях по докладу приняли участие прибывшие с «Георгия» на «Потёмкин» матросы Денига и Кошуба. Предложение перевести триста потёмкинцев на «Георгий», а триста георгиевцев — на «Потёмкин» вызвало много возражений. Говорили, что, действуя таким образом, мы ослабим боевую способность обоих

кораблей, так как матросы, не знающие хорошо корабль, не смогут быстро и легко исполнять свои обязанности во время боя. Решили поэтому перевести на «Георгий» только шестьдесят — семьдесят потёмкинцев, отсутствие которых не могло бы ослабить боеспособность «Потёмкина».

Но и это решение требовало времени для своего осуществления. Начались споры между квартирмейстерами. На «Георгий» надо было послать лучших из лучших. Начальники отделов не хотели расставаться с ними. Шёл торг из-за каждого человека.

Я поднялся на штормовой мостик. Над нами нависла тёмная южная ночь. Сегодня она была полна коварства.

В каждой складке моря чудилась притаившаяся мина. В эту ночь мы опасались не только атаки миноносцев. Вполне вероятной казалась какая-нибудь попытка одесских властей, отчаявшихся в помощи эскадры, подорвать броненосец. Алексеев предлагал поставить защитные противоминные заграждения вокруг броненосцев. Присутствовавший на заседании нашей комиссии Кошуба категорически возражал.

— Противоминные заграждения, — говорил он, — паутина для обороняющихся и панцирь для атакующих. Передовой миноносец, прорвав заграждения, может, и застрянет в них, но следующий проскочит. Эти заграждения лишают корабль подвижности. Он не сумеет поэтому ни потопить прорвавшиеся миноносцы, ни избежать пущенной в него мины. Сила военного корабля не только в его огне, но и в подвижности. Нельзя механически разъединять эти элементы. Я могу привести десятки примеров из морской практики!

В течение пятнадцати минут этот небольшого роста матрос с голубыми глазами рассказывал нам о различных морских эпизодах. Коснулся он, между прочим, и минной атаки японцев в Порт-Артуре. Японцам, по его мнению, потому и удалось подорвать русские корабли, что наши броненосцы были окружены противоминными заграждениями.

С восхищением слушали мы этого простого матроса, обнаружившего такое знание и тонкое понимание морского дела.

Вместе с Денисенко и Костенко это был уже третий матрос, раскрывший свой талант в эти дни. А сколько таких народных талантов на других кораблях флота!

— Противоминные заграждения — это надежда для лентяев и лежебок. В бою не годится надеяться. В бою надо бодрствовать и глядеть в оба! — закончил Кошуба свою речь.

Комиссия согласилась с Кошубой. И теперь два прожектора — потёмкинский и георгиевский — неумолимо обшаривали морскую даль, катера и шлюпки ходили дозорными вокруг броненосцев, далеко на горизонте патрулировал миноносец.

Я почувствовал непреодолимое утомление. Слипались глаза. Все эти дни дела было столько, что не оставалось времени для сна. Ни разу не удалось даже прилечь. Засыпали на ходу на час, на два где-нибудь в креслах адмиральской.

Но сейчас в адмиральской продолжались споры квартирмейстеров, кого перевести на «Георгий». Я повернул в кают-компанию. Сюда же пришли, вероятно, с тем же намерением, Матюшенко, Денисенко и ещё несколько матросов. Но как только матросы встречались в эту ночь, сон бежал от них. Они оживлённо делились впечатлениями богатыми событиями дня. Особенно радостно переживали они тот момент, когда «Георгий» прошёл на стоянку, салютуя «Потёмкину» как флагману революционной эскадры. Но к радости примешивалось и чувство горечи. Одного движения «Потёмкина» было достаточно, чтобы захватить эскадру, а вместе с нею весь обширный район Чёрного моря. Какой-то волосок отделял восставший броненосец от победы. И этот волосок перерезал Алексеев. Чего же можно было ожидать от него ещё? Он не остановится перед самым низким предательством.

Я тут же высказал все эти мысли товарищам, и все вместе мы начали упрямить Матюшенко принять на себя командование кораблём.

Матюшенко ответил взрывом бешенства: он был обижен и возмущён нашей настойчивостью.

— По начальству соскучились? — зарычал он. — Давно ли расстались с ним?! Потому и хорош Алексеев, что начальства из себя не ломает. Смирный и тихий, а вам это не нравится. Нет и не может быть начальства на революционном корабле! Даже комиссия, и та не начальство. Команда сама себе командир. А вам дубинки захотелось. Да ещё мне, борцу за свободу, дубинку эту всучить хотите?! Отстаньте!.. Разговаривать с вами и то тошно!

Он глубже вдавился в кожаное кресло и закрыл лицо бескозыркой, давая нам понять, что не желает больше продолжать этот разговор.

Все кресла и диваны в кают-компании оказались занятыми, и я побрёл на поиски какой-нибудь каюты.

Кулик и Дымченко перехватили меня по дороге. Заведующие службами корабля только завтра смогут выделить людей на «Георгий», а ночью его нельзя оставлять без нашего присмотра. Надо кому-нибудь из нас отправиться на «Георгий».

Отправились мы с Куликом. Кошуба остался на «Потёмкине». Он продолжал спор в адмиральской и требовал от квартирмейстеров немедленной отправки людей на «Георгий».

На «Георгии» нас встретил Денига. За несколько часов положение здесь ещё ухудшилось. Кондуктора ведут тайную, но энергичную агитацию, чтобы идти в Севастополь сдаваться. Необходимо арестовать их всех, во главе с командиром. Но это можно будет сделать только завтра, когда на «Георгий» прибудут потёмкинцы. Надо, кроме того, созвать команду «Георгия», объяснить необходимость ареста, а главное — принять меры к тому, чтобы арестованных кондукторов заменить специалистами, без помощи которых могла остановиться вся жизнь плавучей крепости.

А пока каждую минуту можно было ждать контрреволюционного выступления кондукторов.

— Караул-то, по крайней мере, надёжен?

— Да ничего ребята.

Не очень обнадеживающе звучал голос Дениги.

Глава XXIII

ПРОТИВ «ПОТЁМКИНА» И ЗА НЕГО

Надежда подавить восстание с помощью эскадры провалилась. Правда, адмирал Чухнин предпринимал ещё отчаянные попытки справиться с «Потёмкиным». Снаряжал против него минные суда, комплектовал небольшие корабли офицерами. Но всем было ясно: на флот царь не может уже рассчитывать.

«Когда вечером выяснилось, что команда броненосца «Георгий Победоносец» также взбунтовалась, — читаем мы в следственных показаниях командующего войсками одесского военного округа генерала Коханова, — а эскадра возвратилась в Севастополь, не только не усмирив команду броненосца «Потёмкин», но усилив последний ещё одним броненосцем, то пришлось уже в дальнейших действиях не рассчитывать на помощь морского ведомства, а бороться с двумя броненосцами исключительно своими средствами».

На Жеваховой горе, самом возвышенном месте Одессы, стали сооружать блиндажи для установки батарей девятидюймовых мортир. Из крепостного гарнизона Очакова прибыла минная рота, чтобы с берега попытаться взорвать бунтующие броненосцы. Из крепостных складов затребовали дальнобойные орудия. Все внутренние гарнизоны стали спешно выделять отборные отряды для

борьбы с «Потёмкиным». По железным дорогам потянулись длинные ленты воинских составов. Не на Дальний Восток, где шла тяжёлая война с Японией, а на русский Юг мчались они.

Накопление правительственных сил против «Потёмкина» требовало мобилизации революционных сил на помощь восставшему кораблю.

Партия в те времена лишена была возможности пользоваться телеграфом. Связь между центральными органами и местными комитетами партии шла через почту или посылку курьеров. Центральный Комитет партии не мог поэтому с такой же быстротой производить перегруппировку сил партии, чтобы оказать «Потёмкину» немедленную помощь. При таких обстоятельствах в первые дни восстания всё зависело от дальновидности и революционной решимости севастопольской и одесской организаций.

Известие о восстании «Потёмкина» Севастопольский комитет получил 16 июня, когда эскадра уже вышла в море на умирение «Потёмкина».

Ведущие деятели «Централки» были разбросаны по кораблям. Вакуленчук был убит. Денисенко находился на «Потёмкине», Денига — на «Георгии Победоносце», Петров и Чёрный — на «Пруте». В Севастополе оставались только Волошинов и Гладков, но они находились на крейсере «Очаков», откуда матросов в эти дни не спускали на берег.

Севастопольский комитет, вместо того чтобы немедленно поднять восстание в Севастополе, решил выждать результатов похода эскадры. Только 18 ноября, когда эскадра вернулась в Севастополь без «Георгия Победоносца», решили начать восстание в экипажах, на кораблях и на батареях крепости. Восстание намечали начать 19 июня. Но было уже поздно.

Начальство успело распустить по домам запасных матросов, всегда недовольных и готовых к решительным действиям. В ночь с 18 на 19 июня были произведены массовые аресты матросов. Почти четверть матросского состава флота очутилась за решёткой. Теперь Севастополь не мог оказать помощь восставшему «Потёмкину».

Не лучше обстояло дело и в Одессе.

«Соединённая комиссия одесских социал-демократических организаций» после посещения «Потёмкина» в первый день его прибытия проявляла полную бездеятельность и ни разу не собиралась. Большевистские партийные работники не могли терпеть такого положения.

Комитет был парализован: часть его членов была арестована, некоторые были больны, всеми делами руководил примиренец

Томич. Тогда в действие вступили рядовые работники партии. Их возглавили рабочие Борис и Павел и агитатор Наташа.

16 ноября, как только загремела пушка «Потёмкина», Борис, Павел и Наташа решили, что настал час, когда одесские рабочие должны взять на себя инициативу боевых действий. Они стали разыскивать членов «соединённой комиссии».

17-го утром комиссия наконец собралась. На этот раз благодаря присутствию Наташи, Бориса и Павла закипела острая политическая борьба.

Большевики требовали приступить к немедленным действиям, поднять рабочих, повести их на захват порта, правительственных учреждений и складов оружия.

— Как, — воскликнул представитель меньшевиков, — вы предлагаете начать революцию?! Но это чистейшая авантюра! Революция не делается, а возникает сама по себе в процессе исторического развития. Трезвая оценка политического положения в городе, — продолжал вещать меньшевик, — доказывает, что революционный процесс ещё не созрел. Матросы броненосца в большинстве своём политически несознательны и могут изменить.

— А всеобщая стачка одесского пролетариата? — спорила Наташа. — А трёхдневные уличные бои, а баррикады на Пересыпи и в центре, а революционный броненосец на рейде, разве это не начало революции? От нас зависит помочь её дальнейшему развитию. Мы не можем, не смеем сидеть сложа руки, когда рабочие требуют вести их на штурм царизма, когда за нами пушки «Потёмкина», когда войска одесского гарнизона колеблются. Достаточно одного нашего решительного движения, и город будет в наших руках.

Большевики предлагали конкретный план.

Один снаряд «Потёмкина» упал в центре города, другой — в восточном его секторе. Значит, и в дальнейшем эти районы будут находиться под огнём броненосца. «Потёмкин» точно дал знать, куда будут направлены его снаряды. Поэтому надо посоветовать рабочим этих районов уйти на Пересыпь. Таким образом, на законном основании, не возбуждая подозрения властей, можно сосредоточить в одном месте всю массу одесского пролетариата. Отсюда рабочие и бросятся на штурм правительственных учреждений, договорившись с броненосцем о возобновлении бомбардировки.

Это был реальный план вооружённого восстания. Но меньшевики не соглашались.

Борис, Наташа, Павел и другие районные (или, как их тогда называли, периферийные) большевики не успокоились. Они стали

добиваться совместного заседания Одесского комитета и периферийных работников. На помощь им пришёл Емельян Ярославский, выдающийся деятель Коммунистической партии. После десятидневной голодовки в одесской тюрьме Ярославский был освобождён прокурором. Из тюрьмы он вышел вечером 15 июня, в день появления «Потёмкина» на одесском рейде. На другой день, 16 июня, товарищ Ярославский принял участие в похоронах Вакуленчука и произнёс часовую речь у могилы героя.

В последующие дни Ярославский предпринял две не увенчавшиеся успехом попытки попасть на броненосец.

18 июня благодаря хлопотам Наташи, Ярославского, Павла и Бориса состоялось наконец собрание комитета с большевистской периферией.

Борис, Наташа, Павел и другие районные большевики заявили о недоверии комитету. Был создан новый комитет большевиков.

— Товарищи, — воскликнул один из его членов, — да ведь мы стоим перед захватом власти!

Решено было немедленно и во что бы то ни стало связаться с броненосцем для сговора о начале решительных действий. Броненосец должен был начать бомбардировку Ланжерона и Николаевского бульвара, а рабочие ринуться на захват правительственных учреждений. Агитаторы разошлись по районам поднимать рабочих.

Это случилось в тот самый час, когда «Потёмкину» изменил «Георгий».

Глава XXIV

День пятый восстания

ИЗМЕНА «ГЕОРГИЯ»

Наутро Кулик и я возвратились на «Потёмкин».

Настроение на корабле было бодрое. Команда проверяла свою боевую готовность; заведующие частями подготавливались к десантным операциям.

Но людей для «Георгия» не выделили. Это была сложная задача. Приходилось взвешивать не только знания и боевую подготовку матросов, но и уровень их политического сознания. Между Резниченко, который должен был возглавить отряд, посылаемый на «Георгий», и заведующими боевыми частями

корабля шла непрерывная перебранка. Резниченко выбирал людей, а заведующие частями кричали, что без них они не могут отвечать за работу.

Задержка была чрезвычайно опасна, так как положение на «Георгии» продолжало ухудшаться. Комиссия намеревалась водворить во что бы то ни стало порядок на «Георгии».

— «Потёмкин» располагает неплохими средствами, чтобы удержать в повиновении «Георгий», — улыбаясь в свой длинный ус, произнёс Шестидесятый.

Большевики Скребнёв и Макаров вызвались отправиться на «Георгий», чтобы поговорить с его командой. Комиссия присоединила к ним Кирилла, инженера Коваленко и доктора Галенко.

Меня комиссия решила командировать в город. Она справедливо полагала, что боевые операции с моря должны быть поддержаны выступлением рабочих. На меня возлагалась обязанность согласовать с Одесским комитетом план совместных действий. Я переоделся в штатский костюм. Однако мой отъезд задерживался непонятным исчезновением Матюшенко. Он, что называется, без вести пропал.

Утром, взяв из судовой кассы тысячу рублей, Матюшенко отправился куда-то один на шлюпке. В течение двух часов о нём не было никаких известий.

Оказалось, что он уходил в разведку.

Привязав шлюпку у одной из набережных порта, он спокойно отправился в город. Ему удалось не только проникнуть на Николаевский бульвар, но и без помех пройти его. Факт совершенно непонятный, так как бульвар этот представлял собой в то время военный лагерь. Самос замечательное, что Матюшенко и не думал маскироваться. Он шёл открыто, в матросской форме. На лентах его матросской фуражки красовалась золочёная надпись: «Князь Потёмкин-Таврический».

Он проходил мимо офицеров, отдавая им честь, и никто не остановил его. Вероятно, никому и в голову не могла прийти мысль, что этот матрос, свободно и непринуждённо прогуливающийся по бульвару, — потёмкинец.

Только уже в самом городе, когда он вышел за черту военного лагеря, его остановили и привели к зданию городского театра, где находилась ставка военного коменданта города.

Тут Матюшенко и разыграл «свой номер».

Он заявил генералу, что команда восставшего броненосца «Князь Потёмкин-Таврический» назначила пенсию вдове убитого

капитана Голикова и посылает ей первый взнос, за первое полугодие.

И, вытащив из кармана тысячу рублей, Матюшенко спросил коменданта, не возьмёт ли он на себя труд переслать эти деньги по назначению.

Генерал застыл от изумления.

Матюшенко спокойно ждал ответа.

— Хорошо, — вымолвил наконец генерал и протянул руку.

— Дозвольте расписку, господин генерал. Генерал даже побагровел от возмущения.

Его начинал раздражать этот спокойный тон матроса, это дерзкое «господин генерал». Согласно царскому военному уставу, матрос должен был становиться во фронт перед генералом и титуловать его «ваше превосходительство». Требование расписки окончательно взбесило его.

Но с того места, где происходил разговор, отчётливо были видны пушки «Потёмкина».

Генерал сдержался.

— Эге, братец, да неужели ты офицерскому мундиру не доверяешь?

— Никак нет, ваше превосходительство, — не моргнув, по-военному отрезал Матюшенко.

Это звучало уже открытой насмешкой. Генерал переглянулся со своей свитой.

— Станный ты, братец, человек, — захихикал он вдруг: — начальству дерзишь, а о вдове убиенного вами командира заботишься.

Он, видимо, ждал какой-нибудь дипломатической реплики Матюшенко, которая позволила бы ему спасти свой престиж.

Но Матюшенко молчал. И его молчание звучало новым издевательством.

— Ах, да, понимаю: тебе ведь перед командой отчитаться надо, — нашёл выход из положения генерал.

— Команда мне доверяет, — отрезал неумолимый Матюшенко.

— Какой ты, братец, ершистый, — вырвалось у генерала.

Матюшенко опять промолчал. Он стоял без улыбки, спокойный, жёсткий.

Генерал оглядел свою свиту. Взгляд его молил о помощи.

Из рядов свиты вышел седовласый капитан.

— Ваше превосходительство, — подобострастно начал он, — из уважения к хорошему поступку команды...

— Да, да, — забормотал генерал, — из уважения к вашему поступку... Вспомнили о жене убиенного! Узнаю честную, добрую душу русского солдата...

Разумеется, действиями Матюшенко меньше всего руководила «добрая душа русского солдата». Вся эта история была лишь маскировкой глубокой разведки в тыл врага.

Она дала превосходные результаты. Матюшенко успел хорошо рассмотреть расположение правительственных войск, укреплённым центром которого служил господствовавший над портом Николаевский бульвар.

Здесь спешно устанавливали полевую и тяжёлую артиллерию.

В окрестностях бульвара, на подступах к нему и дальше, на Екатерининской площади и на площади Городской управы, были расположены войска в полной боевой готовности. Артиллерия противника, конечно, не представляла для нас ничего страшного. Отойдя на семь-восемь миль от берега, мы могли уничтожить её, сами находясь вне черты досягаемости неприятельских выстрелов.

Когда Матюшенко возвращался назад, ему удалось поговорить с представителями нескольких полков. Солдаты заявили ему, что войска готовы присоединиться к восставшим, но никто не решается начать. Если бы «Потёмкин» продолжал вчера бомбардировку, войска непременно восстали бы. Мы не сомневались, что эти солдаты передавали настроение армии.

Во всяком случае бомбардировка дворца командующего диктовалась стратегической обстановкой. Дворец находился на Николаевском бульваре, в центре расположения правительственных войск. Покуда правительство держало в своих руках эту вышку, «Потёмкин» не мог предпринять никакой серьёзной попытки десанта и вооружения портовых рабочих и команды торговых судов, которые согласились действовать с ним. Следовало прежде всего захватить Николаевский бульвар.

Созвали комиссию, которая после получасового обсуждения приняла план Матюшенко. Комиссия не сочла даже нужным поставить этот вопрос на обсуждение команды: настолько созрела теперь мысль о необходимости захвата Одессы.

Однако для приведения в исполнение этого проекта требовалось несколько часов. Необходимо было привести корабли в полную боевую готовность.

Но самое главное — надо было уладить положение на «Георгии Победоносце». Оно всё ухудшалось, и посланные на «Георгий» Кирилл, Коваленко, доктор Галенко, матросы Скребнёв и Макаров привезли плохие вести: среди команды начался раскол.

Часть её под влиянием агитации кондукторов уже открыто заявила требование идти в Севастополь и сдаться властям.

Комиссия решила немедленно отправить на «Георгий» вооружённый караул для ареста георгиевских кондукторов.

Кому, однако, возглавить эту экспедицию? Кроме караула, на «Георгий» надо было отправить агитатора, чтобы разъяснить георгиевцам значение этого мероприятия. Матюшенко, Кирилл и я совершенно охрипли от непрерывной агитации: мы говорили шепотом и не способны были выступить перед всей командой на открытом воздухе. Доктор Галенко, ещё утром удачно выступавший на «Георгии» против сдачи, предложил нам свои услуги. За эти дни доктор сумел завоевать наше доверие, и хотя он мало смыслил в политике, но авторитет офицерского мундира должен был придать большую силу его выступлению перед матросами на «Георгии».

Его предложение было принято.

В помощь Галенко комиссия выделила партийного матроса Задорожного, действовавшего с энергией и решительностью во время восстания на Тендре.

Когда потёмкинская делегация прибыла на «Георгий», там происходило общее собрание команды. Шла ожесточённая борьба между матросами-революционерами и матросами, требовавшими сдачи. Силы обеих групп были почти равны. Команда колебалась, не зная, на что решиться.

Приезд вооружённой делегации «Потёмкина» произвёл сильное впечатление на команду. Председатель собрания предоставил слово главе потёмкинской делегации доктору Галенко. Этот момент Галенко и выбрал для того, чтобы нанести восстанию предательский удар. Расчёт предателя был верен. Рядом с ним находился один Задорожный. Это был преданный революции матрос, но он растерялся в ту минуту, когда от его инициативы зависела судьба восстания.

Галенко взял слово.

— Матросы «Георгия», — начал он, — вы попали в западню. Вы примкнули к потёмкинцам, надеясь на их силу и единение. Но и среди потёмкинцев нет единения. Или, вернее, его и не может быть, ибо какое же может быть единение между волками и овцами?

Кучка жестоких и скверных людей, пользуясь доверчивостью и простодушием матросов, толкает их в бездну, где они должны погибнуть все до единого. Разве может горсточка людей бороться с огромной, великой Россией, располагающей могущественной армией?

Слушайте! Уже со всей России стекаются в Одессу полки. Неисчислимое войско идёт против вас. Разве вы можете устоять против него? Разве вы можете победить Россию? Великие державы не могут справиться с Россией, а вы хотите её победить!

Только добровольная сдача может спасти вас. Надо идти с повинной к царю. Царь милостив и простит.

Матросы «Потёмкина» тоже опомнились. Они хотят сдаваться, но их удерживает ещё страх перед революционерами, засевшими на корабле. Но если «Георгий» снимется с якоря и отправится в Севастополь, «Потёмкин» последует за ним, и всё окончится благополучно...

Галенко выполнил план, который, очевидно, был тщательно разработан контрреволюционной организацией, действовавшей на «Потёмкине» и на «Георгии».

Поэтому, когда Задорожный, Денига, Кошуба и ещё несколько матросов попытались остановить и разоблачить провокатора, им не дали говорить.

— Братцы, — заявил один из матросов, — нам надо спешить. Вы слышали, что потёмкинцы хотят сами идти на Севастополь? Если «Потёмкин» сдастся, нас возьмут голыми руками. Кому тогда нужна будет наша повинная? Её и не примут. Нас всех арестуют и будут расстреливать, как куропаток, пока всех не перестреляют. Потёмкинцы на нашей шкуре заработают себе помилование. Поэтому, братцы, нам надо, не дожидаясь «Потёмкина», идти на Севастополь.

Только решительные действия Задорожного — немедленный арест и даже расстрел на месте предателей — могли спасти положение. В его распоряжении был вооружённый караул, за его спиной стоял «Потёмкин».

Денига подсказывал ему это решение, Задорожный колебался.

Не зная, что делать, он снарядил двух матросов на «Потёмкин» за инструкциями. Но по дороге к катеру потёмкинцы были задержаны и заперты в каюту.

Не получая ответа, Задорожный совсем растерялся. Он не решался покинуть «Георгий» из страха быть заподозренным в дезертирстве. Он не решался действовать энергично, боясь крутыми мерами окончательно погубить дело.

Этим замешательством команды ловко воспользовался командир «Георгия» боцман Кузьменко. На броненосце по его приказу проиграла боевую тревогу. Все матросы бросились по местам. Над «Георгием» подняли сигнал: «Иду в Севастополь». В машинное отделение полетел приказ: «Полный вперёд!» Прежде

чем кто-нибудь успел опомниться и понять, в чём дело, «Георгий Победоносец», стоявший, как и «Потёмкин», под парами, двинулся в море, взяв курс на Севастополь.

На «Потёмкине» в это время шла погрузка угля.

К самому его борту был пришвартован огромный угольщик. Оба корабля были соединены мостками, по которым бегали люди с тяжёлыми мешками на спине. Матросы работали за десятерых. В грязных рабочих куртках они потеряли свой лихой флотский облик, но чёрные от угля лица их точно светились. Быть может, в первый раз в жизни труд казался им таким лёгким и осмысленным. Они знали: каждый мешок с углём, который они перетаскивают на своих спинах, служит делу освобождения народа.

В своих показаниях на следствии Кузьменко рассказывал, что он решился на этот шаг, рассчитывая на то, что угольщик, который стоял рядом с «Потёмкиным», закроет последнему поле обстрела.

«Я рассчитывал, — говорил он, — что удалюсь на расстояние пушечного выстрела, прежде чем на «Потёмкине» придут в себя, отведут угольщик и приготовятся к стрельбе».

Быстрые и решительные действия «Потёмкина» разрушили этот план.

Над «Потёмкиным» подняли сигнал: «Георгию Победоносцу» вернуться на прежнюю стоянку».

«Георгий» продолжал уходить в море. Из его труб валили густые хлопья чёрного дыма. Кузьменко приказал усилить ход. Своей команде он объявил, что «Потёмкин» даёт сигнал: «Следую за вами». Так как немногие матросы умели читать морские сигналы, обман удался.

На «Потёмкине» по приказу боцмана Мурзака пробили боевую тревогу. Возмущённые предательством «Георгия» потёмкинцы мигом убрали палубу, оттащили в сторону угольщик. Над «Потёмкиным» взвился красный боевой флаг, и грозные жерла двенадцатидюймовых пушек приподнялись, повернулись и уставились на «Георгия». Это были сигналы, понятные каждому матросу. Озлобленные обманом, георгиевцы бросились к штурвалу, которым управлял сам Кузьменко, и потребовали вернуть броненосец на прежнюю стоянку.

Кузьменко пришлось подчиниться. Манёвр не удался. Кузьменко испугался расплаты за открытую попытку измены.

Но тут вступил в действие ещё один заговорщик. Это был матёрый черносотенец Романенко, командир «Надежды» — большого катера управления одесским портом. Романенко неоднократно появлялся на «Потёмкине» под предлогом различных

поручений начальника порта. Должно быть, ему удалось договориться лично или через посредника с боцманом Кузьменко, потому что он на своём быстроходном катере неотступно следовал за уходящим в Севастополь броненосцем «Георгий Победоносец».

«Когда «Георгий Победоносец» поравнялся с катером «Надежда», — рассказывал впоследствии в своих показаниях Романенко, — канонир Кузьменко сделал жест отчаяния. Я мимикой предложил ему идти в порт, а сам на катере пошёл вперёд, указывая путь. Введя броненосец в гавань и выведя его на мелкое место, в нескольких саженях от Платоновского мола, я указал место, где бросить якорь, после чего на «Надежду» сошло пятнадцать матросов, в том числе и командовавший броненосцем канонир».

Этот быстро выполненный манёвр спас предателей от расправы георгиевцев.

Наступил критический момент потёмкинского восстания. Правительственные войска получили возможность завладеть «Георгием» и воспользоваться его артиллерией против нас.

Пушки с Николаевского бульвара были наведены уже на броненосец «Георгий», но «Потёмкин» мог заставить их замолчать огнём своей артиллерии. От нас зависело не дать правительственным войскам завладеть «Георгием» и под прикрытием наших пушек снять его с мели. Я бросился искать Алексева. Но тот уже заперся в боевой рубке. Он всегда запирался там, когда замыслил предательство.

В этот же самый момент начали действовать заговорщики «Потёмкина».

Раздался крик: «В Румынию!» Кто-то подхватил его, и через несколько минут этот крик слышался всюду.

— В Румынию! В Румынию! — кричали матросы.

Откуда-то из трюмов выползли люди, которых мы никогда не видели раньше. Шептуны и кондуктора приступили к очередному манёвру.

— В Румынию! В Румынию!

Я бросился к матросам, стоявшим на спардеке.

— Братцы! Товарищи! Что вы делаете? Вы губите дело!..

Но мне не удалось кончить: несколько матросов подбежали ко мне и, грозя кулаками, стали кричать:

— Чего ты хочешь? Хочешь, чтобы нас, как баранов, потопили? Поговори-ка ещё, сейчас за бортом очутишься.

Кулик и Бредихин во-время прибежали ко мне на помощь.

Паника всё усиливалась. Новая мысль снова подстёгивает меня. Бегу к старшему офицеру, боцману Мурзаку.

— Ведь на «Георгии» — наши товарищи. Пошлите за ними миноносец!

— Да уже послан, вон идёт!

Действительно, к «Георгию» уже подходил наш миноносец.

Через подзорную трубу видно было, как бегут к трапу «Георгия» матросы.

— Это наши бегут! — крикнул кто-то. Скоро они были уже на «Потёмкине»,

Я бросился к ним навстречу. Среди них не было доктора.

— А доктор где? Почему оставили его? Ведь его повесят.

— Как же, повесят! Только не за шею, а на шею... — злобно ответил Задорожный.

И он рассказал про измену доктора.

Через несколько минут после возвращения товарищей «Потёмкин» снялся с якоря и взял курс на Румынию.

К вечеру исчезли последние следы паники.

Дымченко, Кулик, Резниченко, Костенко, Денисенко, Звенигородский, Курилов, Кошугин, Макаров, Шестидесятый, Мартьянов, Заулошнев, Задорожный, Савотченко, Сопрыкин — социал-демократический актив корабля — беседовали с матросами в разных частях корабля. Их слушали.

К ночи в адмиральской состоялось заседание комиссии, на котором присутствовал весь актив корабля.

Произносились горячие речи и призывы к дальнейшей борьбе. В разгар заседания вошёл Кулик; он положил на стол шапку с деньгами и заявил, что команда отдала все свои личные деньги в общую кассу. Этот поступок команды положил конец всем колебаниям. Комиссия единогласно постановила не сдаваться в Румынии. «Пополним там запасы угля, добудем провиант, сообщим всему миру о целях нашей борьбы — и обратно в Россию!» Матросы повеселели.

Только кондуктора молчали, бросая угрожающие взгляды. Ясно было, что эти господа не подчинились общему решению и что-то замышляют.

Когда заседание комиссии кончилось, я подошёл к Дымченко и поделился с ним моими опасениями. Винтовки стояли у нас в открытых пирамидах, и кондукторы, вооружив ночью своих сторонников, легко могли перебить наиболее сознательную и передовую часть команды. Всё зависело в этом случае от того, из каких людей состоял караул.

Дымченко согласился со мной и немедленно отправился искать матроса, заведовавшего в этот день караулом. Вскоре он

вернулся с ним, и последний успокоил нас, заявив, что караул состоит из самых надёжных матросов.

Глава XXV

ДОРОФЕЙ КОШУБА

Вместе с нашей делегацией, вернувшейся с изменившего революции «Георгия» на «Потёмкин», прибыл георгиевский матрос, комендор Дорофей Кошуба.

Кошуба ещё только взбирался по трапу, а уже слышался его громовой голос.

— Братья!.. Товарищи!.. К орудиям!.. Огонь по изменнику!

Кучка распоясавшихся потёмкинских изменников пыталась помешать ему, но Кошуба продолжал свой страстный призыв:

— Братцы!.. Не ходите в Румынию... не обрекайте себя на вечный позор и презрение народа.

Негодяи схватили его, подняли, угрожали бросить в море, а он продолжал кричать:

— Дезертир всё равно что предатель... Кто бросит броненосец, тот предатель народа!..

Если б не подоспел Дымченко с несколькими караульными, негодяи привели бы в исполнение свою угрозу.

Вечером, когда мы шли в Румынию, он кричал со спардека:

— Кто пойдёт со мной штурмовать Севастополь, братцы? Сто человек, мне надо сто человек решительных матросиков, и я возьму Севастополь... Вот как это сделаем, товарищи. «Потёмкин» подойдёт поближе к Севастополю, спустит нас где-нибудь возле Балаклавы, а сам уйдёт в море воевать другие города. А мы, то есть наша сотня, мы набьём свои рубашки патронами и ночью, разбившись на несколько групп, войдём под видом патрулей в Севастополь, незаметно просочимся в крепость, арестуем офицеров и провозгласим республику.

Дальше следовала картина сурового суда матросов над «шкурами» и над изменниками-георгиевцами. И, наконец, Кошуба перешёл к описанию встречи «Потёмкина», на которую «сойдутся в Севастополе со всей нашей страны все страждущие и угнетённые и все храбрые борцы за дело народное. И будет их такое множество, что для всех не хватит места на улицах и площадях Севастополя; все крыши домов, все деревья, все холмы и курганы будут усеяны народом. И когда в Северную бухту войдёт «Потёмкин», корабль-

герой, люди будут приветствовать его слезами радости, от которых море выйдет из своих берегов».

Кошуба не был членом «Централки». Больше того, до 1905 года он стоял в стороне от политической жизни.

Как и многие матросы, которые, попав во флот, отдавали дань увлечению морской романтикой, Кошуба увидел во флотской службе своё призвание и решил избрать морскую профессию. Он не думал о сверхсрочной службе. О нет, он не мечтал стать боцманом. Он презирал кондукторов, продавшихся начальству за чечевичную похлёбку. Кошуба не был тщеславен. Но он чувствовал в себе силы для большого плавания в жизни.

Его определили в комендоры. Он был очень доволен: «артиллерия — царица морского боя». Кошуба принялся изучать артиллерийское дело. Он просил откомандировать его в артиллерийскую школу. Он имел на это право: у него на руках было свидетельство об окончании четырёхклассной школы. Ротный командир наотрез отказал: «Рылом не вышел».

Отказ не обескуражил Кошубу. Он решил учиться самостоятельно. Вход в публичную городскую читальню для матросов был фактически закрыт. Читать и заниматься в экипаже было небезопасно. Матрос с книгой в руке немедленно брался на замечку. И начинались допросы, придирки, наказания и взыскания! Неизвестно, какими правдами и неправдами Кошубе удавалось доставать книги по теории и тактике артиллерийского морского боя. И главное — хорошо усвоить их. После двухлетних занятий он стал образованным артиллеристом. Но тут и начались все его злоключения.

Как известно, до русско-японской войны морские артиллеристы считали своей первоочередной задачей во время боя пробить броню неприятельского корабля и вывести из строя его артиллерию. Кошубе пришла в голову мысль сосредоточить огонь всей артиллерии ниже ватерлинии корабля противника, то есть по части корабельного корпуса, не защищённой бронёй. Кошуба поделился этой мыслью с начальством. Его обругали дураком и невеждой. Он стал настаивать, приводил доказательства; его отправили в карцер. Он написал статью и отнёс её в редакцию «Севастопольского вестника». Сотрудник редакции, морской лейтенант, выслушав Кошубу, обозвал его «болваном», прибавив, что матрос «ни уха ни рыла» не смыслит в артиллерийском деле. Лейтенант разорвал статью, даже не взглянув на неё, а Кошубу отослал к ротному командиру с предложением наказать «автора» за «дерзновенную и невежественную критику морского устава и

морских авторитетов». Ротный распорядился: «Тридцать суток внеочередных нарядов».

Началась война, и японцы положили в основу своей морской артиллерийской тактики именно эту мысль.

Так глушились народные таланты в царской России.

Обозлившись, Кошуба бросил учёбу. По какому-то странному стечению обстоятельств революционное движение во флоте проходило стороной от него. Возможно, товарищи по экипажу опасались матроса, который неизвестно где пропадал в отпускное время и занимался артиллерийской наукой. «Нашивок, верно, захотелось!..» Это был самый суровый приговор матросов по отношению к своему товарищу.

Однажды, убирая койку, Кошуба нашёл под подушкой прокламацию. Кошуба задумался. Перед ним приоткрылся новый мир. Через несколько дней по кубрикам и экипажам читали правительственное сообщение о петербургских событиях 9 января. Кошуба увидел перед собой новую жизненную дорогу, по которой шагал уже русский рабочий класс. Он решил связаться с матросами-революционерами. Кошубу снабдили социал-демократической литературой. Он требовал у матросов-партийцев всё новые и новые книги. В разгар этих занятий и застигло его восстание «Потёмкина».

В составе эскадры «Георгий Победоносец» вышел на умирение мятежного броненосца. На «Георгии» не было организованной группы социал-демократов. По существу, социал-демократическая организация на корабле состояла из машиниста Дениги, деятеля «Централки», и только начинавшего ещё свой революционный путь Дорофея Кошу-бы. Читатель уже знает, как героически вели себя два этих матроса на «Георгии Победоносце».

На «Потёмкине» всюду и всегда слышались страстные речи Кошубы. Неизвестно, где и когда он отдыхал, он всегда бодрствовал. Контрреволюционеры «Потёмкина» почувствовали в нём опасного врага. Они называли его «чужаком», стараясь уронить его авторитет. Но популярность Кошубы всё росла и росла.

Этот маленький матрос с горящими глазами стал скоро совестью потёмкинской команды. Сам полный неутомимой энергии, он тормозил всех и никому не позволял ни на минуту забыться.

ВОССТАНИЕ НА «ПРУТЕ»

Ночью, после ухода «Потёмкина» из Одессы в Румынию, сюда пришёл восставший «Прут».

Это было большое военно-учебное судно с многочисленной командой.

«Прут» вышел из Севастополя в плавание со специальным заданием, когда о восстании там ещё не было известно. Он проходил мимо Одессы 15 июня, в первый день пребывания там «Потёмкина». Мы заметили его. По «Пруту» держал курс на Николаев, и Алексеев отказался преследовать его.

В пути матросы «Прута» узнали о восстании «Потёмкина». В трюмах корабля начались тайные собрания. Разгорелись споры такие же, как перед началом восстания на «Потёмкине». На «Потёмкине» Вакуленчук спорил с Матюшенко; на «Пруте» большевик Петров спорил с бунтарём-одиночкой Титовым.

Титов звал немедленно идти на соединение с «Потёмкиным». Петров возражал: «Прут» не имеет артиллерии. Во время морского боя он не может принести никакой пользы «Потёмкину». Он даже может повредить ему, так как будет закрывать поле обстрела. Титов, горячась, грозился убить Петрова, как изменника делу матросского восстания.

В конце концов условились поднять восстание, как только встретятся с «Потёмкиным».

«Прут» не имел, конечно, боевого значения для нас. В этом смысле Петров был прав. Но он не знал обстановки на восставших кораблях и поэтому не учёл того агитационного влияния, которое имело бы присоединение «Прута». На «Пруте» была сплочённая группа партийцев. На «Пруте» находились и революционно настроенные ученики мореходных классов, которые в качестве специалистов могли бы заменить наших кондукторов. Наконец «Прут» дал бы восставшим — и это самое главное — руководителя, опытного моряка, способного принять на себя командование революционной эскадрой, и в то же время стойкого революционера, авторитетного представителя матросской «Централки» — Петрова.

17 июня «Прут», стоявший в Николаеве, получил телеграфное распоряжение из Севастополя идти на Тендру для соединения с эскадрой, выступившей на усмирение «Потёмкина». Зачем понадобился «Прут» для усмирения «Потёмкина» — неизвестно. В случае боя с «Потёмкиным» он только мешал бы

действиям боевых кораблей эскадры. Это хорошо понимал простой матрос Петров; этого не понимали тупые царские адмиралы.

«Прут» вышел на Тендру.

Ночью проходили мимо Одессы. Команда не спала.

Матросы напряжённо вглядывались в тёмную морскую даль, ожидая появления лучей потёмкинского прожектора... Наконец они показались. Люди бросились к винтовкам.

— Стой!

Забегали лучи второго прожектора, лучи второго корабля. Это светил броненосец «Георгий». Его прожектор вместе с нашим шарил по волнам.

На «Пруте» ничего не знали о присоединении «Георгия». Матросы «Прута» знали: «Потёмкин» имеет один прожектор. А светят два. Значит, в Одессе эскадра. Быть может, «Потёмкин» уже побеждён или взорван? Руки, схватившие винтовки, разжались. Матросы не решились восстать.

Но если матросы «Прута» боялись эскадры, то командир «Прута» искал её. Была минута, когда он уже отдал приказ изменить курс. «Прут» пошёл к одесским берегам. Вдруг командир заколебался. Приказ гласил: «Идти на Тендру». И командир решил точно выполнить приказ. На этот раз бюрократизм русского офицера спас царю корабль. Но не надолго. На Тендре эскадры не оказалось. Она ушла в неизвестном направлении. Команда заволновалась. И, не зная, что делать, командир «Прута» решил идти на Севастополь. Это было 18 июня, в тот самый день, когда «Потёмкин» ушёл в Румынию.

«Прут» снова в море. Но за эти дни команда его слишком открыто выражала свои симпатии «Потёмкину». Многим матросам грозил арест. Теперь Петров первый бросил клич восстания. Как Вакуленчук на «Потёмкине», он понял, что в создавшейся обстановке медлить нельзя. Офицеров арестовали. Восставший «Прут» снова изменил курс. Он пошёл на Одессу на соединение с «Потёмкиным». И пришёл туда после его ухода в Румынию.

На рейде «Потёмкина» не оказалось. При подходе к маяку матросы «Прута» увидели броненосец «Георгий Победоносец». Он стоял в гавани под андреевским флагом. Тяжёлое предчувствие охватило матросов. На всех лицах небывалое напряжение и тревога. Среди наступившей полной тишины вся масса людей, обернувшись, смотрит на штормовой мостик, откуда доносится властный голос: «В порт не входить, на якорь не становиться. Когда подойдёт лоцман, — спросить, где эскадра: приказано, мол, к ней присоединиться, и где «Потёмкин», которого нам приказано избегать!» Это был голос Петрова.

Подошедший на своём пароходе лоцман на вопросы ответил: «Потёмкин» ушёл в море, а за ним погналась эскадра».

Сделав крутой поворот, «Прут» ушёл в море. Благодаря этому ловкому манёвру Петрова «Пруту» удалось уйти из Одессы.

Перед восставшими матросами встал вопрос: что делать дальше? На «Пруте» стойкая команда, много партийцев. Но «Прут» не может держаться один. У него нет артиллерии, у него нет брони. Первый попавшийся миноносец может взорвать корабль. Если «Прут» подойдёт близко к берегу, его может потопить даже полевая артиллерия.

Ночью в море состоялось общее собрание команды. «Прут» шёл с потушенными огнями. Кто-то предложил идти в Румынию. Снова заспорил Петров. «Румыния — это дезертирство». Петров предложил идти в Севастополь, подойти к броненосцам, увлечь их на помощь «Потёмкину».

Его план не удался. У Севастополя «Прут» окружила флотилия миноносцев. Его отвели в особое место, изолировали от других кораблей.

«Прут» был превращён в плавучую тюрьму, где содержались сотни матросов-революционеров. Эта была месть самодержавия. Царь мстил не только людям, но и кораблям.

Глава XXVII

День шестой восстания

ПРИСЯГА

Утро шестого дня встретило нас в море по дороге в Румынию.

Мы голодали уже второй день. Питание состояло из каши и хлеба, но и эта провизия была на исходе. Жиры и мясо кончились на третий день восстания. Истощались запасы угля. В Одессе мы два раза грузили уголь, но военное положение заставляло нас держать броненосец под парами. Машины пожирали невероятное количество угля.

Кончились и запасы пресной воды. Для людей воду готовили в опреснителях, котлы же броненосца наполняли морской водой.

Инженер Коваленко и старший механик Денисенко говорили, что соль осаждается на стенках котлов и цилиндров. Коваленко был полон мрачных предчувствий. «В конце концов, —

предупреждал он, — котлы перестанут работать». Денисенко относился к этой беде более спокойно. Он пускал котлы в работу поочерёдно, а те, что бездействовали, очищал от соли. Но броненосец терял свою скорость.

Это не могло не сказаться на боеспособности корабля, особенно при встрече с миноносцами.

Денисенко предложил мне спуститься в машинное отделение.

Сильное впечатление производило это отделение корабля с его машинами в тридцать тысяч лошадиных сил, с их гигантскими поршнями, цилиндрами и шкивами, гулом и дребезжанием нескольких тысяч тонн металла, с шелестом передаточных ремней общим протяжением в несколько километров, с шипением, воркотнёй и свистопляской пара в конденсаторах, в пароперегревателях, в парораспределителях, и чорт знает ещё где! А в котельной температура поднималась до такой высоты, что у непривычного человека от выступившего пота одежда мгновенно прилипала к телу.

Машинное отделение — сердце корабля. Здесь несли вахту самые преданные делу революции матросы социал-демократы. Эта служба и в мирное время считалась самой тяжёлой на флоте. В дни восстания она превратилась в титанический труд. Чего стоила одна только очистка котлов! Эта операция производилась обычно на стоянках специально подобранными рабочими. Но им приходилось снимать простую накипь со стенок совершенно остывших котлов. Теперь изнурительную и непривычную работу по удалению соли вели сами же матросы. С риском сломать кости матросы протискивали свои мощные торсы в ещё не остывшие котлы. От солянокислых испарений болели глаза, а соль разъедала тело, расцарапанное и обожжённое узким горлом котла. Машинисты и кочегары, получавшие обычно суточный отпуск после вахты, в эти дни не знали отдыха. Почти все они были членами комиссии, у каждого из них было множество обязанностей и дел, заполнявших все их свободное время. Тяжело было смотреть на этих измученных, истощённых работой, бессонницей и полуголодным существованием людей.

— Шёл бы отдохнуть, — обратился Денисенко к матросу Шестидесятому, — твоя койка опять нетронута, шестые сутки на ногах!

— А я на восьмые посплю, — пряча смешок под длинными усами, ответил Шестидесятый.

— Почему же именно на восьмые? — удивился я.

— А потому, что на седьмые сутки Денисенко будет отсыпаться... не могу же я поперёд батьки соваться, — ответил Шестидесятый под дружный хохот тесно обступивших нас матросов.

Тут и Резниченко, и Кулик, и Савотченко, и Звенигородский, и Никишкин, и Мартыненко, и Кошугин, и Шестидесятый — герои «Потёмкина», стойкие революционеры, доблестные солдаты революции. Уже тогда, в дни первой русской революции, они на своём примере показали, на какие трудовые подвиги способен рабочий народ.

Контр-адмирал Вишневецкий, отправляясь с эскадрой на умирение «Потёмкина», издал приказ по кораблям, в котором он разъяснял матросам- эскадры «безрассудство» потёмкинцев.

«Они быстро израсходуют запасы провианта, угля и воды, — вещал адмирал, — и корабль окажется ловушкой, в которую попадут все смутьяны».

Вероятно, так и обернулось бы дело, если бы не самоотверженный труд машинистов и кочегаров «Потёмкина» и бдительность Степана Денисенко.

На флот Денисенко пришёл уже опытным механиком.

Главный инженер Черноморского флота после первой же проверки знаний новобранца откомандировал его в школу морских машинистов. После окончания школы Денисенко как искусного механика требовали командиры нескольких кораблей. Выиграл спор командир номерного миноносца. Но лишь только увидел представившегося ему машинного квартирмейстера, пожалел о своей настойчивости.

— Может быть, он и отменный механик, но матросом хорошим никогда не будет: улыбаться начальству не умеет! — сказал этот специалист по военной муштре.

А в общем, служба Денисенко на флоте вначале складывалась удачно. И кто знает, может быть, отслужив свои семь лет на флоте, Денисенко сумел бы осуществить юношескую мечту — «выучиться на инженера», если бы некоторые события не изменили направления его жизни.

Все началось с небольшого происшествия.

При входе в батумский порт во время сильного шторма номерной миноносец вследствие порчи котлов не мог развить скорость, ударился о каменный мол и получил изрядную вмятину по левому борту.

И хотя командир знал, что котлы были испорчены от пережога угля во время шторма, он решил свалить вину за аварию на Денисенко. «На то он и механик, чтобы за котлы отвечать».

Однако, невзирая на все угрозы начальства, Денисенко наотрез отказался подписать акт. Во время шторма он неоднократно предупреждал командира о повышении нормы пара в котлах, о чём свидетельствовали записи в дневнике машинного отсека.

— Посадить на гауптвахту упрямого хохла, — приказал командир.

В Батуме в это время бастовали рабочие. По улицам шагали демонстранты. Их песни доносились до узников гауптвахты. Денисенко попал в камеру, где содержался солдат, грузин Микладзе.

Это был социал-демократ, член батумской организации.

Несколько ночей оба не спали. Денисенко лежал не шелохнувшись, боясь пропустить хоть одно слово Микладзе.

— Понимаешь... настанет час, когда рабочий класс поведёт за собой весь трудовой народ на штурм царизма...

Его слова подтверждались доносившимся шумом рабочей демонстрации.

Осенью Денисенко был командирован в Донскую область.

Ростов-на-Дону переживал в ноябре 1902 года бурные дни всеобщей политической стачки. На Темернике, рабочем предместье города, происходили многочисленные митинги и стычки с казаками.

В одной из таких схваток участвовал и Степан Денисенко. Его привёл сюда знакомый ростовский рабочий, предусмотрительно переодев Денисенко в предельно изношенное штатское тряпье.

Мужественное наступление ростовских рабочих, заставившее войска отступить за пределы Темерника, решило судьбу Денисенко. Он увидел воочию, на что способен восставший народ, и почувствовал властную необходимость высказаться. Денисенко и сам не знал, как очутился на трибуне. Ему казалось, что не он, а кто-то другой произносит эти слова:

— Братья... я не ваш... то есть ваш... только я не рабочий... то есть временно не рабочий... как я есть солдат... Вы не глядите... что я оборванец... меня дружок так нарядил на предмет полиции... А я есть рабочий человек... временно солдат... В этой ли хламиде или в военном обличий, а я всё одно с вами, братцы, навсегда с вами. В чём и присягаю.

Ростовской стачкой руководил тогда член Донского комитета Артемий (Сергей Гусев). Он оценил значение этого выступления.

— Товарищи! - — воскликнул Артемий. — В лице этого солдата русская армия присягает на верность народу. Пока ещё это голос одинокого солдата. Но тысячи и тысячи солдат думают так же. Они разрознены, и поэтому армия ещё с царём. Когда они сомкнутся

и сговорятся между собой, тогда рухнет империя и воцарится народовластие.

Слова Артемия помогли Денисенко осознать собственные свои мысли.

«Так вот оно что, — думал он, — вот оно, когда рухнет империя! Социал-демократическая военная организация!.. Век не забуду я дорогого этого Артемия, партийного товарища... Словно фонарём мне путь осветил».

Денисенко принадлежал к людям, которые медленно решают, но, решив, быстро действуют.

Вернувшись в Севастополь, он связался с матросами-единомышленниками. Вместе они предприняли первые шаги по организации «Централки».

В рабстве спасённое Сердце свободное — Золото, золото Сердце народное! —

повторил Кулик своё любимое некрасовское четверостишие, когда мы поднимались с ним из машинного отделения на бак.

На этот раз Кулик произнёс эти стихи с какой-то особою задушевностью.

«Золото, золото сердце народное», — думал и я, глядя на веселившихся на баке матросов, — сердце свободное, широкое, как это безбрежное море, по волнам которого мы несёмся в Румынию».

Утром этого дня общее собрание команды приняло решение не сдаваться в Румынии, а продолжать борьбу. Команда приободрилась. Все были веселы и довольны. На баке зазвучала гармоника. Амфитеатром уселись свободные от вахты матросы. Началась игра-представление. Боцман Журавлёв, натянув на себя солдатскую гимнастёрку, исполнял роль «армяка»³⁹, шутки и остроты так и сыпались. Вдруг заиграли «камаринскую», и Журавлёв пошёл вкруговую. За ним втянулись в танец другие матросы, и начался массовый задорный русский пляс.

А между тем вчера капитан встречного парохода сообщил нам, что царь приказал взорвать «мятежный броненосец» и что из Севастополя уже вышли в погоню за нами минные крейсера и миноносцы.

На своих постах стояли вахтенные, строгие, бдительные и зоркие часовые. А в люках у заряженных орудий несли вахту комендоры, готовые по первому сигналу открыть огонь.

Глава XXVIII

День седьмой восстания

В РУМЫНИИ

Из Одессы в Румынию броненосец вели квартирмейстер Костенко и старший офицер Мурзак. Алексеев, свершив во время измены «Георгия» своё мрачное дело, завалился па один из диванов кают-компаний. Здесь он обычно лежал, безучастный ко всему, до того момента, пока обстановка не позволяла затеять новое предательство.

Фактическое управление кораблём во время восстания осуществлялось Филиппом Мурзаком, произведённым матросами в старшие офицеры «Потёмкина».

Это был энергичный, бодрый, жизнерадостный моряк, глубоко преданный своей команде — прямая, открытая, честная натура. Мурзак в то время мало интересовался политикой, но он любил свой корабль и свою команду: «Куда команда, туда и я. Разве могу я оставить без помощи в трудную минуту свой корабль и своих товарищей?!» И он готов был разделить с командой её судьбу и умереть вместе с ней.

Его роль на броненосце становилась всё более активной. Это ему мы были обязаны тем образцовым порядком, который господствовал на корабле. Это он отдавал приказания из боевой рубки во время бомбардировки Одессы. «Команда постановила, я исполнял», — объяснял он впоследствии на суде. Ему принадлежала мысль отправить в разведку теплоход «Смелый». Увидев его среди многочисленных судов, стоявших в одесском порту, Мурзак тотчас оценил мореходные качества теплохода. Мурзак помог квартирмейстеру Костенко осуществить исторический манёвр «Потёмкина» во время встречи с эскадрой. Благодаря предусмотрительности Мурзака, притащившего из одесского порта угольщик «Пётр Ригер», броненосец был всё ещё обеспечен углём. Мурзак был неутомим в работе и своим примером воодушевлял матросов. У него всегда имелась в запасе шутка или острое словцо, для того чтобы поднять настроение команды.

Социал-демократы корабля решили было приняться за политическое воспитание Мурзака. Он отмахнулся:

— Да что вы меня агитируете: у меня дел по горло, а с командой я и без того завсегда вместе.

Воспитание революционного командира требует времени. А походы «Потёмкина» длились всего одиннадцать дней. За эти дни Мурзак сумел раскрыть перед матросами свою чудесную душу, но не успел вырасти в боевого руководителя. Это случилось с ним, как мы увидим дальше, во время битв Октябрьской революции. На восставшем «Потёмкине» Мурзак не выходил за рамки усердного исполнителя решений комиссии. Он был старшим офицером, но не командиром, преданным солдатом, а не руководителем восстания.

19 июня показались румынские берега. Отдавая положенные по международному морскому коду сигналы и салюты, мы бросили якорь на рейде румынского порта Констанца.

Через десять минут на борт «Потёмкина» поднялись румынские власти: командир стоявшего в порту румынского крейсера «Елизавета» и префект города.

Они рассыпались в любезностях. Они говорили, что всё европейское общественное мнение с симпатией следит за борьбой «Потёмкина». Они говорили, что, будь они русскими, они непременно дрались бы в рядах потёмкинцев. Но на просьбу разрешить нам закупить провиант и уголь ответили вежливым отказом. Они должны снестись со своим правительством. Румыния — нейтральная маленькая страна. Она не может ссориться с русским правительством. Вот, если бы матросы захотели высадиться...

Матросы решительно прервали вкрадчивое воркованье королевских офицеров.

Они уехали, обещав завтра же дать ответ.

Глава XXIX

День восьмой восстания

«ВЕЛИКИЙ МОЛЧАЛЬНИК» ЗАГОВОРИЛ

Своё слово они сдержали. На утро следующего дня префект известил нас об отказе румынского правительства выдать нам провиант и уголь. В то же время он вручил нам телеграмму румынского правительства. В случае высадки в Румынии нам гарантировали неприкосновенность.

Наступил критический момент восстания. Перед глазами восставших лежал румынский берег. Он избавлял их от угрозы быть взорванными минной атакой, он спасал от виселиц и каторжных работ.

Потёмкинцы с честью выдержали испытание. Комиссия не скрыла от команды предложения румынского правительства. Матюшенко огласил на общем собрании матросов правительственную телеграмму. Команда ответила отказом.

Быть может, это был самый героический момент восстания.

В Румынии команда вручила представителям печати и иностранным консулам «Воззвание ко всему цивилизованному миру» и извещение, адресованное ко всем европейским державам. Вот текст последнего:

«Команда эскадренного броненосца «Князь Потёмкин-Таврический» начала решительную борьбу против самодержавия. Оповещая об этом все европейские правительства, мы считаем своим долгом заявить, что гарантируем полную неприкосновенность всем иностранным судам, плавающим по Чёрному морю, и всем иностранным портам, здесь находящимся».

Об этом извещении В. И. Ленин писал:

«И в Румынии революционный броненосец передал консулам прокламацию с объявлением войны царскому флоту, с подтверждением того, что по отношению к нейтральным судам он не позволит себе никаких враждебных действий. Русская революция объявила Европе об открытой войне русского народа с царизмом. Фактически, русская революция делает этим попытку выступить от имени нового, революционного правительства России. Несомненно, что это лишь первая, слабая попытка, — но «лиха беда начало», говорит пословица»⁴⁰.

Мы решили идти на Батум. Нелегко досталось это решение. Алексеев и его сообщники бешено сопротивлялись. Вели агитацию, пророчествовали гибель «Потёмкину». «Батум?! — кричал Алексеев, — попробуйте подойти к нему, и крепостные пушки раздолбят броненосец, как орех».

Решён был спор выступлением Денисенко. Он был самым молчаливым человеком на «Потёмкине». Мы называли его «великим молчаливником». На заседаниях комиссии, на общих собраниях команды он выступал обычно последним; его речь состояла из двух, редко трёх-четырёх фраз. Но все с нетерпением всегда ожидали его выступления. Ибо в короткой речи Денисенко было всегда решение. Он никогда не увиливал от ответственности, не шёл окольными дорогами.

У команды Денисенко пользовался огромным авторитетом. К его словам прислушивались, его имя произносилось с подчёркнутым уважением.

И вдруг Денисенко прорвало.

— Батум будет громить нас?! Чей шершавый язык посмел выплюнуть такую гнусную ложь? — Его густые брови нахмурились. — Да знаете ли вы, что такое Батум?

Он стал рассказывать о своей встрече с Микладзе, о революционных настроениях солдат батумской крепости и батумского пролетариата.

— А вы говорите «Батум»! Верно... могучая крепость Батум. Только и солдат в Батуме промашки не даст... он ещё в 1902 году о «Потёмкине» мечтал. — Денисенко обвёл взором всю команду. — Верите мне, ребята?

— Верим!

Одним дыханием сотни людей сказали это слово.

— А если верите, идём на Батум! Наша будет эта крепость, защита и опора нам.

— На Батум!.. На Батум!..

Как ни велики были наши надежды на помощь кавказских большевиков, для «Потёмкина» не исключена была возможность бомбардировок побережья и длительного крейсирования вдоль берегов Кавказа. А между тем корабль не был готов для боевых операций.

Больше всего тревожил надвигавшийся угольный голод. Угля оставалось на несколько суточных переходов.

И вот теперь, когда было достигнуто решение идти на Кавказ, возник вопрос: в каком из русских портов сможем мы пополнить наши запасы?

В комиссии возникли горячие споры.

Некоторые матросы предлагали взять курс на Керчь. Там обычно грузились углём и провиантом корабли Черноморского флота. Через Керченский пролив шли пароходы, гружённые донецким углём. Матросы предлагали подойти к проливу и захватить какой-нибудь угольщик. Кирилл предлагал захватить такой угольщик у берегов Кавказа. Я звал в Феодосию. Во-первых, потому, что в Феодосии, крупном железнодорожном узле, должны были быть запасы угля. Во-вторых, потому, что Феодосия лежит на пути нашего следования на Кавказ.

В спор внезапно ворвался Алексеев.

— Никуда всё это не годится, — кричал он. — Правительство отлично знает, как мы нуждаемся в угле. Все угольщики задержаны уже в портах. Можете не сомневаться И насчёт Феодосии вас морочат, братцы. Я всё побережье как свои пять пальцев знаю. В Феодосию уголь доставляется железной дорогой, и то в ограниченном количестве. Евпатория — вот куда

надо держать курс, там всегда есть уголь. Верьте мне, братцы, худо вам не пожелаю.

Это было уже слишком! Черноморцы хорошо знали, что такое Евпатория. Маленький городок в стороне от железной дороги, он стоял на таком морском мелководье, что даже небольшие шхуны вынуждены были бросать якорь за версту от берега. Но Евпатория находится на расстоянии четырёхчасового перехода от Севастополя. Предатель хотел заманить нас поближе к Севастополю, откуда «Потёмкина» могли неожиданно атаковать миноносцы, минные крейсера и катера.

Замысел Алексеева был мгновенно разгадан матросами. Наступило тягостное молчание. Его прервал спокойный голос «великого молчальника». Только чуть сдвинутые брови выдавали гнев Денисенко, когда он обратился к Алексееву:

— Думаешь, ковырнул сверлом — и ладно!

И, не глядя на онемевшего от неожиданности Алексеева, добавил:

— Айда в Феодосию, ребята!

Денисенко никогда не командовал, но его предложения звучали всегда как общее решение. Так было и на этот раз.

Мурзак побежал на свой командирский мостик. Костенко взялся за штурвал. Раздалась команда. Матросы начали готовить корабль к отплытию.

20 июня мы покинули румынские берега.

Глава XXX

День девятый восстания

В ПОХОДЕ

«Потёмкин» снова в открытом море. Ночью шли с потушенными огнями. Матросы хорошо знали: царское правительство не найдёт ни одного крупного корабля, команда которого согласилась бы действовать против «Потёмкина». Но в распоряжении командования флотом были миноносцы. В то время это были небольшие корабли. На крайний случай их могли обслужить небольшие команды в пятнадцать — двадцать человек. Укомплектованные одними офицерами, миноносцы были опасными врагами. В тёмную ночь миноносцы, обладавшие большой скоростью, могли незаметно подкрасться к броненосцу. Днём море

было нашим надёжным союзником, ночью за каждой волной его таилась опасность.

В Румынии перед матросами стоял выбор: сдаться под покровительство румынских властей или вступить в беспощадный бой с царизмом. Команда решила вступить на последний путь. Надежда на помощь эскадры исчезла. Надо было идти на соединение с революционным народом. И это сознание бесповоротности избранного пути ярко сказалось в решении поднять красное революционное знамя. Социал-демократы с первого дня восстания требовали поднять над броненосцем красное знамя. Это требование всегда встречало решительное сопротивление команды и даже комиссии «Потёмкина»⁴¹. Люди обманывали самих себя, избегали точного определения своих действий.

Теперь это предложение было восторженно принято командой.

С рассветом матросы принялись украшать корабль. Весь корабль был увешан флажками. Строевые матросы занялись чисткой и уборкой броненосца. За всё время восстания на «Потёмкине» царила строжайшая, хотя и добровольная дисциплина. Уклоняющиеся от исполнения своих обязанностей насчитывались единицами. Особо упорствующим давали наряды на работу в кочегарке. Матросы рассказывали мне, что при начальстве броненосец никогда не знал такого ухода. Здесь всё блестело и сверкало. Ежедневно проверялись и прочищались сложные механизмы корабля. Смотр боевой готовности команды производился беспрестанно. Даже по ночам матросов поднимали звуки боевой тревоги.

Весь этот день мы провели в море. Корабль медленно двигался среди безбрежных вод. Мы выбрали такой ход, чтобы прийти в Феодосию на утро следующего дня.

Днём море давало нам надёжный приют, но особенно сильно подчёркивало наше одиночество. Не только вахтенные, но и большинство матросов зорко вглядывались в горизонт: не покажется ли где-нибудь угольщик или другое русское судно. Прошло всего трое суток, как «Потёмкин» оторвался от родных берегов. Это время казалось вечностью. Что происходит в России? Ждут ли там нас? Ни одного дымка на горизонте, ни одного парусника! На минуту вдали показался корабль. Он оказался болгарским военным кораблём.

Ощущение оторванности и одиночества начинало подтачивать боевой дух матросов. Социал-демократы энергично боролись с этими настроениями. Они усилили агитацию.

Беликов, Бредихин, Ковалёв, Кошуба, Кошугин, Никишкин, Шестидесятый, Звенигородский, Дымченко, Макаров, Спинов собирали вокруг себя группы матросов. Денисенко откомандировал даже для этой цели Кулика из машинного отделения. Не унимались и кондуктора со своими приспешниками-шептунами. Особенно ловко играли они на грозившем нам угольном и водяном голоде: «Вот скоро совсем станем, — тогда не корабль будет, а лайба. И возьмут нас голыми руками».

Глава XXXI

КРАСНЫЙ АДМИРАЛ МАТЮШЕНКО

По дороге в Феодосию все немного отдохнули. Дел было мало. Впервые за все дни восстания мы могли провести вечер в задушевной беседе.

Мы находились на открытом капитанском мостике: весельчак Задорожный, почему-то всегда грустный красавец Резниченко, невозмутимо спокойный Денисенко, тихий Дымченко и самоотверженный, страстный Кулик.

Мимо нас прошёл своей пружинной, собранной походкой Матюшенко.

— Афанасий, посиди с нами. Ночь-то какая!.. — сказал кто-то из нас.

Он остановился на минуту, равнодушным взглядом окинул водяные просторы и усеянное звёздами синее южное небо. По-видимому, это не произвело на него никакого впечатления.

— Лирику разводите? Некогда!

И пошёл дальше, стремительный и лёгкий.

Меня очень интересовал этот маленького роста человек, порывистый и решительный во всех своих действиях.

Сколько раз за эти дни менялись наши с ним отношения! Мы были с ним то единомышленниками, то ожесточёнными врагами.

— Ребята, кто знал Матюшенко до восстания? — спросил я.

Несколько минут длилось молчание. Очевидно, мысли всех были заняты этим человеком.

— Я видел его на «летучке» в Инкермане прошлый год, — прервал молчание Задорожный. — Он стоял рядом со мной. Говорила женщина-оратор. Матюшенко внимательно слушал. Когда задавали вопросы, он не сказал ни слова, точно воды в рот набрал. Ушёл один, ни с кем не попрощавшись. Мы шли обходными дорогами, чтобы избежать встречи со шпиками, он же пошёл прямо

к шоссе. На другой день в экипаже встретились. Я остановил его. «Ну, как, говорю, что скажешь о вчерашнем?» Он сплюнул в сторону. «Ерунда всё это, болтовня. Корабль — вот это дело. Я своё минное отделение знаю наизусть. Там всё ясно. Прочистил аппарат, заложил торпеду, нажал пружину. Что к чему — понятно. Зато у вас ничего не разберёшь. Революция, а вдруг бабы орудуют...» Этой весной Матюшенко часто ходил на собрания, я его видел раза три в Инкермане, — продолжал свой рассказ Задорожный. — Один раз он подошёл ко мне. «Я, говорит, социалистом стал, в партию желаю вступить». — «Ты, говорю, литературу читал?» — «Нет». — «Ну, я тебе литературу принесу, сперва почитай». Он озлился: «Ерунду мелешь! Какая литература! Действовать надо, а ты — книжки!..» Мы с ним разошлись. Я не решился ввести его в организацию.

— Ну, а когда же он план восстания предлагал? Теперь говорил Дымченко:

— В Севастополе ещё стояли. Ночью проснулся я от пинка, гляжу — в кубрике у моей койки стоит Матюшенко и шепчет: «Созывай «организованных» ко мне в минное отделение, там собрание».

Спросонья подумал я, что он шутит. Нет, лицо серьёзное, даже как будто сердится на что-то.

В минном отделении духота, народу набралось до сорока человек — комендоры, минные машинисты, связисты. Выставили дозор. Спорили долго. Вакуленчук говорил:

— Надо дожидаться всей эскадры, действовать сразу, всем вместе, иначе выдадим себя. «Шкуры» насторожатся, всех поодиночке переловят.

Матюшенко взял слово, знаешь сам, как он говорит:

— Будем действовать, вот и вся политика! Друг дружку дожидаться — до второго пришествия откладывать будем. Кто первый взял винтовку, тот и начал.

Видно было, что он с этими ребятами давно орудовал, сам себе партия был. У ребят глаза горят: «Восставить, да и только! Амба!»

Я вспомнил недавно сказанные слова Кулика: «Потёмкина» боялись, а вышло, что он первый восстал!»

Страшен был в гнев своём Матюшенко. Три офицера пали от руки грозного мстителя за смерть Вакуленчука. И столь же безграничен был он в своём великодушии.

Помню захват военного транспорта «Веха». Арестованный нами командир этого транспорта сообщил, что на его судне находится вместе с ребёнком жена расстрелянного на «Потёмкине» капитана Голикова. Матюшенко внезапно побледнел и потом

стремительно побежал из каюты. Встревоженный его волнением, я бросился за ним и нагнал его, когда он спускался по трапу к шлюпке. Увидев меня, он крикнул:

— Эй, студент, поедешь со мной?

Я не понимал хорошо, в чём дело. Уже в шлюпке Матюшенко объяснил:

— Понимаешь, женщина с ребёнком... Не к чему рассказывать, что произошло с Голиковым... Надо скрыть, пусть поедет на берег к своим, там узнает, её успокоят... Ты знаешь, как с ихним братом обращаться, — ну, помоги мне в случае чего.

Моя помощь не потребовалась Матюшенко. Мне приходилось только удивляться, каким природным чувством деликатности обладал этот угрюмый, резкий в своих движениях и поступках матрос, как сумел он успокоить встревоженную вестью о восстании женщину, с какой убедительностью рассказывал он ей, что муж её в безопасности

на берегу. Он бегал, суетился, сам вынес на руках ребёнка, помог женщине спуститься в шлюпку, совал ей деньги на расходы.

Видно, вся эта «работа» нелегко далась ему. Когда шлюпка отчалила, он, усталый и взмыленный, плюхнулся на скамейку. Больше я никогда не видел его в таком состоянии. Вообще никто никогда не видел Матюшенко усталым.

Читатель помнит, с какой решительностью поддерживал Матюшенко наши предложения о бомбардировке правительственных учреждений.

А вот и другая сторона медали.

Как-то мы изобличили Алексеева в двурушническом поступке. Вместо ответа Алексеев нагло заявил:

— Что же, если я не нравлюсь вам, спишите меня на берег. Я давно прошусь.

Я ухватился за это предложение и тотчас же поставил его на обсуждение комиссии.

В первый раз я почувствовал в Матюшенко противника.

— Алексеев — наш командир, — метнулся он на меня, — избранный командой. И если «вольный» ставит вопрос о том, чтобы свезти на берег Алексеева, мы поставим вопрос о том, чтобы свезти на берег «вольных».

Дымченко, Резниченко, Кулик бросились нам на выручку. Завязался ожесточённый спор. Комиссия была на нашей стороне, но Матюшенко был слишком популярен среди команды, с ним трудно было бороться. Нам пришлось отступить.

Бунтарь, умевший увлекать людей на подвиг, Матюшенко робел перед самыми ничтожными условностями. Он жил одной

жизнью с матросской массой, дышал её настроениями, но был в то же время их пленником. Он был героем, когда настроение команды поднималось, и отступал, когда её охватывало уныние.

Читатель помнит об отважной разведке Матюшенко. Он вернулся тогда с готовым планом наступления, высадки десанта и захвата города. Но в момент измены «Георгия» команду охватила паника.

— В Румынию!.. Сдаваться!.. В Румынию! — кричали кругом.

Только боевой сигнал, привычные звуки военной команды могут восстановить порядок. На Алексеева, конечно, нет надежды. Ищем Матюшенко. Он один ещё может спасти положение. Вбегаем на шанцы.

— В Румынию!.. В Румынию!.. — неистово кричит какой-то матрос.

— Матюшенко! Афанасий! Ты? Опомнись!..

Он стоит передо мной и смотрит глазами, помутневшими от гнева. Не говорит, а кричит, перекосившись от бешенства:

— А ты что, трусишь? Поговори ещё, я тебя мигом в воду спущу...

Спокойствие покидает меня.

— Сам ты трус! Это тебя надо...

Матюшенко — трус? Какая ерунда! Десятки примеров бесстрашия, полного презрения к опасности давал этот человек.

«Потёмкин» шёл в Румынию. Уже через час после того, как мы снялись с якоря, обычный ритм корабельной жизни уничтожил последние следы паники, охватившей команду после измены «Георгия».

В адмиральскую вошёл Матюшенко. Я никогда не замечал, что у Матюшенко такие добрые, лучистые глаза.

— Что пригорюнился? Брось! Всё дело поправим. В Румынии сдаваться не будем, возьмём провиант и пойдём дальше воевать.

И когда в Румынии вместо провианта и угля румынское командование прислало нам телеграмму правительства с предложением сдачи на условиях полной неприкосновенности, Матюшенко опять нашёл слова, которые дошли до самого сердца матросов и влили в них новую энергию.

Глава XXXII

День десятый и одиннадцатый восстания

В ФЕОДОСИИ

22 июня на рассвете «Потёмкин» бросил якорь на рейде в Феодосии.

Феодосия была тогда небольшим городом. Здесь не было многочисленного промышленного пролетариата, как в Одессе. Но здесь был порт и портовые рабочие.

Первый же наш катер, высадивший на берег потёмкинцев, был встречен восторженной толпой. Весть о прибытии «Потёмкина» с быстротой молнии облетела город. Мы прибыли в тот самый день, когда в газетах было напечатано правительственное сообщение о восстании на «Потёмкине». Над броненосцем гордо реяло красное революционное знамя. Трудящееся население города густыми колоннами спускалось в порт.

Как и в одесском порту, начались митинги, полились свободные речи. Перед собравшимися выступили Резниченко, Кошуба, Никишкин и Кирилл. Они рассказывали народу о целях и задачах нашей борьбы. Как и в Одессе, присмирившая полиция не решалась разгонять собравшихся. Всюду, где появлялся «Потёмкин», создавалась свободная территория. Под охраной его орудий легко и вольно дышалось людям.

Но в наши расчёты не входило взятие Феодосии. Мы не хотели, здесь долго задерживаться. Мы спешили на Кавказ.

Матрос Шестидесятый отвёз в городскую управу письменное приглашение городскому голове явиться на броненосец. Приглашение звучало, как требование: «для пере-говоров во избежание неприятных последствий для города». Шестидесятый был храбрым человеком. Его не остановили заградительные полицейские отряды. Он доставил приглашение по адресу. Через полчаса на броненосец прибыли представители городской управы. Матюшенко от имени команды потребовал от них выдачи продовольствия, угля и воды. В управе сидели выборные от домовладельцев. Они не сочувствовали «Потёмкину». Но мы подкрепили свои требования угрозой бомбардировки. Они боялись за свои дома и поспешили отправить нам баржу с провизией.

Но начальнику гарнизона полковнику Герцыку не было дела до домов феодосийских обывателей. Он боялся за свою служебную карьеру, а телеграфная инструкция из Петербурга категорически

запрещала снабжать «Потёмкин» углём. В инструкции ничего не было сказано о снабжении провиантом, и Герцык с равнодушием военного бюрократа следил за тем, как мы грузили провизию. Но доставку угля на «Потёмкин» он категорически запретил.

Не дали нам и воды. Была засуха, все колодцы высохли, и город сам страдал от отсутствия воды.

Переговоры длились весь день. Больше ждать было нельзя. Вечером мы отправили ультиматум. Команда объявила в нём о своём решении начать бомбардировку правительственных учреждений, если к десяти часам утра следующего дня на «Потёмкин» не будет доставлен уголь, и просила предупредить об этом решении жителей города. На рассвете стало видно, как толпы мирных жителей с домашним скарбом уходили в горы. Это был достаточно красноречивый ответ.

Стало жаль этих ни в чём не повинных людей, жилью и жизни которых угрожала бомбардировка. Мы решили ещё раз позондировать почву. Может быть, есть какая-нибудь возможность обойтись без бомбардировки?

Матюшенко и я садимся в катер, чтобы обследовать феодосийский порт. В глубине гавани мы находим три большие шхуны. Они только что прибыли из Англии. В их трюмах — две тысячи тонн великолепного кардифского угля. Даже больше, чем нам надо.

Какая счастливая находка! Но шхуны производят впечатление необитаемых островов. Их команды с утра ушли в горы вместе с городскими жителями.

Стрелой мчится наш катер к броненосцу. В несколько минут организована экспедиция. Увы, слишком поспешно! Никто из матросов не думал о том, что нам может быть оказано сопротивление. Все усилия подготовить матросов к возможности сопротивления не дали сколько-нибудь существенных результатов. Матросы для вида соглашались, но в душе посмеивались. Когда катер отваливал от броненосца, я просил Мурзак приказать играть боевую тревогу. «Всенепременно», — ответил Мурзак, а сам улыбнулся. Тогда я не понял смысла этой улыбки. Разбираться было некогда. Да к тому же катер шёл под охраной миноносца. И одной его пушки было достаточно, чтобы справиться с пехотой. Но на миноносце не было снарядов. Они находились на «Потёмкине».

Это знали матросы, в том числе и те, которые находились с нами на катере.

Катер подошёл к первой шхуне. Мы должны были взять её на буксир. Но шхуна стояла на якоре. Два десятка матросов, в числе

которых находились Болдин, Горбач, Заулошнев, Задорожный, Кошуба, Мартьянов, Молнев, Никишкин, Тихонов и я, поднялись на палубу и стали вытаскивать из воды якорную цепь. Работа была тяжёлая, но мы работали дружно...

На берегу показалась рота солдат. Выстроились. Никто не обращал на них внимания. Мы торопились кончить работу. Надо было уйти до наступления ночи из Феодосии, чтобы не напороться в темноте на миноносцы, которые, по нашим расчётам, должны были прибыть сегодня в Феодосию.

Когда по пути в гавань мы проходили мимо остановившегося в середине бухты нашего миноносца, я просил зарядить пушку.

— Есть! — ответил вахтенный матрос и улыбнулся. Улыбнулись и матросы на катере. Улыбался и Задорожный.

— Да кто в тебя будет стрелять? — сказал кто-то на катере.

Теперь я крикнул со шхуны Матюшенко, чтобы он взял на прицел офицера.

Матюшенко был первоклассным стрелком. Он мог убить офицера, прежде чем тот успел бы дать сигнал к стрельбе... Но он даже не поднял винтовки.

— Ребята, сейчас будут стрелять! — крикнул вдруг Никишкин. И в ту же минуту, раненный, упал в воду.

Мы бросились к винтовкам. Но было уже поздно. До ружей трудно было добраться, хотя они лежали в нескольких шагах от нас. Несколько матросов упало. Солдаты стреляли метко. Матросы, которые остались в живых, укрылись в трюме корабля. С трудом держась на воде, просил о помощи раненый Никишкин.

Это был мой лучший боевой товарищ. В Одессе мы ходили с ним к главнокомандующему. Он всегда был впереди в самых опасных местах.

Я не мог оставить его в беде.

Бросив винтовку, до которой мне удалось добраться, я прыгнул в воду. Схватив одной рукой Никишкина, я поплыл к катеру. Но по катеру открыли огонь. Там падают люди... Катер спешит выбраться из поля огня. Падают люди и на миноносце. Повернув, он уходит от нас...

Неожиданность нападения решила дело. Люди оказались неспособными к обороне. Матросы «Потёмкина» были готовы к бою с могучей эскадрой. Здесь они отступили перед солдатскими винтовками.

Солдаты с берега добивали пловущих. Шальная пуля снова угодила в Никишкина. Он судорожно метнулся. Моя ослабевшая рука не могла удержать его. Никишкин камнем пошёл ко дну...

У меня не хватило бы сил добраться до броненосца в полном матросском одеянии. Пришлось вернуться к шхуне. Ухватившись за якорную цепь, я стал раздеваться, но все усилия скинуть намокшие сапоги оказались напрасными. Я решил подняться на шхуну по якорной цепи. Но цепь была мокрая, а восьмисоттонная шхуна — высокий корабль. Почти добравшись до борта, я срывался с цепи и возобновлял попытку с тем же результатом. За моей спиной плюхнулись в воду два тела. Это прыгнули раздевшиеся в трюме шхуны Задорожный и Кошуба. Задорожный поплыл к пароходной пристани, находившейся метрах в двухстах от стоявшей у мола шхуны. Кошуба поплыл к броненосцу.

— Плывём вместе, — предложил он мне. — Я помогу тебе.

Но я уже слишком ослаб. Вдвоём мы потонем. Один он доплывёт.

Кошуба поплыл один. Солдаты заметили его. «Стой! Стой! Назад! — раздалась их крики: — Стой! Убьём!»

Грянул выстрел, другой. Кошуба продолжал плыть.

Ко мне приближалась шлюпка с солдатами. Смутно дошёл до сознания далёкий выстрел.

Уже в тюрьме Кошуба рассказал мне, что пуля третьего выстрела слегка полоснула его по бедру. Он всё же двигался дальше. Солдаты догнали его на шлюпке, прежде чем он успел выплыть из гавани.

Глава XXXIII

«БРОНЕНОСЕЦ СКРЫЛСЯ С ГОРИЗОНТА»

Очнулся я в палатке Красного Креста. Надо мной стоял военный врач.

Я лежал в большом павильоне с эстрадой. Меня окружали офицеры. Их было человек двенадцать.

Молодой поручик испуганным голосом спросил меня:

— Послушай, матросик, сюда не будут стрелять с броненосца? Ведь тут флаг Красного Креста.

Офицеры, очевидно, были уверены, что броненосец ответит бомбардировкой на действия властей. Солдаты принесли человека на носилках.

— Ранен? — спросил их доктор.

— Никак нет, ваше благородие.

Это был матрос Задорожный. Он скрывался под пароходной пристанью.

— Ну, что теперь будет? — спросил я Задорожного.

— А что же? Пойдут в Румынию сдаваться. Появились новые носилки.

— Раненый! — крикнули солдаты.

Это был Кошуба. Я бросился к нему, но меня усадили на место.

— Пустяки, — сказал доктор. — Сейчас встанет.

И действительно, Кошуба тотчас поднялся.

Офицеры ласково обхаживали нас. Они велели принести нам яичницу, заказали чай. Учили, как держаться на допросах. Один из них — капитан, вернувшийся из Порт-Артура, — выразил даже желание просить у начальника гарнизона разрешения съездить на корабль поговорить с матросами.

Это предупредительно ласковое отношение к нам со стороны офицеров продолжалось до того момента, как «Потёмкин» скрылся с горизонта.

Совсем иначе вёл себя начальник гарнизона полковник Герцык. Увидя нас, Герцык пришёл в такую ярость, что потерял способность речи. Он потрясал кулаками и, хрипя, грозил нам виселицей. Наконец он ушёл.

Получив приказ от своего начальника, бригадного генерала Плешкова, не выдавать «Потёмкину» угля, Герцык выполнил его с прямолинейностью солдафона. Он привык выполнять, не раздумывая, волю начальства. В конце концов ему было наплевать на то, будет ли разрушен город.

Несомненное влияние на действия военных властей оказал допрос убежавшего накануне с «Потёмкина» изменника-матроса Кабарды. Он известил феодосийские власти о намерении шептунов и кондукторов броненосца после первого же выстрела с берега начать действовать, чтобы помешать ответной бомбардировке «Потёмкина».

Обо всём этом нам успели сообщить офицеры, в то время когда мы находились в помещении летнего театра, превращённого на случай бомбардировки в палатку Красного Креста.

Там же нас навещил член феодосийской управы, местный богач, домовладелец Крым. Вчера он возглавлял делегацию городской управы, приезжавшую к нам. Он был сильно встревожен.

— Скажите, матросы будут стрелять с броненосца? — обратился он к нам. — Мне нужно знать. Следует принять меры.

Я посоветовал ему отправиться на броненосец и переговорить об этом с матросами. Он согласился со мной. Сердце моё забилося. Может быть, он расскажет матросам, что мы не убиты, и они потребуют нашего освобождения.

Но не успел домовладелец Крым дойти до выхода, как подъехавший вестовой произнёс роковые для нас слова:

— Броненосец скрылся с горизонта.

Глава XXXIV

ПОГОНЯ ЗА «ПОТЁМКИНЫМ»

В тот же день вечером ко мне в камеру со смехом ввалился морской лейтенант.

— Ха-ха-ха! Представьте, такой случай... Ха-ха-ха!.. Впрочем, разрешите раньше представиться: лейтенант Янович, ваш враг и поклонник. Вы — пленный, которому я не могу отказать в уважении. Но такой случай... Ха-ха-ха! — смеялся он, протягивая мне руку.

Это был типичный жандармский приём. Спрятав обе руки в карманы брюк, я смотрел на него.

— Не доверяете? Ну, впрочем, я сам виноват. Но это такой смешной случай. Сейчас я вам всё объясню. Я — командир миноносца «Стремительный», команда которого, состоящая из одних офицеров, поклялась взорвать мятежный броненосец. «Потёмкин» вышел один на один в бой с государством российским. Мы на небольшом миноносце вышли в бой с «Потёмкиным». Мы — враги, но храбрые враги. Мы должны друг друга уважать!

Он самодовольно улыбнулся. В полумраке камеры мне показалось, что он похож на доктора Галенко. Стало вдруг противно.

— Бросьте фиглярничать! Здесь вам не балаган! Чего вам надо?

— Да нет, помилуйте, что вы волнуетесь? Я просто так. Но какой случай!.. Ха-ха-ха!.. — снова залился он, мгновенно оправившись от смущения. — Представьте, когда мы пришли сюда, нас приняли за бунтовщиков. И этот бравый полковник Герцык велел арестовать меня, как только я высадился на берег. Ха-ха-ха! Не правда ли, смешно? Я полчаса бился с этим дураком, прежде чем втолковал ему, что под андреевским флагом плавают не одни только бунтовщики. Ха-ха-ха! — заливался он.

Случай действительно был смешной, и я с трудом удержался от улыбки.

Янович вдруг оборвал свой смех и стал серьёзен.

Потом он рассказал мне историю «Стремительного».

По возвращении эскадры в Севастополь стало очевидно, что никакая матросская часть не выступит против «Потёмкина». Было решено прибегнуть к другим средствам борьбы. В Одессе спешно воздвигались крепостные батареи. Два миноносца бессменно дежурили в бухте морской крепости Очаков, чтобы двинуться в атаку при первом появлении «Потёмкина».

На поиски «Потёмкина» был послан военный быстроходный крейсер «Гридень».

— Однако я лично, — заявил Янович, — мало верил в очаковские миноносцы и даже в «Гридень», поскольку все эти суда обслуживались матросами... Будем откровенны. Вы, революционеры, ловко сделали своё дело. В настоящее время зараза революции охватила весь флот, и пока мы не вылечим людей от этой болезни, нам нечего на них рассчитывать... Как убеждённый монархист, — тут Янович, склонив голову набок, кокетливо посмотрел на меня, — я предложил сформировать для действий против «Потёмкина» миноносец с офицерской командой. Для этой цели выделили миноносец «Стремительный».

Лейтенант Янович был очень словоохотлив. Он долго и пространно рассказывал мне о странствованиях «Стремительного». В кратких словах его рассказ сводился к следующему:

«Стремительный» прибыл в Одессу 19 июня утром.

В это время «Потёмкин» был уже в Румынии. Хотя Янович и не сознался мне в этом, но он, конечно, должен был знать уже при выходе из Севастополя, что в Одессе «Потёмкина» не застанет. Тем не менее он шёл сюда, потому что перед ним стоял ряд других карательных задач. Он помог управиться с восставшим «Прутом». Став на изготовку против «Георгия Победоносца» с открытым минным аппаратом, он заставил команду «Георгия» выдать зачинщиков.

Пока «Стремительный» справлялся с этим делом, пришли телеграммы о пребывании «Потёмкина» в Констанце. «Стремительный» немедленно «помчался», по выражению Яновича, в Констанцу. Однако пришёл он туда ровно через четыре часа после ухода «Потёмкина», хотя стояли мы в Констанце около суток, а расстояние из Одессы до Констанцы «Стремительный» мог покрыть за двенадцать часов.

Из Констанцы Янович направился почему-то в болгарский порт Варну. Здесь от капитана какого-то болгарского судна, по всей вероятности того самого болгарского военного корабля, с которым мы обменялись сигналами в море, Янович получил сведения, что мы находимся у берегов Крыма, и «Стремительный» «помчался» в Ялту. В Ялте он узнал, что «Потёмкин» стоит в Феодосии, и решил

«немедленно» идти туда. Он рассчитывал, что топография феодосийского рейда с его сильно выдвинутыми боковыми мысами позволит ему незаметно подойти к «Потёмкину» и взорвать его.

Однако и здесь «Потёмкина» не оказалось.

— Неуловимый какой-то призрак, «летучий голландец»! — закончил свой рассказ Янович.

И вдруг, точно невзначай, добавил:

— А куда же он теперь направил свои стопы, наш милейший враг; встречи с которым я жажду, как юноша свидания с возлюбленной?

— Ну, юноша никогда не опаздывает на свидание, — заметил я.

Янович как-то сразу угас.

— Так вы мне не скажете, куда ушёл броненосец? И в голосе его на этот раз прозвучала угроза. Положительно, ему не хватало жандармской выдержки.

— А зачем вам? Ведь вы всё равно на шесть часов опоздаете...

Янович пришёл в ярость:

— Не хотите — не надо, вам же хуже будет, а этих негодяев мы всё равно потопим!

— Позвольте, лейтенант, ведь вы давеча говорили сами об «уважаемом враге» и вдруг — «негодяи»!

Но Янович уже совсем забыл о своей роли. Он был полон негодования.

— Как хватило у вас совести втягивать русского солдата в политическую борьбу, заставить его изменить присяге? — кричал он, размахивая руками.

Словом, началась обычная черносотенная истерика. Мне эта история надоела, и, растянувшись на койке, я повернулся к нему спиной.

— В карцер! В карцер! — завопил Янович и бросился вон из камеры.

Переночевав в феодосийской гавани, «Стремительный» на другой день «помчался» искать броненосец у берегов Кавказа.

По дороге у него произошла авария с котлами.

Матросы «Потёмкина» сумели сохранить сложнейшие машины своего корабля, несмотря на солёную воду, которую они вынуждены были пускать в котлы. Миноносец «Стремительный» снабжался углём и водой всюду — в заграничных и русских портах. Но в машинном отделении работали не матросы, а офицеры. И на пятый день плавания «Стремительный» был выведен из строя. В двух котлах загорелись трубы. «Дело было проиграно, пришлось

вернуться в Севастополь, — меланхолически отмечал в своём дневнике один из участников карательной экспедиции «Стремительного». — В Севастополь пришли, имея только один подходящий котёл».

Не менее позорно кончилась и карательная экспедиция крейсера «Гридень». Командир его вызвался потопить «Потёмкин». «Гридень» имел новейшие минные аппараты и быстрый ход. На нём была неплохая артиллерия. «Потёмкин» не мог потопить «Гридень» одним залпом своей артиллерии. Чтобы справиться с «Гриденем», он должен был дать ему настоящий морской бой. Во время этого боя командир крейсера «Гридень» и думал воспользоваться быстроходностью своего корабля, чтобы потопить «Потёмкина» своими минами. Но среди матросов началось волнение. Во время ночного собрания представителей всех частей корабля решено было при встрече с «Потёмкиным» начать восстание. Кондуктора донесли командиру крейсера о ненадёжности команды. Командир поспешил вернуться в Севастополь.

Тем и кончились все попытки царского правительства организовать против «Потёмкина» карательные морские экспедиции.

Глава XXXV

День двенадцатый восстания

«ПОТЁМКИН» ПРЕКРАЩАЕТ БОРЬБУ

Когда на «Потёмкине» заметили, что феодосийские солдаты открыли стрельбу по матросам, комендоры без всякого приказа командования бросились к пушкам. Сигнальщики, не дожидаясь боевой тревоги, подняли красное боевое знамя.

Но контрреволюционная организация на корабле не дремала. Снова, как тогда в Одессе, раздались крики: «В Румынию! В Румынию!» Снова по спардеку, по шканцам, по палубам забегали какие-то люди, сея панику. Теперь у них был ещё один аргумент: «Куда стрелять? Уничтожать дома мирных жителей? Кому мстить? Ни в чём не повинным людям?»

Снова Кирилл бросился за помощью к Матюшенко, и опять, как тогда в Одессе, наткнулся на резкий отказ.

Матросы социал-демократы добивались энергичных действий «Потёмкина». Была минута, когда они почти добились

своего. Сигнальщик, наблюдавший за берегом с марса⁴², увидел, как вели арестованных потёмкинцев.

— Наших ведут, — закричал он, — выручайте товарищей!

— Выручать наших! — подхватили матросы.

Но из капитанской рубки в машинное отделение полетел уже приказ: «Полный вперёд!» Это был голос Алексеева. Вслед за ним раздался голос Матюшенко. Он повторил приказ.

Солдатские пули против броненосца — это звучало почти анекдотом. Пули не могли пробить броню «Потёмкина», но они оборвали тонкую нить не окрепшей ещё веры матросов в помощь берега.

25 июня рано утром «Потёмкин» бросил якорь на рейде Констанцы.

Румынское командование подтвердило прежние условия, то есть гарантию неприкосновенности потёмкинцам.

26 июня последние матросы «Потёмкина» покинули революционный корабль.

Глава XXXVI

«...НОВЫЙ И КРУПНЫЙ ШАГ ВПЕРЁД...»

«Восстание в Одессе и переход на сторону революции броненосца «Потёмкин», — писал в те дни В. И. Ленин, — ознаменовали новый и крупный шаг вперёд в развитии революционного движения против самодержавия. События с поразительной быстротой подтвердили своевременность призывов к восстанию и к образованию временного революционного правительства, — призывов, обращённых к народу сознательными представителями пролетариата в лице III съезда Российской социал-демократической рабочей партии»⁴³.

И далее:

«А броненосец «Потёмкин» остался непобеждённой территорией революции и, какова бы ни была его судьба, перед нами налицо несомненный и знаменательнейший факт: попытка образования ядра революционной армии»⁴⁴.

В условиях революции 1905 года это была неповторимая революционная ситуация. Особенно, если бы к «Потёмкину» присоединился весь Черноморский флот.

Восставший Черноморский военный флот получил бы господство над всем Черноморским побережьем. Многочисленные и густо населённые южные города буквально в несколько дней могли,

при энергичных действиях восставших, очутиться во власти революции. Эти города располагали богатейшими человеческими и материальными ресурсами. Опираясь на них, революционное правительство могло приступить к организации мощной революционной армии. Эта армия одним ударом могла отрезать от царизма богатейшие промышленные и сельскохозяйственные территории Юга: лишить царизм нефти, угля, металла, хлеба. Продвижение революционной армии вглубь страны послужило бы сигналом ко всеобщему победоносному восстанию всех трудящихся против царского правительства.

Почему же эта попытка не удалась? Как создалось это положение, когда, по словам буржуазной французской газеты «Ле Матэн», «революция овладевает броненосцем — событие, невиданное в истории! — не зная в то же время, что с ним делать».

Приведя цитату из этой газеты, В. И. Ленин добавляет:

«Тут есть большая доля правды, несомненно. Мы повинны, спора нет, в недостаточной организованности революции. Мы повинны в слабости сознания некоторых социал-демократов насчёт необходимости организовать революцию, поставить восстание в число неотложных практических задач, пропагандировать необходимость временного революционного правительства. Мы заслужили то, что нам, революционерам, делают теперь буржуазные писатели упрёки по поводу плохой постановки революционных функций»⁴⁵.

Под некоторыми социал-демократами В. И. Ленин имел в виду меньшевиков.

Характерно, что Севастопольский комитет настаивал, чтобы восстание началось в Севастополе осенью 1905 года, после возвращения эскадры с летней учёбы. Но начать восстание в Севастополе — это значило поставить его под удары севастопольской крепостной артиллерии; она находилась в руках гораздо менее сознательных частей сухопутной армии, в которых революционная работа в то время не была достаточно налажена. Начать восстание в Севастополе — это значило сразу запереть его в крепостном районе, лишить его подвижности, лишить революционный флот его главного боевого преимущества — способности действовать в широком районе.

Севастопольский комитет не мог не понимать порочности своего плана. Он настаивал на нём потому, что не верил в успех восстания, всё равно, где бы оно ни вспыхнуло: в море или в Севастополе. Он видел во флотском восстании простую местную «демонстрацию». Вероятно, из этих же соображений «Крымский союз» не потрудился известить о готовящемся восстании в

Черноморском флоте социал-демократические организации городов Черноморского побережья.

Матросская «Централка» энергично боролась против пораженческих настроений Севастопольского комитета.

«Ждали полного плана с расписанием, какому судну что делать, — рассказывает в своих письмах Александр Петров. — Как вдруг разнеслась весть, что на днях идут на Тендру, где для пробы «Потёмкин», а за ним вся эскадра предъявит экономические требования.

— Эх, зря! — говорили многие. — Не вытерпят, а плана нет, всё дело испортят.

Так оно и вышло. «Потёмкин» не вытерпел, сделал больше, чем надо, и в эскадре произошёл раскол: кто присоединился к «Потёмкину», зная, что он должен был начать и начал, а кто, зная, что для восстания нет плана, не пристал к нему».

Севастопольский комитет не позаботился даже назначить революционный штаб восстания. Таким штабом не могла быть «Централка», ибо в летнее время матросы, члены «Централки», были разбросаны по различным кораблям и не всегда имели возможность сообщаться между собой.

Поэтому, когда жизнь внесла изменения в первоначальные планы восстания, когда «Потёмкин» восстал, а броненосец «Екатерина II» был «задержан» в севастопольском порту, не было органа, который мог бы мгновенно перегруппировать силы, дать революционным ячейкам на кораблях указание поддержать восставших. Может быть, этим, как отмечает А. Петров, и объясняется бездеятельность матросских революционных организаций на кораблях эскадры во время встречи с «Потёмкиным».

Опасения В. И. Ленина, что одесские товарищи не сумеют использовать события, оправдались.

Серьёзные ошибки были допущены и «тройкой». Мы не организовали партийной группы на корабле. Между тем только сплочённая фракция матросов-партийцев могла бы ответить быстрым и метким ударом на действия контрреволюционеров. Она охватила бы своим влиянием всю команду «Потёмкина». Организованная планомерная работа контрреволюционной группы была для нас неожиданностью до самого момента измены «Георгия». Это могло случиться только при отсутствии партийной фракции. При систематических докладах на фракции о настроении команды мы были бы в курсе всех низовых и тайных движений на корабле. Не было и чрезвычайной комиссии по борьбе с

контрреволюцией — этого бдительного органа революционной диктатуры. Враги пользовались безнаказанностью.

Наконец, у нас не было руководителя — сильного, решительного человека, хорошо разбиравшегося в революционной обстановке и обладавшего военно-морскими знаниями. Матюшенко был героем, но не руководителем. Он не решился даже взять на себя командование кораблём, хотя у него было достаточно данных для этого. Возглавить восстание мог большевик Вакуленчук, — он был убит в самом начале восстания. Стать командиром восставших способен был Петров, — он не мог соединиться с нами.

Не надо забывать также о политической неподготовленности потёмкинцев. Это были мужественные, решительные люди. У них были военные знания, но не было революционного опыта. Они правильно учитывали значение присоединения эскадры. Без эскадры нет господства на море. До тех пор, пока эскадра в руках врага, — не обеспечен тыл восстания. Но они недооценивали пролетариат как главную движущую силу революции.

Недаром В. И. Ленин называл 1905 год «генеральной репетицией» Октябрьской революции 1917 года.

Историческое значение восстания «Потёмкина» было огромно.

«Потёмкин» был первым военным, хорошо вооружённым отрядом революции. В течение одиннадцати дней этот отряд имел свою территорию — «непобеждённую территорию революции», как называл её В. И. Ленин. В течение одиннадцати дней знамя революции развевалось над этой территорией под охраной пушек «Потёмкина». В течение одиннадцати дней революционный корабль бороздил территориальные воды царской империи, держал под угрозой своих пушек царский трон. В течение одиннадцати дней «Потёмкин» разговаривал с правительством как представитель революционной власти. Его делегаты ходили на берег, предъявляли правительству ультиматумы. Больше того, «Потёмкин» разговаривал и с иностранными державами как представитель революционной власти.

Восстание на «Потёмкине» — это начало перехода армии на сторону революции.

«Никакие репрессии, никакие частичные победы над революцией, — писал В. И. Ленин, — не уничтожат значения этого события. Первый шаг сделан. Рубикон перейдён. Переход армии на сторону революции запечатлён перед всей Россией и перед всем миром. Новые ещё более энергичные попытки образования революционной армии последуют неминуемо за событиями в черноморском флоте»⁴⁶.

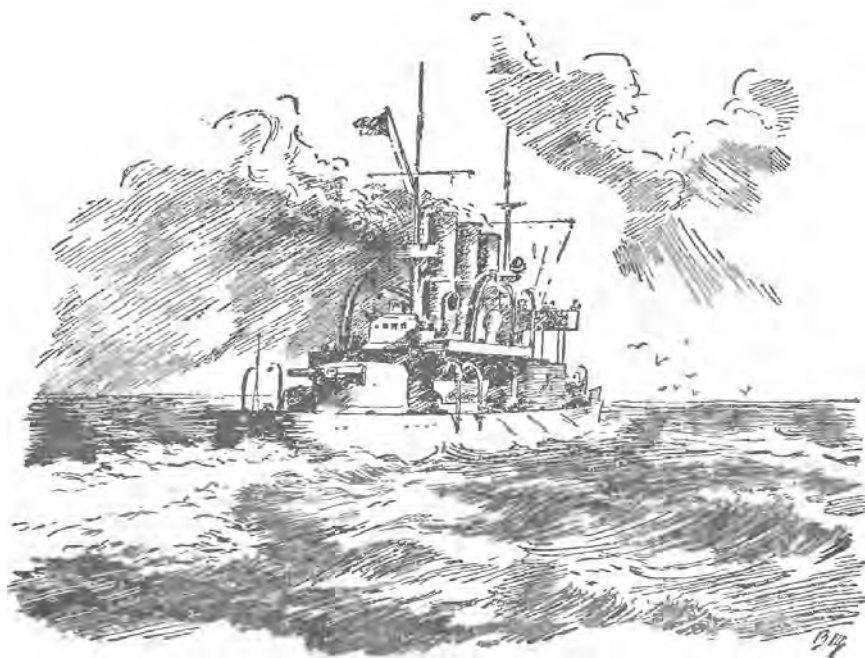
Как всегда, слова В. И. Ленина оказались пророческими.

На севере и на юге, на востоке и на западе, на окраинах и в центре великой страны одна за другой поднимались воинские части. Впереди всех шли военные моряки. Они героически бились на передовых позициях революции 1905 — 1907 годов. Правительство зверски расправлялось с восставшими. Только по приговорам военно-морских судов были казнены 97 матросов. А сколько из них погибло во время сражений с правительственными войсками! Но казни, каторга, арестантские роты с их нечеловечески жестоким режимом были бессильны остановить революционный порыв русских моряков.

Восстания в армии и флоте не могли, конечно, сами по себе низвергнуть царизм. Для этого необходимо было объединённое вооружённое выступление огромных масс трудящихся — рабочих, крестьян и армии. Революция может победить только соединёнными усилиями широких масс пролетариата в союзе с крестьянством. Над этой задачей не покладая рук, не останавливаясь перед неудачами, и работала большевистская партия. Но задача была нелёгкая. Понадобилось много лет героической работы большевиков, чтобы объединить в 1917 году трудящихся во главе с пролетариатом для победоносного вооружённого восстания.

Но в потёмкинских событиях были уже заложены черты такого восстания. Именно поэтому нам так дорог образ этого корабля. Именно поэтому подвиг «Потёмкина» вдохновил солдат на восстание против царя в феврале 1917 года и матросов крейсера «Аврора» в великие дни Октября.

Часть вторая

СУДЬБА ВОССТАВШИХ

Глава I

ВСТРЕЧА В КОНСТАНЦЕ

«Потёмкин» бросил якорь в Констанце вечером 25 июня. За одну ночь эта весть облетела всю Румынию. Поутру в Констанцу начали прибывать поезда. Со всех концов страны стекались сюда люди.

Специальным поездом прибыли из Бухареста иностранные дипломаты и корреспонденты румынской и зарубежной печати.

За этим поездом с его падкими до сенсации пассажирами потянулись другие составы. Их вагоны заполняли рабочие, студенты и представители прогрессивной интеллигенции. Они спешили в Констанцу, чтобы выразить свою солидарность с героической

командой броненосца и прийти ей на помощь, если королевское правительство вздумает вероломно нарушить своё слово.

Случилось так, что в этот день в префектуре⁴⁷. Констанцы чествовали премьер-министра Румынии Кантакузена. Банкет уже кончился, но премьер-министр и гости не расходились. Вместе с примчавшимися из Бухареста дипломатами они ждали окончания высадки матросов, чтобы совершить экскурсию по палубам и каютам исторического корабля.

Десятки тысяч румынских трудящихся выстроились на набережной, чтобы приветствовать его героический экипаж.

С балкона префектуры ясно были видны эти толпы. К любопытству знати стала примешиваться тревога.

Префект приказал вызвать войска.

Потёмкинская комиссия сдавала броненосец румынским властям по частям, регистрируя инвентарь корабля. Только в полдень приступили к посадке матросов на шлюпки и катера.

И тотчас же вся территория порта огласилась криками и аплодисментами многотысячной толпы: румынские трудящиеся приветствовали героев «Потёмкина». Матросы высаживались группами. Шлюпки и катера следовали друг за другом.

Внезапно приветственный гул затих. Его сменили дробь барабана и ритмичный шаг нескольких пехотных рот. Раздалась команда, и солдаты, вклинившись между народом и потёмкинцами, окружили матросов.

Неожиданное появление солдат вызвало всеобщее возмущение. Потёмкинцы решили, что их обманули. Обещали неприкосновенность, пока в их руках были пушки броненосца, а теперь под охраной штыков поведут на русскую границу.

В это время на «Потёмкине» наряду с румынскими властями находились представители румынской социалистической партии и русский эмигрант, старый народоволец Арборе, который эмигрировал из России в Румынию в 80-х годах. Они образовали «комитет защиты» потёмкинцев. Сигнальщики броненосца, наблюдавшие за берегом, известили «комитет защиты» о появлении войск. Румынские социалисты немедленно отплыли на берег. Они потребовали объяснений от командира румынского полка.

— Войска прибыли лишь для охраны матросов от покушений злоумышленных лиц, — заявил офицер. — Под их охраной матросы пройдут в город, где для них заготовлены казармы.

Румынские социалисты поняли, в чём дело. Под «злоумышленными лицами» подразумевались, конечно, румынские трудящиеся. Под «покушениями» — братание их с потёмкинцами.

Объяснение командира, а больше всего присутствие нескольких тысяч рабочих, устроивших потёмкинцам такую тёплую встречу, ободрило матросов.

По договорённости с комиссией, Денисенко должен был отбыть с броненосца с последней шлюпкой. Ему предстояло увезти с собой судовую кассу для распределения среди потёмкинцев корабельных сумм. «Потёмкин» был уже занят румынским караулом. У денежного ящика стоял часовой с примкнутым штыком. Денисенко попросил его посторониться. Румын не знал русского языка. Он не понял Денисенко, но на всякий случай сделал угрожающий выпад штыком. Денисенко не знал румынского языка, но он знал, как нужны товарищам эти деньги. Он отвёл рукой штык, подошёл к денежному ящику, извлёк оттуда шкатулку с деньгами и пошёл к трапу, не взглянув даже на остолебеневшего от изумления часового.

На корабле остался один только машинный унтер-офицер Кошугин. Ему поручено было передать по описи машины корабля румынским механикам. Но они почему-то не появлялись. А с берега доносились приветственные крики толпы. Денисенко между тем беспрепятственно достиг берега. Там у пролётки извозчика его поджидал Матюшенко. Обо всём этом они договорились заранее с «комитетом защиты».

«Мы уселись и поехали, — рассказывает Денисенко в одном из своих писем. — День был ясный, и народу было так много, что ничего, кроме голов, не было видно. Извозчик вёз нас очень тихо. Из толпы слышались выкрики: «Матюшенко! Матюшенко!» — как будто знали его. Лицо его то бледнело, то краснело.

Так мы доехали до назначенного («комитетом защиты». — К. Ф.) места, где нас встречал один румынский социалист и офицер порта. Мы сдали им деньги.

Деньги эти были поровну разделены между всеми товарищами, по 84 франка на каждого». Высадка потёмкинцев закончилась. Окружённых солдатской цепью, их повели в город. Тяжело переживали матросы расставание с любимым кораблём. Только теперь, удаляясь от него, они осознали эту потерю. До сих пор они были гордыми солдатами революции, за действиями которых следил весь мир. Теперь они стали бездомными скитальцами. Вместе с «Потёмкиным» они теряли родину. «Потёмкин» был последним куском родной земли.

Матросы шли привычным военным шагом.

— Левой... левой... раз... два!.. — командовал Дымченко, желая подбодрить товарищей.

И действительно, каждому становилось легче от ритмичной поступи семисот своих товарищей. Почти полный флотский экипаж. Они шагают по чужой земле, их будущее закрыто завесой, но пока они ещё крепко спаянный коллектив. Сохранить бы его!.. Жить одной семьёй, чувствовать локоть товарища, чего только тогда не одолеешь!

Позади матросской колонны, впереди и по флангам её двигались толпы румынских трудящихся. Они не переставали выражать потёмкинцам своё сочувствие: забрасывали их цветами, то и дело прорывались к потёмкинцам через солдатские цепи, пожимали их руки, говорили им ласковые слова.

Глава II

СУДЬБА «ПОТЁМКИНА»

Простые люди Румынии понимали чувства потёмкинцев. Собравшимся же в префектуре не было никакого дела до них. Дамы и кавалеры с нетерпением ждали ухода матросов. Как только колонна их удалилась, были поданы катера. Под предводительством премьера экскурсанты бросились на штурм «Потёмкина». В несколько минут тут всё было предано разграблению.

Матросы «Потёмкина» не тронули ни одной вещи из корабельного имущества. Даже в офицерских каютах все вещи лежали на своих местах так, как их оставили арестованные офицеры.

Но туристам, хлынувшим на обозрение «Потёмкина», нужны были сувениры. Без малейшего стеснения они стали набивать ими свои карманы, сумки. Всё, что можно было унести с собой, расхищалось самым бесцеремонным образом: морские бинокли, подзорные трубы, корабельные приборы, салфетки с инициалами броненосца, скатерти, графины, рюмки, стаканы, стенные часы, книги, ключи. Очистив адмиральскую и кают-компанию, они принялись за офицерские каюты. Часы, безделушки, вазы, фотографии родных, личные альбомы — всё годилось в качестве сувениров. Потом наступила очередь боевой рубки и машинного отделения. «Гости» отвинчивали залитые маслом мелкие детали машин и механизмов. Трудно представить себе тот беспорядок, который царил на корабле после ухода этой шайки великосветских громил. Всё было захламлено и перевернуто вверх дном на броненосце: опрокинутые столы и диваны, расколотые ящики, груды бумаг валялись на палубах и в помещениях всегда блиставшего безукоризненной чистотой корабля. И среди всего

этого разгрома бродил растерянный и не знавший, что предпринять, машинный унтер-офицер Кошугин. Самое благоразумное было бы сойти с корабля и присоединиться к товарищам. Но какое-то внутреннее чувство не позволяло ему это сделать. Подвергшийся поруганию броненосец стал ему особенно близким и дорогим. Он знал, что завтра с рассветом придёт за «Потёмкиным» эскадра из Севастополя.

«Если адмирал застанет меня здесь, я пропал», — думал Кошугин.

А всё же не мог покинуть корабль русский матрос, машинный унтер-офицер Кошугин. Всю ночь провозился он с румынскими механиками, составляя подробную опись машин и порчи, причинённой великосветским сбродом. А на утро на горизонте показались дымки русской эскадры. Так и не удалось уйти от каторжных работ матросу Феодосию Кошугину.

Посещение высокопоставленных гостей не прошло даром для «Потёмкина». Сувениры, унесённые ими, привели в негодность машины броненосца. Своим ходом он не мог уже идти в Севастополь. Его взяли на буксир, и, как раненную насмерть птицу, тащили славный броненосец по волнам Чёрного моря. Это было его последнее плавание. В Севастополе «Потёмкин» переименовали в броненосец «Святой Пантелеймон». Царь не верил донесениям адмирала Чухнина о благонадёжности команды «Святого Пантелеймона». Он приказал снять с пушек броненосца ударники. Их свезли в артиллерийские склады. Пушки без ударников — пустые игрушки. Броненосец без пушек — плавающее корыто, лайба.

И всё же, когда в ноябре 1905 года в Севастополе вспыхнуло новое матросское восстание, команда броненосца присоединилась к нему, и «Святой Пантелеймон» снова обернулся «Потёмкиным».

После Октябрьской революции «Потёмкин» разобрали, и его мощную броню переплавили в сталь. Молодая Советская республика нуждалась в металле. В последний раз послужил русской революции славный корабль. Он сгорел в её огне.

Глава III

РАСПРАВА

Восстание на «Пруте» происходило под руководством большевика Петрова. В движении отсутствовали черты бунтарства.

Петров приказал арестовать офицеров, но не убивать. «Их будет судить народ, а не мы», — заявил он матросам.

Когда миноносцы окружили «Прут», Петров приказал освободить офицеров. Обрадованные благополучным для них исходом восстания офицеры обещали прутовцам просить начальство предать забвению «проступок команды». Они сдержали слово: им не хотелось вызвать против себя новый взрыв ненависти. Чухнин согласился с ними. Он тоже опасался обострять ещё сильнее обстановку в Севастополе.

Петербург распорядился иначе. Царь приказал строго наказать «мятежников». Начались аресты. Следствие производилось с головокружительной быстротой. 21 июля 1905 года сорок два матроса «Прута» предстали перед военно-морским судом.

Суд происходил за городом, в Киллен-бухте. Кругом на расстоянии версты от места суда всё было оцеплено солдатами. Матросам охрана не доверялась. Вход в Киллен-бухту охранялся двумя миноносцами. Судей из зала суда на Графскую пристань доставляли на катере под охраной миноносцев.

В этом суде не было скамьи подсудимых. По царскому военно-морскому уставу нижние чины не имели права сидеть в присутствии офицеров. За судебным столом блистали офицерские мундиры. Суд длился десять дней, и матросы вынуждены были выстоять всё это время. Стоя слушали они чтение обвинительного акта, стоя отвечали на вопросы, стоя выслушивали показания свидетелей и речи товарищей, прокурора и защитников. К моральной пытке прибавляли физическую.

За несколько дней до суда руководитель восстания на «Пруте» Петров послал в Севастопольский социал-демократический комитет письмо, в котором просил директив о том, как ему держаться на суде, и спрашивал, сказать ли о своей принадлежности к партии. Письмо это не дошло до комитета, и Петров вынужден был на суде выступить без директив. Он не уронил своего достоинства революционера, не просил пощады. Он старался выгородить товарищей, принимая на себя всю ответственность за восстание. Впоследствии это письмо стало известно комитету. Петров рассказывал в нём, что начальство упорно уговаривало его выдать других участников и руководителей организации («Централки»). Ему обещали за это помилование, обещали даже провести в Государственную думу. Петров ответил презрительным отказом.

30 июля был объявлен приговор. Матросы Александр Петров, Иван Чёрный, Дмитрий Титов и Иван Адаменко были приговорены к расстрелу, остальных приговорили к каторжным

работам в общей сложности на сто восемь лет. Судьи поздравили защитников. Они считали этот приговор чрезвычайно мягким!

Александр Петров спокойно ждал казни. По словам защитника, Петров «мало интересовался казнью, его больше занимало, какой отзвук нашло в стране потёмкинское восстание».

В ожидании казни Петров пишет из тюрьмы свои замечательные письма. Он размышляет о причинах неудачи «Потёмкина», он стремится вооружить накопленным опытом участников грядущего восстания, в неизбежность которого он глубоко верил. Он жил будущим. Смерть оборвала его дыхание, но она бессильна была остановить историю, в которую вошёл уже тогда этот вдохновенный большевик с чистой и благородной душой солдата своего класса.

Вот как описывает смерть этих замечательных людей один из очевидцев:

«Над Севастополем стояла тёмная южная ночь. Звёздное небо отражалось в тихих водах рейда, где стояли броненосцы Черноморской эскадры.

Послышался перезвон: колокола на всех судах пробили один за другим два часа. Спокойствие было нарушено. На судах зашевелились, задвигались; то на одной мачте, то на другой начали вспыхивать сигнальные электрические огоньки; слышались слова команды.

Через некоторое время от каждого стоявшего на рейде корабля тихо начали отваливать катера и шлюпки, развозившие матросов, командированных для присутствия при казни, приблизительно по сорок человек от каждого судна...

Приведение смертного приговора в исполнение происходило в Севастополе, около Михайловской крепости. Здесь были вбиты в землю четыре столба на некотором расстоянии один от другого...

Время приближалось к рассвету. Приехало начальство, командиры судов. На месте казни, прямо против столбов, выстроилась рота матросов с «Чесмы», а позади неё для наблюдения за порядком — три батальона Брестского полка...

Было около половины шестого утра, когда привели приговорённых к смертной казни матросов. На приговорённых надели особые холщовые рубашки, вроде мешков, совершенно закрывающие головы, и привязали каждого из них к столбу.

Командовавший офицер махнул платком, грянул залп.

Как подкошенные, сползли к земле тела осуждённых.

Тотчас подъехали две телеги, на каждой из которых находился простой деревянный ящик-гроб, куда казнённых сложили по двое.

Печальная процессия тронулась к Брестскому кладбищу. Телеги, проезжая, оставляли на дороге кровавый след».

29 августа судили семьдесят пять матросов с «География Победоносца». Из них двое — матросы Денига и Кошуба — были приговорены к расстрелу, девятнадцать — к каторжным работам в общей сложности на сто восемьдесят пять лет, тридцать четыре были отправлены в арестантские роты и двадцать оправданы.

На суде Кошуба произнёс четырёхчасовую речь. Он называл себя социал-демократом. «Я горжусь принадлежностью к партии, которая стремится освободить от гнёта капитала все трудящееся человечество», — начал он свою речь.

Кошуба вскрыл в своей речи все преступные ошибки русского морского командования во время русско-японской войны. Над залом суда нависла мёртвая тишина. Судьи сидели с опущенными головами. Рука председателя неоднократно тянулась к звонку. «Этот маленький матрос в буквальном смысле слова загипнотизировал зал», — рассказывал о нём защитник Александров. Все переместилось в зале. Кошуба превратился в обвинителя, судьи — в обвиняемых.

— Мы прозевали в этом матросе русского Нельсона, — обмолвился после суда в разговоре с защитником военно-морской прокурор Кетриц.

Прокурор принадлежал к семье балтийских баронов, презирал все русское, в том числе и прославленных русских флотоводцев.

Защитники Кошубы и Дениги от своего имени послали царю телеграмму с просьбой даровать жизнь приговорённым к смерти матросам. На их телеграмме Николай II написал собственноручно: «Привести приговор в исполнение перед городом и эскадрой».

17 сентября 1905 года Кошуба и Денига были казнены. По приказу царя их расстреляли матросы. За взводом матросов стояла армейская рота. Ей было приказано расстрелять матросский взвод, если он откажется открыть огонь.

Суд над потёмкинцами состоялся значительно позже — в конце января 1906 года. Процесс откладывали в ожидании подсудимых. Из семисот шестидесяти трёх человек экипажа «Потёмкина» только сорок восемь матросов отказались высадиться в Румынии. Это были шептуны. Правительство знало, что делали на «Потёмкине» шептуны. Но суд над потёмкинцами должен был состояться. На худой конец и шептуны могли фигурировать в качестве подсудимых.

Царское правительство хлопотало о выдаче ему экипажа «Потёмкина», «обвиняемого в совершении убийств и грабежей».

Румынское правительство отказалось выполнить требование царя. Оно боялось гнева своего народа, который с подлинным энтузиазмом встретил высадившихся потёмкинцев. Царское правительство не прекращало своих усилий.

Засланные в Румынию тайные агенты охраны предприняли настоящую охоту за потёмкинцами. Они знакомились с матросами, соблазняли их посулами «царской милости», а то и просто заманивали их на русскую границу. Таким образом удалось выловить ещё с полсотни потёмкинцев. Теперь можно было начать массовый процесс.

Главную группу подсудимых составляли захваченные в Феодосии матросы Заулошнев, Мартьянов, Задорожный и Горбач. Их всех обвиняли в принадлежности к социал-демократической партии. То же обвинение предъявили матросам Луцаеву, Гузю и Кошугину.

Матросы Луцаев и Гузь не были активными участниками восстания. Вопреки утверждениям обвинительного акта они не входили в состав потёмкинской комиссии. Они никогда не выступали ни на комиссии, ни перед командой с революционными заявлениями. В Констанце, во время сдачи корабля румынам, Луцаев припрятал сигнальные шифрованные книги русского флота. Он понимал, что русский военный код не должен попасть в руки иностранного правительства. Он отнёс сигнальные книги в русское консульство. Но и здесь он согласился передать их в руки консула лишь в присутствии капитана Банова, командира русской канонерки, стоявшей в Констанце. Консул и Банов благодарили Луцаева, поздравляли его, уговорили его вернуться в Россию, гарантировали ему не только свободу, но и награду правительства за «патриотический поступок». Банов сам отвёл Луцаева на «Потёмкин». Здесь уже командовал контр-адмирал Писаревский. Адмирал приказал взять Луцаева под стражу, а правительство наградило его каторжными работами. Луцаев получил высшую меру наказания: его приговорили к смертной казни, но по амнистии, вырванной у царя октябрьской забастовкой, казнь ему, как и матросам Мартьянову и Заулошневу, была заменена пятнадцатилетней каторгой. Унтер-офицер Кошугин был приговорён к двенадцати годам каторжных работ с заменой, на основании амнистии, шестью годами. Матрос Гузь получил десять лет с применением амнистии. Один из самых активных участников восстания, комендор Иван Задорожный, был приговорён всего лишь

к трём годам каторги: следствие не добыло материалов о партийности Задорожного.

В общей сложности эти семь матросов получили шестьдесят пять лет каторги. Матросы Фотин, Неупокоев и Гусеников, ходившие в почётном карауле провожать тело Вакуленчука, были посланы в арестантские роты. Это был один из самых тяжёлых видов наказания в царской России. На работу в арестантских ротах были осуждены также писарь Сопрыкин и весёлый боцман Журавлёв.

На суде Алексеев объявил себя спасителем броненосцев «Ростислав» и «Три Святителя».

— Боцман Мурзак сказал мне, — показывал на суде Алексеев, — что он слышал от Матюшенко, что тот предполагал ударить «Ростислав» тараном, а «Три Святителя» взорвать миной. Узнав о таком плане, я решил помешать исполнению его и для этого дал телеграфом в машинное отделение приказание: «Левой машине полный вперёд, а правой назад». Этим манёвром я изменил направление судна, и оно прошло между броненосцами «Двенадцать Апостолов» и «Георгий Победоносец».

Алексеев врал суду. Он не только не мешал манёвру Костенко и Мурзак, но вполне одобрил его.

Во время встречи с эскадрой он был заложником потёмкинцев, теперь на суде он стал заложником Мурзак. Одного слова Мурзак было достаточно, чтобы подвести Алексеева под расстрел.

Верный себе Алексеев всячески выгораживал Мурзак. Мурзак отделался лишением чинов и увольнением из флота.

Суд отпустил Мурзак на свободу, но жандармы зорко следили за ним. Они включили его в чёрный список. После увольнения Мурзак пытался устроиться на службу в торговом флоте. Он был отличным моряком, желанным боцманом, но все частные пароходства получили уже извещение охранки. Ему всюду отказывали. У Мурзак была большая семья, а работы не было. В 1907 году ему удалось с помощью друзей поступить объездчиком в лесничество. Охранка немедленно вмешалась, и Мурзак уволили. Бедственное положение не сломило энергичную натуру Мурзак. Потёмкинские дни дали новое направление его жизни. Преследования правительства лишь закалили его решимость идти по новому пути. Он стал искать сближения с социал-демократами. Революция 1917 года застаёт его в рядах большевиков. После Октября он трудится над созданием в Крыму советской власти. В 1919 году в Феодосию ворвались белые. В числе захваченных большевиков оказался и Мурзак. Случилось так, что в Феодосию

зашёл в этот час пассажирский пароход, где штурманом служил Алексеев. Пароход пришёл из Одессы, которая находилась тогда в советской зоне. Белые тотчас же арестовали всю команду парохода. Прихватили и Алексеева. Увидев в тюрьме Мурзака, Алексеев рассказал белым о деятельности Мурзака на «Потёмкине». На этот раз его показания обвиняли Мурзака. Алексеев думал убить двух зайцев: избавиться от опасного свидетеля собственной слабости и заработать прощение белых. Он заработал себе смерть. Белые ненавидели самое слово «Потёмкин». Алексеев назвал себя его командиром. Белые не стали разбираться в его деятельности. Его расстреляли даже раньше Мурзака.

Мурзак умер смертью храбрых, мужественно глядя в лицо смерти, как человек, знающий, за какое великое дело он отдаёт свою жизнь.

В том же 1919 году в Крыму был схвачен и расстрелян белыми другой герой «Потёмкина», матрос Тихон Мартьянов. Мартьянову было всего двадцать три года, когда он пошёл на каторгу. Там он пробыл двенадцать лет. Страшен был каторжный режим, но велико было революционное мужество Тихона Мартьянова. Он вышел оттуда зрелым борцом, большевиком и сражался за торжество Октябрьской революции с той же беззаветной отвагой, с какой бился с царём в славные дни потёмкинского восстания.

Глава IV

СКИТАНИЯ И КАЗНЬ МАТЮШЕНКО

Командир румынского полка, окружившего потёмкинцев, когда они сошли на берег, сказал правду. Как только потёмкинцев довели до приготовленной для них казармы, полк ушёл. Матросам была предоставлена свобода. Трудящееся население и студенчество радушно встретили потёмкинцев: помогали им найти квартиры, старались устроить на работу.

Обеспокоенное тёплым приёмом, оказанным в Констанце румынскими трудящимися, королевское правительство решило разбить матросский коллектив и расселило потёмкинцев по разным городам.

Матюшенко по настоянию румынских социалистов уехал в Швейцарию. Они считали опасным для него пребывание в Румынии. Агенты царского правительства фабриковали материалы, с

помощью которых можно было бы объявить Матюшенко уголовным преступником и потребовать выдачи его России.

Вместе с Матюшенко выехали из Констанцы Кирилл и инженер-механик Коваленко: Кирилл — в Вену, Коваленко — в Париж.

Потёмкинцы были отправлены в Бухарест, в Плоешти, в Бузаэу, в Браилу, в Кымпин.

Команда «Потёмкина» перестала существовать. Сохранить весь коллектив было невозможно. Разъезжались компактными группами, в сто — двести человек каждая.

Основавшись на новых местах, эти группы оформляли своё коллективное существование в виде потёмкинских комитетов. В групповой комитет г. Констанцы входили матросы Денисенко, Кулик, Самойлов. Комитетом в г. Галаце руководили матросы Дымченко, Курилов; секретарём коммуны потёмкинцев в г. Кымпине был избран матрос И. Лычёв.

Комитеты эти заботились не только о быте потёмкинцев. За время восстания все матросы, даже самые отсталые, заинтересовались политической жизнью России. Теперь конец эмигрантской жизни со всеми её страданиями зависел от развития революционного движения в России. Появилась тяга к политическим занятиям, к науке, к знаниям, к литературе. Потёмкинские комитеты устраивали для матросов лекции, беседы. Некоторые из них, как, па-пример, бухарестский и кымпинский, создавали даже школы, где потёмкинцы занимались по программе среднего учебного заведения, изучали математику, грамматику, географию и т. п.. Большую помощь в работе по самообразованию оказывала потёмкинцам семья народовольца Арборе, встретившего потёмкинцев в Констанце. Каждый потёмкинец находил в этой семье радушный приём и помощь в нужде.

Иногда потёмкинские комитеты перерастали в коммуны. В кымпинской коммуне всё было общее — жильё, столовые, вещевые и продовольственные склады. Коммуна объединяла около восьмидесяти потёмкинцев. Все члены коммуны вносили в её кассу свой заработок и жили в одном большом, арендованном коммуной доме. Всё же коммуны часто распадались. Заводы в Румынии то расширяли своё производство, то сокращали его. И занятость потёмкинцев часто сменялась безработицей. Члены коммуны разбредались по городам и сёлам Румынии. Коммуна распадалась. Но как бы ни разбрасывала жизнь потёмкинцев, они всегда собирались, когда надо было постоять за товарищей.

Наиболее ярко эта солидарность потёмкинцев проявилась в дни ареста Матюшенко, приехавшего из Женевы в Бухарест вместе с князем Хилковым.

Революционное воодушевление никогда не покидало Матюшенко. Мысль об упущенных возможностях «Потёмкина» постоянно грызла его. Человек бунтарского темперамента, он презирал теорию и вместе с нею и партии, которых разделяли «программная и всякая другая теоретическая чепуха». Его тянуло к анархизму. Весь строй его жизни, одинокое детство в подвале, где Матюшенко до самой юности тачал сапоги, чтобы прокормить многочисленную семью, располагали его к идеям анархизма.

Революция рисовалась ему как ряд боевых вспышек. Он начал искать сближения с «энергичными людьми», которые помогли бы ему создать и вооружить отряд для вторжения в Россию. Однажды он вступил в переговоры с князем Хилковым.

Это был богатый русский аристократ, высланный из России за принадлежность к одной религиозной секте. Из России князь Хилков был выслан личным приказом царя. Князь обозлился и стал носиться с планами военного переворота. Он мечтал во главе вооружённого отряда въехать в Петербург на белом коне, свергнуть обидчика-царя и, кто знает, может быть, самому провозгласить себя императором. Ему нужны были люди, и Матюшенко с потёмкинцами были для Хилкова весьма желанными помощниками. Матюшенко не вникал в замыслы князя, а Хилкова не интересовали цели, которые преследовал Матюшенко. Хилков искал людей для осуществления своего плана, а Матюшенко искал денег для вооружения отряда. У Хилкова были деньги, Матюшенко рассчитывал на потёмкинцев. Договорившись, оба они примчались в Констанцу и ввалились к Денисенко.

Князь стал излагать свой проект. Он доставит потёмкинцам оружие и поведёт их на Петербург. По дороге они будут арестовывать офицеров, обрастать отрядами присоединившихся войск. Так дойдут они до столицы, арестуют правительство и царя...

Денисенко впервые разговаривал с князем. Он с любопытством разглядывал выхоленное лицо Хилкова.

Князь ожидал ответа. Ждал его и Матюшенко.

— От границы до Петербурга не десять, а две тысячи вёрст, — ответил Денисенко Хилкову. — Царя нынче не любят, это верно. Но тысяч сто верноподданных войск уж он как-нибудь да соберёт. Вот и всей сказке конец.

Вся эта история чуть не кончилась весьма драматически для Матюшенко. Румынская полиция, узнав о приезде Матюшенко, арестовала его и препроводила в Бухарест. Русская агентура к тому

времени располагала рядом фальшивых документов о якобы уголовных преступлениях Матюшенко. Его обвиняли в попытке присвоения кассы броненосца «Георгий».

Потёмкинский комитет Констанцы немедленно разослал всем другим потёмкинским комитетам приглашение прислать в Бухарест представителей для делегации протеста. Через несколько дней из разных городов прибыли сто матросов. Рискую потерять работу за самовольную отлучку, они примчались в Бухарест, чтобы спасти товарища. Делегаты построились в два ряда и отправились в городское управление. Часовой не пропустил их всех. После долгих переговоров в управление впустили Денисенко, Кулика и Дымченко. Остальные ждали на улице, продолжая стоять в военном строю. Вокруг собирались любопытствующие. Толпа увеличивалась. Все сочувствовали потёмкинцам. Получилась довольно внушительная демонстрация. Правда, не было ни знамён, ни криков. Потёмкинцы стояли молчаливые и решительные. Они готовы были так простоять день, два и больше, пока не освободят их товарища.

Наконец появились Денисенко, Кулик и Дымченко. Они сообщили, что Матюшенко освобождён и выслан в Америку. Тревога матросов, однако, не рассеялась. Накануне в одной румынской газете было напечатано заявление какой-то румынской дамы. Эта особа обращалась к правительству с просьбой сдать ей Матюшенко на поруки. Она бралась за свой счёт переправить его в Америку... через Константинополь. Последние слова выдавали её с головой, как агента царского правительства. Теперь матросы опасались, что Матюшенко попал в руки этой дамы. В Бухаресте у них был верный друг — русский политэмигрант Арборе. Прямо из городского управления они отправились к нему. Арборе успокоил их. У тюремных ворот Матюшенко поджидали румынские товарищи. Они отправили его с надёжным провожатым в Нью-Йорк.

В Нью-Йорке он прожил недолго. Его тянуло в Россию. Несмотря на все уговоры Денисенко, жившего тогда тоже в Нью-Йорке, Матюшенко вскоре отправился в Париж. Здесь он раздобыл паспорт и деньги, необходимые для возвращения на родину.

Через месяц Матюшенко был арестован в Николаеве. Его отправили в Одессу. В камере полицейского управления, куда посадили Матюшенко, «случайно» оказался один из потёмкинских шептунов. «Да ведь это Матюшенко!» — вскричал предатель.

Арест и угроза казни не сломили Матюшенко. Его показания проникнуты бесстрашием настоящего революционера.

Описав в нескольких строках восстание «Потёмкина» и свою роль в нем, Матюшенко переходит к рассказу о своей жизни за границей после восстания.

«Зарабатывал на пропитание личным трудом. Жил в Бухаресте, Комнана⁴⁸ и Констанце, а в июне прошлого года переехал в Америку, где зарабатывал 5 рублей 5 копеек в день на фабрике Зингера. Потом был в Париже, и 28 июня этого года приехал в Одессу, а 29-го поехал в Николаев, где пробыл три или четыре дня и был арестован. Деньги в сумме 146 рублей — мои собственные. Браунинг и патроны приобрёл за границей; там же купил паспорт на имя Мякотина и бланк.

Больше показать ничего не имею.

И присовокупляю, что знакомых в Одессе не имею.

Крестьянин Афанасий Николаев Матюшенко».

И как геройски принял он смерть! Об этом рассказывает его товарищ по заключению, вернувшийся нелегально из Румынии и заключённый в севастопольской тюрьме матрос Е. Бредихин.

«1907 год, 27 октября. Дорогой друг, сообщаю скорбную весть о казни дорогого товарища Матюшенко. 3 июля в Николаеве он провокаторски был предан, а из Севастополя офицеры ездили устанавливать личность. Узнали и доставили в одесскую тюрьму. 10 октября взят на миноносец, а 11-го доставлен в Севастополь. Когда вели в морскую тюрьму, его сопровождало шестьдесят человек конвоя и семь офицеров.

У дверей его камеры — часовой и под окном — усиленная охрана. Как только привезли, оставили без постельных вещей и горячей пищи на пять суток за то, что не вставал на поверку. На прогулку вывели один раз за всё время. 16 октября получил обвинительный акт. 17-го суд. Около ста человек конвоя водило его на суд. После суда разрешили табак курить. С 18-го на 19-е мы не спали всю ночь: думали, что его возьмут. 19-го в восемь часов вечера привезли гроб и столб — готовую виселицу. Тут мы узнали, что его вешать будут здесь, во дворе, чего ещё не было.

В начале пятого часа утра стали вводить войска всех частей. Половина шестого утра входят в мою камеру и заявляют, что Матюшенко желает проститься со мной. Меня повели в караульное помещение, которое было наполнено офицерами разного ранга. Двери открыты. Он стоит, правым плечом опершись о стенку, и смотрит на эту свору, собравшуюся смотреть на его смерть. Мы обнялись, и я зарыдал. Он сказал: «Не стоит плакать!» Оставил мне медальончик и вещи, и когда я хотел у него спросить, кому это передать, то меня схватили и вывели.

На другой день мне товарищи передали следующее: во время чтения приговора он ходил взад и вперёд перед фронтом. Кончили читать приговор, и он сказал: «Прощайте, товарищи!» И ещё что-то хотел сказать, но тут командир «Потёмкина» Акимов⁴⁹ закричал:

«Замолчи!», а он ответил: «Чего орёшь?» И повели его к виселице. Он стал сам на стол и на столе сказал: «Вешайте, трусы, но придёт время, и вас перевешают на фонарных столбах». Палач, как видно, был профессиональный, — стал на табуретку, руками набросил петлю, а ногой выбил стол. Забил барабан.

Похоронили его за Корабельным кладбищем.

Вот последние слова его предсмертной записки:

«Сегодня приговор будет исполнен. Умираю за правду с гордостью, как подобает революционеру; передай последний мой привет товарищам. Прощай!»

Так погиб наш товарищ и показал нам пример того, как нужно бороться и умирать за великое дело освобождения народа».

Казнь Матюшенко была вопиющим беззаконием. По манифесту, вырванному у царя революцией 1905 года, смертная казнь должна была быть заменена ему пятнадцатилетней каторгой.

Чтобы обойти закон, царские крючкотворы вынесли Матюшенко смертный приговор за преступление, совершённое в феврале 1906 года. Это «преступление» заключалось в том, что Матюшенко написал в это время воззвание к офицерам армии и флота и отправил его почтой адъютанту третьего флотского экипажа штабс-капитану Данилову, с «целью побудить этого офицера нарушить долг службы и совместно с другими, в числе более восьми человек, перейти к восстанию против начальства».

Царь жаждал мести, и Матюшенко должен был погибнуть.

Глава V

ВСТРЕЧА В ШВЕЙЦАРИИ

Весною 1906 года, проживая в Лозанне (Швейцария), я получил письмо примерно такого содержания.

«Потёмкинские друзья шлют привет из Цюриха «Студенту». Желательно повидаться. Нам выехать нельзя: работаем, да и грошей на всех нас треба много. Коли есть охота, приезжай, желательно воскресенье: Денисенко, Дымченко, Кулик, Резниченко...» и ещё пять-шесть подписей.

В ближайшее воскресенье я выехал в Цюрих. Путешествие из Лозанны в Цюрих длится всего пять часов. Было ещё утро, когда я разыскал на окраине дом, где жили потёмкинцы. Взмахаю по крутой винтовой лестнице. Точно на спардек взбираюсь. На лестнице полумрак, как в батарейной палубе «Потёмкина».

Нарочно, что ли, выбрали такой домишко — узкий и высокий, как корабль. Во всём Цюрихе второго такого не сыщешь.

Наверху кто-то приоткрыл дверь. На площадке появилась статная фигура. Ну, конечно, он, степной лирик, Кулик! Немного странно видеть их в штатском. Но белизна крахмальных воротничков, безукоризненная складка на старательно выутюженных, хоть и дешёвых брюках, чисто выбритые лица выдают выработанную годами матросской службы привычку к опрятности. В большой комнате, служившей столовой, всё блистало чистотой. На белоснежной скатерти был приготовлен утренний завтрак. Матросы жили коммуной. Выпили традиционную морскую чарку и сели за стол.

— Как же вы попали сюда, ребята?

— А вот его молитвами, — ответил Дымченко, указывая на Денисенко.

Конечно, потребовалось вмешательство Кулика, чтобы Денисенко наконец заговорил.

Арборе вызвал к себе в Бухарест Денисенко. Это было через несколько дней после высылки Матюшенко из Румынии. Старый народоволец был взволнован. Румынские товарищи предупредили его о новых кознях царской агентуры в Румынии. После неудачной попытки схватить Матюшенко русское правительство добивалось выдачи Денисенко. Царские агенты утверждали, что машины броненосца были испорчены Денисенко уже после того, как все матросы высадились. Этот акт, якобы совершённый Денисенко, расценивался царским правительством как уголовное преступление, совершённое на русской территории. А посему румынское правительство может выдать Денисенко русским властям, не навлекая на себя упрёка в нарушении слова.

Арборе приготовил для Денисенко заграничный паспорт и посоветовал ему немедленно покинуть Румынию.

Нелегко было Денисенко расстаться с боевыми товарищами. Но советом Арборе пренебрегать не приходилось. Денисенко выехал в Цюрих. Денег у него едва хватило на дорогу. Вопрос о работе встал перед ним чуть ли не в день приезда в Швейцарию. Утром следующего дня Денисенко подошёл к воротам какого-то цюрихского завода. По-немецки он не знал ни слова, но он обладал сильными и искусными руками. Они-то выручили Денисенко. Он бесцеремонно отшвырнул табельщика в проходной будке и прошёл на территорию завода. Пока табельщик давал звонки сторожам, Денисенко вошёл уже в один из цехов завода. Оглядевшись, он подошёл к группе станков. У каждого станка стоял рабочий. Денисенко оттолкнул от станков одного за другим четырёх рабочих.

Возмущённые рабочие приготовились основательно проучить «неучтивого» пришельца, как вдруг застыли от удивления. Этот с виду неуклюжий великан начал управлять работой четырёх станков. Его руки двигались с непостижимой быстротой и точностью. Он успевал и поворачивать изделие, и снимать стружку, и регулировать ход шпинделей, и устанавливать новое изделие взамен отточенного. Одним словом, Денисенко один выполнял работу нескольких токарей. Вокруг него собралась толпа; все с напряжённым вниманием следили, долго ли выдержит такой темп странный незнакомец. Подошёл мастер. Он взял в руки обточенное изделие, посмотрел сначала на него, потом на Денисенко и, ничего не сказав, ушёл куда-то.

Денисенко было очень неловко перед рабочими, которых он отстранил от станков. «Может быть, они совсем потеряют работу? — думал он. — Ну нет, на такое не согласен; уволят их, и я не останусь».

Вдруг раздались аплодисменты. На одно мгновение Денисенко оторвался от своего дела. Он поднял глаза: аплодировали рабочие, станки которых он отвоевал. Они дружески улыбались. У Денисенко отлегло от сердца. Впоследствии он узнал, что строительство железной дороги через Сен-Готард обеспечило завод заказами на целый год. Завод остро нуждался в рабочих-специалистах.

Снова подошёл мастер, на этот раз не один. За ним важно шествовало начальство во главе с хозяином предприятия. Всем хотелось взглянуть на работу этого чудо-мастера. Нашлись и переводчики: на заводе работали трое русских эмигрантов. Денисенко приняли на работу. Он осмелел, спросил, не может ли выпisać из Румынии нескольких своих товарищей. Он не ручается, что они сумеют работать на многих станках, но дело своё они знают. Хозяин согласился, даже приказал выдать аванс на переезд. Денисенко был несказанно обрадован. В первую очередь надо было выручать Дымченко и Кулика. За ними тоже охотились царские агенты. Они являлись ближайшими кандидатами на арест. Труднее всего было устроить на работу Дымченко. Он не знал ни слесарного, ни токарного дела. Денисенко пристроил его своим подсобным. Ему пришлось для этого взять ещё добавочный станок. Было трудно, но он всё же справлялся.

Затем пошли рассказы о жизни потёмкинцев, об аресте Матюшенко в Бухаресте. Нелегко жилось матросам на чужбине. Но потёмкинские комитеты сплачивали черноморцев и помогали им переносить невзгоды и лишения эмигрантской жизни. Потёмкинцев можно было встретить всюду на территории маленькой Румынии.

Немало работало их в крупных имениях, где применялись сельскохозяйственные машины. Там нуждались в искусных руках потёмкинских механиков и слесарей. Некоторые из потёмкинцев, женившись на румынских крестьянках, осели на земле. Они выпадали из коллектива. Хозяйственные тяготы малоземельного румынского крестьянства целиком поглотили их.

Работа потёмкинских комитетов сказалась и па моих собеседниках. Выросли люди. Они следили за политической жизнью в России. Мечтали о свиданиях с Лениным. Копили деньги на поездку к нему.

Время далеко перевалило за полдень, когда мы спустились к Цюрихскому озеру. Достали большую лодку. На вёсла сели по-военному, каждый на одно весло. Получилась настоящая восьмёрка. Наша лодка птицей неслась по озеру.

На броненосце Кулик и Дымченко просили Кирилла и меня обучить матросов революционным песням. Мы не могли этого сделать. Мы хорошо знали тексты этих песен, но оба не умели петь. Не знали этих песен даже лучшие матросские певцы. И на корабле, где часто пели хором народные и матросские песни, никогда не раздавались чудесные мелодии, созданные русскими революционерами.

Эти песни потёмкинцы разучили в Бухаресте, в домике Арборе, где собирались русские политические эмигранты.

И теперь, выплыв на широкие просторы озера, друзья бросили вёсла и затянули сперва «Дубинушку», а потом другие революционные песни. Пели дружно и хорошо.

— Научились? — спросил я.

— Многому научились, — вздохнув, ответил Дымченко. — Если бы в ту пору столько знали, не упустили бы «Потёмкина».

Глубокая грусть звучала в его голосе.

Это было первое за всё время нашей встречи воспоминание о «Потёмкине».

Кулик мгновенно перевёл разговор. Видно, до сих пор они тяжело переживали ошибки потёмкинского восстания.

Через два месяца они уехали в Америку. Денисенко с несколькими матросами — в Канаду, а Кулик и Дымченко — в Южную Америку. В Аргентине и пропали следы двух этих героев «Потёмкина». В поисках работы они с группой товарищей шли пешком из одного города в другой. Под вечер на них налетели тучи комаров. Все бросились в реку. Дымченко почему-то избрал другой путь спасения. Обессилев от голода и не надеясь переплыть реку, он стал собирать хворост для костра. Прежде чем Дымченко успел разжечь его, он был весь искусан комарами. Ослабевший от голода и

скитаний организм не сумел справиться с заражением крови. Вернувшиеся за ним поутру товарищи нашли только мёртвое тело у потухшего костра.

Кулик похоронил верного друга, товарища по борьбе и скитаниям. Где-то в степи под знойным небом чужой страны затерялась могила строевого унтер-офицера Дымченко, беззаветно служившего своей родине. Кулик известил об этом потёмкинцев. Вскоре исчез в тех же степях и след самого Кулика, бесстрашного революционера с поэтической душой.

Глава VI

ВОССТАНИЕ РУМЫНСКИХ КРЕСТЬЯН

Весною 1907 года по всей Румынии вспыхнули крестьянские восстания.

В движении участвовали сотни тысяч крестьян. Они требовали, чтобы бояре и посредники⁵⁰ вернули им отчужденные у них земли. Восставшие захватывали имения помещиков, изгоняли посредников, сжигали экономии⁵¹, уводили скот.

Целый месяц длилась война правительства со своим народом. Это бросало тень на государственный строй страны. Румынские правители решили найти виновников. Проще всего было объявить, что это — зараза, внесённая в страну извне. Тут-то вспомнили о потёмкинцах.

О потёмкинцах вспомнили через несколько недель после того, как восстание было подавлено. В один и тот же день газеты консерваторов и либералов объявили потёмкинцев зачинщиками беспорядков. Очевидно, по этому вопросу договорились лидеры обеих партий. «Мы дали потёмкинцам убежище, — вопили газеты, — а они возмутили всю страну».

Это было вступление к репрессиям против потёмкинцев.

На другой же день было арестовано несколько членов потёмкинских комитетов — Бредихин, Солохин, Савотченко, Овчаров и другие. А дня через два в Кымпин и Плоешти, то есть в города, где жила основная масса потёмкинцев, нагнали войска с артиллерией. В Кымпине при выходе с завода во время обеденного перерыва были схвачены сорок три потёмкинец. Без вещей, даже не дав возможности сообщить об этом своим семьям, их отправили в Плоешти и посадили под замок в тюремные конюшни. Здесь уже находились двадцать три потёмкинца, арестованных в Плоешти. Каждый день прибывали всё новые партии арестованных матросов.

Условия заключения были тяжёлыми. В душных и тёмных конюшнях помещалось более ста потёмкинцев. Спать приходилось на истоптанной соломе. Арестованным объявили, что часовым приказано стрелять при малейшем проявлении протеста. Обвинений никаких не предъявляли.

Многие потёмкинцы успели обзавестись семьями в Румынии. Их жёны стали съезжаться в Плоешти. Женщины с ребятами на руках подняли настоящий бунт. Они ходили к прокурору, выстаивали часами на улице возле тюрьмы, собирая вокруг себя толпы народа. Мужественно борясь за освобождение своих мужей, женщины втягивали в борьбу рабочих, студентов и прогрессивную интеллигенцию Румынии. По всей стране начались митинги протеста. «Потёмкинцам грозит высылка в Россию». Эта весть облетела все европейские страны. Из Парижа, из Лондона, из Рима, из Берлина посыпались в адрес румынского правительства требования трудящихся освободить потёмкинцев. В Бурбонском дворце⁵² с протестом выступил Жан Жорес, основатель «Юманите» — впоследствии центрального органа Французской коммунистической партии. Каждая фраза этого народного трибуна громовым раскатом носилась над миром.

Румынское правительство отступило. Потёмкинцев освободили с условием, чтобы они не вмешивались в политические дела Румынии, не нарушали тишины и спокойствия. «Под страхом выдачи России», — гласило правительственное заявление. Кроме того, освобождённые потёмкинцы были отданы под надзор полиции города Плоешти. Это означало, что им запрещено было жительство в других городах. Плоешти — небольшой город. Он не мог предоставить работу такому количеству потёмкинцев. Им и их семьям грозила голодная смерть. Высылать их из страны после скандального ареста, о котором шумела вся прогрессивная Европа, было неудобно. Поэтому румынское правительство поставило потёмкинцев в такие условия, чтобы они добровольно и по собственной инициативе покинули страну. Возможно, что за кулисами действовало царское правительство.

Королевское правительство добилось своего. Загнанные в Плоешти потёмкинцы обратились к правительству с просьбой выдать им бесплатные паспорта и вспомоществование для переезда в другую страну.

Румынское правительство согласилось приобрести для потёмкинцев проездные билеты... до австрийской границы и выдать каждому по 50 франков.

На эти деньги можно было добраться только до Болгарии или Австро-Венгрии. Но болгарский царь Фердинанд выдавал

потёмкинцев русскому царю, а в империи Габсбургов свирепствовала тогда безработица.

Среди русских эмигрантских колоний в Женеве, в Париже и других городах начался сбор денег в пользу потёмкинцев. Русские политические эмигранты сами находились тогда в бедственном положении. Но люди отдавали последние гроши, чтобы как-нибудь помочь потёмкинцам.

В Париж, где я тогда проживал, прибыли два высланных из Румынии потёмкинца. Фамилии их точно не помню. Кажется, это были Костенко и Солохин. Я направил их в Лондон с письмом к вдове знаменитого народовольца Кравчинского (Степняка)⁵³.

Мария Павловна Кравчинская обладала обширными знакомствами среди прогрессивных кругов Лондона. Она энергично взялась за сбор денег в пользу потёмкинцев. В короткое время ей удалось собрать триста фунтов стерлингов. По тому времени это была довольно значительная сумма. На эти деньги удалось выписать в Лондон и отправить в Америку ещё десять потёмкинцев с их семьями. Перед отъездом потёмкинцев лондонские рабочие устроили в их честь митинг, в котором приняли участие около десяти тысяч лондонцев.

Глава VII

ДЕНИСЕНКО В КАНАДЕ

Денисенко в это время находился в Канаде. Приехал он сюда прямо из Швейцарии. Поселился сначала в Монреале. Здесь его застало письмо из Нью-Йорка.

«Ну чего застрял там? — писал ему Матюшенко. — Приезжай в Нью-Йорк, будем делать революцию».

В Нью-Йорке Денисенко работал вместе с Матюшенко на заводе швейных машин Зингер. Вскоре после отъезда Матюшенко в Париж Денисенко вместе с несколькими потёмкинцами переехал в город Бетлехем. У Денисенко возникла мысль основать потёмкинскую сельскохозяйственную коммуну в Канаде. Товарищи поддержали его. Накопив немного денег, «бетлехемские» потёмкинцы послали двух ходоков в Канаду. Близ Монреаля была ими куплена за пять тысяч долларов ферма в двести акров земли с хорошей постройкой, с лошадьми и сельскохозяйственными машинами. Малую часть денег потёмкинцы уплатили наличными, остальную сумму внёс за них банк. Коммунаров было семь человек (Бородин, Лычёв и др.).

Денисенко тотчас же написал в Румынию, чтобы ехали к нему потёмкинцы. Он уже знал об их плачевном положении и надеялся по приезду потёмкинцев прикупить ещё земли и устроить наконец на прочной основе их жизнь.

Увы, купленная в кредит земля оказалась довольно зыбкой основой. Банк безжалостно требовал уплаты в срок по выданным ссудам. Приходилось залезать в новые долги, уплачивая большие проценты. Началось обычное для малоимущих фермеров хождение по мукам. Долги росли, как снежный ком. Коммунары мужественно боролись. Для пополнения кассы коммуны часть их уходила на заработки в Монреаль. И всё же коммунарам удалось продержаться только год. Банк отобрал землю и инвентарь, а коммунарам пришлось разъехаться в поисках работы.

Денисенко не хотелось возвращаться в США, куда двинулось большинство коммунаров. Вместе с потёмкинцем Бородиным он подался в канадскую провинцию Саскачеван. Он знал, что в сельском хозяйстве там широко применялись машины. А там, где машины, нужны механики. Здесь и осел Денисенко, здесь и пропал его след.

После Октябрьской революции он прислал два письма своим русским друзьям. В одном из них он извещал о гибели Бородина, ноги которого попали в цилиндр молотилки.

В другом письме он писал, что его «корабль» застрял в Канаде. «Но машина ещё сильна, и мы в скором времени будем сниматься с якоря».

Неизвестно, что помешало Денисенко вернуться на родину. Возможно, что он погиб, как и многие другие потёмкинцы.

Глава VIII

КАТОРГА

Всеобщая октябрьская забастовка 1905 года вырвала у царя «манифест 17 октября». Манифест этот провозгласил весьма куцую амнистию для политических заключённых. По манифесту значительному большинству революционных узников суждено было и дальше оставаться в темницах. Царь не дал им свободу, но их освободил народ.

С утра 18 октября к воротам российских тюрем стали стекаться толпы трудящихся. Они требовали освобождения всех политических заключённых. Тюремное начальство перепугалось. Царская полиция всегда терялась, когда народ проявлял свою волю

и силу. Без малейшего сопротивления тюремщики выпускали на волю всех политических узников, независимо от того, попали они под манифест или нет.

Так случилось и в Москве. Администрация Бутырской тюрьмы освобождала заключённых по списку, составленному старостами тюрьмы. Освобождённых узников встречали восторженными криками и революционными песнями.

Этот радостный гул донёсся и до камер московской пересыльной тюрьмы. Там находились осуждённые на каторгу матросы-прутовцы. Их привезли сюда накануне. Заключенные не знали об их появлении в тюрьме. Староста политических заключённых не внёс их в свои списки. Администрация не сочла, конечно, нужным напомнить о них.

Матросы с замиранием сердца ждали своего освобождения. Внезапно гул стал стихать. Песни и крики доносились уже издалека. Всё стихло. В тюрьме наступила тишина кладбища. Рухнули надежды.

«О нас забыли», — с горечью думали матросы.

В ноябрьском выпуске 1905 года еженедельника «Право» появилось письмо заключённых прutowцев. Вот текст этого скорбного человеческого документа:

«Записка матросов, заключённых в московской тюрьме:

Товарищи! Мы, нижеподписавшиеся, бывшие матросы, находящиеся в настоящее время в московской центральной пересыльной тюрьме для следования в каторжные работы, слёзно просим вас, товарищи, и свободных граждан обновлённой России о нижеследующем:

Мы почти ежедневно читаем газету «Русское слово»; мы следили с тревожным чувством за теми волнениями русского общества, какие происходили в памятные для всех борцов за свободу дни октября месяца. Мы с радостью в сердце прочитали манифест от 17 октября с. г., дарующий полную свободу гражданам многострадальной нашей матушки-России. Но вместе с тем мы глубоко страдали, видя и слыша то радостное волнение г. Москвы, которое происходило 18 октября перед стенами нашей тюрьмы-могилы, когда товарищи-граждане пришли освободить своих товарищей, попавших в несчастную тюрьму в борьбе за свободу. Мы глубоко страдали, у нас у каждого слёзы на глазах стояли, но принять участие или разделить то радостное волнение, которое охватило всех находившихся около стен тюрьмы при освобождении товарищей, мы не могли. Одна радость в октябрьские дни была у нас, хотя и недолго. Мы думали, что при амнистии несчастным страдальцам за правду не забудут и нас. Но надежды наши не

оправдались: не сбылись наши глубокие думы о свободе. ...Описать горе, которое охватило нас, никакими словами, никаким пером невозможно. Все надежды рухнули, как сражённый бурей дуб. Все, все наши мечты, заветные мечты и думы разлетелись, как дым, невозвратно. Спрашивается, где же правда? Где её искать? К кому обратиться за нею? Ответа на это мы всю долгую службу не получали и не получим, думаем, и теперь. Горько писать эти строки, но ещё мучительнее всё это переносить. У нас у всех сердце кровью обливается, руки опустились. Мы люди тёмные и несведущие, не знаем, куда идти, к кому обратиться за помощью. И вот по неизъяснимому влечению мы решили обратиться к вам, товарищи, в надежде на вашу помощь, чтобы на ближайшем митинге вы напомнили о нас, прочитав эту записку, и тем помогли бы нам материально и нравственно.

Вместе с тем мы просим вас, чтобы вы напомнили, что в общем движении революционных партий флот сыграл немаловажную роль: он первым из всех категорий военных поднял открыто знамя восстания. Мы первые с оружием в руках поднялись против существующего деспотизма, хотя и с некоторыми своими требованиями, но сводящимися к одному девизу — свобода. И последствия этих восстаний, мы думаем, вам известны: некоторые наши товарищи расстреляны, многие уже томятся в Сибири; нас тут сидит тридцать пять человек, а сколько ещё впереди жертв из Кронштадта и с «Потёмкина».

Где же эта столь прославленная у нас правда? Где же, скажите, куда обратить свои взоры за помощью? Не сон ли это? О нет! Это горькая, мучительная действительность. Кандалы, побрякивая на ногах, напоминают ясно об этом.

Товарищи, простите нас за всё вышеизложенное. Это стон наболевшего сердца, стон измученных страдальцев за святое дело родной земли. Но довольно об этом. Мы хотели бы через вас, товарищи, напомнить о себе всем своим свободным гражданам.

Затем до свидания. Остаёмся с уважением к вам моряки-страдальцы: Николай Хинц, Иван Егоров, Константин Волоснухин, Шамсуд Хабибулин, Иван Фомин, Иван Токарев, Владимир Петров, Степан Лудков, Леонид Котиков, Гавриил Колёсников, Сергей Ткачёв, Иван Орлов, Яков Иванов, Григорий Оболенев, Николай Рынков, Яков Смирнов, Иван Субботин, Андрей Анненков, Алексей Комков, Михаил Темнов и др.»⁵⁴.

Партийные комитеты, военные ячейки, революционный Красный Крест спохватились и начали искать путей к бытырским пленникам. Но момент был упущен, и то, что легко могло

совершиться вчера, сегодня оказалось невыносимым: реакция оскалила зубы.

Матросов поспешили увезти из Москвы раньше, чем к ним подоспела товарищеская помощь.

Москва не успела освободить прUTOвцев; это сделала Чита. Пятнадцать матросов-прутовцев перевели из Москвы в акатуйскую каторжную тюрьму. В Чите в это время образовался Совет рабочих и солдатских депутатов. Узнав о прибытии прUTOвцев в Акатуй, Совет постановил освободить их. Во главе читинского Совета находился Виктор Курнатовский, испытанный революционер, один из старейших русских марксистов. Взяв с собой пять солдат и требование об освобождении матросов, Курнатовский отправился в Акатуй.

Под начальством смотрителя акатуйской каторги Фищева было семьдесят казаков и тюремные надзиратели. От Акатуя до Читы было около трёхсот вёрст плохой дороги. Если бы Фищев арестовал Курнатовского и пять сопровождающих его солдат, то не скоро пришла бы матросам помощь из Читы. Но Курнатовский предъявил требование с печатью Совета. Это была бумага. Бумага с печатью — закон для всех царских бюрократов, и Фищев освободил прUTOвцев.

Читинский Совет помог им покинуть Забайкалье. Несколько матросов вернулись к родным в свои деревни. Их, конечно, снова арестовали и сослали на каторгу. Но большинство освобождённых прUTOвцев скрылись.

Как известно, реакция, наступившая в 1907 году, начала устанавливать в каторжных тюрьмах небывалый по своей жестокости режим. По приказу царя тюремный режим политических преступников уравнивали с положением уголовных заключённых. Администрации было приказано обращаться к политическим на «ты», заставлять их вставать при появлении начальства, на них распространялось наказание розгами.

Особенно тяжело было положение каторжан из матросов.

Но ничто не могло, однако, поколебать их мужество.

Матросы участвовали во всех протестах и бунтах политических против жестокостей администрации. Многие из них — Воробьёв, Денисов, Киримов, Симоненко и другие — погибли в рудниках от жестоких наказаний за бунт и неповиновение.

Черноморский матрос Симоненко в течение трёх лет бойкотировал начальника шлиссельбургской каторжной тюрьмы: не разговаривал с ним, не вставал при проверке, не принимал из тюремной конторы даже писем из дому, не являлся по вызову начальства. Почти все эти три года Симоненко провёл в карцере. Его

перевели в знаменитый по своей жестокости Орловский каторжный централ. Но и здесь Симоненко не смирился, показывая всем узникам пример борьбы за звание революционера. К нему применили наказание розгами. Это было величайшее унижение. Симоненко в знак протеста уморил себя голодом.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла перед матросами двери тюрем и границы СССР.

Но немногие потёмкинцы сумели воспользоваться этим счастьем. Многие погибли на чужбине от голода, болезней и увечий, полученных на работе. Некоторые обзавелись семьями, окончательно осели в чужих странах. Многие из них умерли: с тех пор прошло пятьдесят лет.

В настоящее время в Румынии проживает ещё около восьмидесяти потёмкинцев. Большинство из них работают на заводах Плоешти и Констанцы. Все они — персональные пенсионеры, но продолжают участвовать в строительстве социализма в Румынской Народной Республике. Потёмкинцы Василий Бягин, Иван Гиблинов, Василий Пучин, Захар Куликов и другие являются членами Румынской рабочей партии. Бывший комендор Захар Куликов стал коммунистом, когда партия находилась ещё в подполье. Матрос Иван Шеблыкин при народной власти получил землю и стал сельским активистом.

Советское правительство высоко оценило революционный подвиг матросов броненосца «Потёмкин», наградив их в связи с пятидесятилетием со дня восстания правительственными орденами.

Часть третья

ТЮРЬМА И ПОБЕГ

Глава I

ПЕРВЫЕ ДНИ ТЮРЬМЫ

В полдень во двор вошла рота солдат, посланная начальником гарнизона Герцыком с приказанием препроводить арестованных в Феодосии матросов на военную гауптвахту. Нас было трое: Кошуба, Задорожный и я.

Целая рота для трёх арестованных! Это было смешно. Офицер, командовавший ротой, был, видимо, и сам смущён. Он долго расставлял солдат, стыдливо посматривая по сторонам.

Мы шли по пустынным улицам. Окна домов были плотно закрыты, но весть о нашем аресте уже разнеслась по рабочим кварталам. Откуда-то навстречу нам бежали люди. Скоро рабочая и учащаяся молодёжь окружила наш отряд. Нам кричали слова сочувствия. Какая-то девушка, пригнув голову, стремительно

бросилась сквозь строй солдат. Она успела добежать до Кошубы и передала ему букетик цветов. Солдат замахнулся на неё прикладом, но девушка, ускользнув, выскочила из строя.

Кошуба долго потом сохранял эти цветы.

На гауптвахте нас встретили ещё шесть потёмкинских матросов — Заулошнев, Горбач, Болдин, Молнев, Мартьянов, Тихонов. Их арестовали в трюме угольщика. Никто из них не был ранен.

Не успели мы обменяться приветствиями, как в караульную ввели матроса, по фамилии Кабарда. Это был тот самый матрос, который накануне удрал с «Потёмкина». Увидев меня, он воскликнул: «Да ведь это наш Студент!»

Предателя, конечно, немедленно увели из боязни, чтобы мы не расправились с ним. Это, впрочем, не спасло его от мести заключённых. Через десять дней, в феодосийской пересыльной тюрьме, мы через окно увидели Кабарду на тюремном дворе. Все тотчас же стали кричать во всю глотку: «Предатель!.. Кабарда!.. Долой предателя!»

Кабарду увели. Но цель была достигнута. Население тюрьмы было извещено.

В тот же вечер его увезли в больницу. Тюрьма в то время жестоко наказывала предателей.

На гауптвахте нас посадили в тёмные, сырые одиночки, окна которых были плотно закрыты тяжёлыми ставнями; свет и воздух проникали только через маленькие отверстия в дверях, выходивших в грязный коридор.

Однажды к дверям моей камеры подошёл какой-то солдат. Назвавшись барабанщиком Мочидлобером, он стал говорить о том, как тяжело ему думать о недавнем расстреле матросов солдатами.

— Я не могу молчать, я должен протестовать! — заключил он свою возбуждённую, нервную речь и тут же предложил мне помощь для побега.

Обстоятельства были довольно благоприятные: окно моей камеры выходило на улицу, где не было солдатского поста. Оно было невысоко; подошедший с улицы человек мог легко распилить решётку и освободить меня. Таким же образом можно было устроить побег и Кошубе. Мочидлобер взялся исполнить всё в эту же ночь.

Через несколько часов он стрелял в Герцыка.

Герцык, делая смотр солдатам, стал хвалить их за молодецкую стрельбу по матросам. И его полная цинизма речь прорвала накипевшее за эти дни в душе Мочидлобера чувство

обиды и злобы к палачу: он выхватил винтовку из рук стоявшего вблизи солдата и дал два выстрела по Герцыку.

Плохой стрелок (барабанщиков не обучали стрельбе), Мочидлобер первый раз промахнулся, а вторым выстрелом убил солдата. В отчаянии он бросился на Герцыка, думая заколоть его штыком. Но его схватили, прежде чем он успел добежать до командира.

Через месяц он был казнён.

Глава II

ПО ЭТАПУ

Через десять дней после ареста нас перевели в пересыльную тюрьму.

Ещё утром этого дня кто-то сообщил Кошубе, что ночью нас увезут в Севастополь, а днём к нам приходил штабной писарь и снимал с нас подробный допрос о наших именах, чинах и т. п. Во двор ввели несколько рот солдат.

В десять часов вечера послышалось бряцание шпор, раздались слова команды. В два часа ночи открыли двери моей камеры. Дежурный унтер-офицер произнёс обычное: «Собирайтесь».

Я быстро натянул сапоги, накинул солдатскую шинель и под конвоем нескольких солдат, ожидавших меня у дверей, вышел в караульное помещение.

Тусклая лампа слабо освещала собравшуюся массу людей. В центре помещения находились все арестованные в Феодосии матросы, переодетые в солдатское платье; кругом стояли солдаты с винтовками. Унтер-офицер торопливо бегал и шепотом давал солдатам какие-то инструкции.

Взглянув в окно, я увидел, что на улице и во дворе также стоят солдаты.

Вошёл офицер. Началась перекличка, раздалась команда, и мы тронулись в путь. Кошуба и я шли рядом.

Это шествие среди ночи удручающе действовало на нас. Почему-то казалось, что нас ведут на казнь.

Мы были окружены лесом штыков. В ночной тишине зловеще звучал ритмичный топот длинной, вытянувшейся солдатской колонны. Шли по глухим улицам, приближаясь к окраине города, и наконец вышли в поле. По странному стечению обстоятельств где-то раздался ружейный залп.

Внезапно из темноты выросла тюрьма. Медленно растворились тяжёлые ворота, и тёмный двор поглотил нас. Снова переключка и обыск, после чего всех нас поместили в пересыльное помещение. Здесь я впервые получил возможность поговорить с арестованными матросами.

В пересыльной тюрьме нас держали сутки, но за это короткое время представилась возможность побега.

Окна пересыльного помещения выходили в пустынный двор, служивший для прогулок. В нём не было специальной стражи, но изредка его обходили часовые, дежурившие в других дворах тюрьмы.

План был составлен таким образом: в шесть часов вечера, по окончании прогулок, мы с помощью переданного лома должны были проломить стену (работа эта не могла занять более двух часов) и через образовавшуюся брешь выйти во двор, а оттуда при помощи «кошки»⁵⁵ выбраться на улицу; здесь нас должны были ждать товарищи, которых заключённые предупредили о готовящемся побеге.

Но этот план не удался по нашей же собственной оплошности. Ещё утром мы потребовали от начальника тюрьмы прогулку. Он отказал нам. Тогда мы вызвали его к себе и грозились взбунтовать тюрьму, если наше требование не будет удовлетворено. Перепуганный тюремщик обещал удовлетворить наше требование. И когда в шесть часов вечера надо было начать ломать стену, нас вызвали на прогулку. Отказавшись от неё после настойчивых требований, мы могли возбудить подозрение начальства. Прогулка продолжалась целый час, а после нас во двор вывели гулять женщин. Только в восемь часов вечера мы могли начать работы. Но увы! Через полчаса нас вызвали в тюремную контору: за нами явился конвой.

Мы — в арестантском вагоне. У дверей стоят часовые с обнажёнными шашками. Остальные конвойные сидят между арестованными.

Входит офицер. Обращаясь к конвойным, он говорит:

— При малейшей попытке к бегству убивать без пощады.

— Слушаюсь! — отвечает унтер.

Офицер удалился, и всё вдруг изменилось: конвойные оставили свою напускную строгость.

В десять часов мы прибыли на станцию Джанкой; здесь стояли четыре часа в ожидании поезда из Харькова. Наш вагон, отцепленный от других, стоял не у станции, а далеко от неё, на полотне железной дороги.

Между тем этапная жизнь была в полном разгаре. Конвойные принесли кипяток и со вкусом распивали чай. Остальные обитатели вагона ели хлеб с солью и чёрную, как уголь, колбасу.

Я подсел к конвойным и стал беседовать с ними. Речь зашла о службе, о народном движении и, наконец, о «Потёмкине».

Конвойные сочувственно относились к революционному движению. Они подчинялись начальству из страха.

Зашёл разговор о побегах из севастопольских тюрем. По уверениям одного из конвойных, побег был возможен только из сухопутных мест заключения. В особенности легко было бежать из морских экипажей, где арестованных сторожили матросы.

Единственное место, откуда побег был совершенно невозможен, — плавучая тюрьма.

— Как попадёшь туда, тут и могила... Никуда не уйдёшь, — заметил один из конвойных.

Глава III

В ПЛАВУЧЕЙ ТЮРЬМЕ

В Севастополе конвойные матросы сообщили нам, что нас везут на плавучую тюрьму «Прут». И действительно, нас посадили в шлюпку.

Сияло июльское утро. Шлюпка остановилась у трапа «Прута». Дежурный матрос побежал докладывать командиру. Но тот, подойдя к трапу, заявил, что принять нас не может: на корабле нет свободных одиночек.

Минута напряжённого ожидания, смутных надежд — и вдруг чей-то голос:

— Тёмные есть!

Нас повели наверх. Командир стоял, окружённый морскими офицерами. Начальник армейского караула вызвал солдат и приказал обыскать нас. Затем нас повели в трюм.

Небольшое отверстие, ведущее в трюм, было почти наглухо завешено парусным брезентом, вероятно, для того, чтобы к заключённым не проникало слишком много света и воздуха. Зловоние и мрак окружили нас. Здесь содержались сотни арестованных. Воздух очищался при помощи одного вентилятора и маленьких иллюминаторов. В наскоро сооружённых камерах, рассчитанных максимум на восемь человек, содержалось по двадцать — тридцать арестованных.

Моя одиночная камера была длиной в три шага, а когда я выпрямлялся, то доставал головой до потолка. Иллюминатора не было, в камере было темно, как в колодце.

Ощупью нашёл я койку; сказались три бессонные ночи: я мгновенно уснул.

Проснувшись, я почувствовал, что тело моё горит. Пришлось отбиваться от полчища клопов. Я стал стучать, но получил ответ, что унтер-офицер ушёл с ключами. Я решил не ложиться больше на койку.

Правительство хотело поставить на колени своих пленников, сломить их революционную волю, заставить их говорить, выдать товарищей. Но матросы умели страдать; стиснув зубы, они переносили все утончённые пытки, придуманные тюремщиками. Если кто-нибудь слабел, ему на помощь приходили товарищи. Особенно твёрд был Кошуба.

Обедали узники все вместе. И во время этих встреч Кошуба всегда находил несколько слов, чтобы подбодрить товарищей. Когда не было слов, он затягивал песню и пел её так увлекательно, весело и задорно, что её подхватывали самые слабые и самые малодушные.

В такие минуты никто из начальства не решался заглядывать в трюм. Появится на мгновение унтер, скамандует: «Молчать!», и тут же уходит, смущённый твёрдостью людей, многим из которых грозила смертная казнь.

Не обошлось, конечно, без провокаторов.

Однажды на плавучую тюрьму приехал жандармский полковник для производства следствия. Вызвали и меня к нему. После непродолжительного допроса он приказал ввести кого-то. Солдаты ввели морского фельдфебеля.

— Этот? — спросил его жандарм, указывая на меня.

— Точно так, ваше высокородие. — Как назывался на броненосце?

— Ивановым Матвеем, ваше высокородие.

Дальше следовало сообщение о моей «преступной» деятельности.

Меня отвели в камеру. Вскоре на лестнице, ведущей в наше отделение, раздалось бряцание шпор.

— Отопри камеру! — раздался голос жандармского полковника.

Вблизи открыли чью-то камеру.

— Тебя зовут Иваном Задорожным? — донеслось до меня. — Знаешь его? — продолжал полковник, обращаясь, по-видимому, к тому же морскому фельдфебелю.

— Так точно, ваше высокородие. Самое первое участие принимал; в комиссии участвовал, офицеров убивал.

— А коли ты знаешь, кто я, так скажи: в какой я части служил? — нашёлся Задорожный.

— В машинной команде, — ответил фельдфебель. Провокатор на этот раз был уличён во лжи: Задорожный был комендором.

Доносчика отделили от остальных арестантов и поместили в маленькой каюте в передней части корабля.

Каюту охранял армейский часовой. И всё-таки через три дня предателя нашли мёртвым. В этот день начальник армейского караула вместе с жандармским ротмистром обходил все камеры и допрашивал заключённых. Начальство ничего не узнало. Тюрьма умела хранить свои секреты.

На третий день моего пребывания на «Пруте» меня вызвали в каюту капитана. Там сидел Алексеев. Как только меня ввели, он повернулся к кому-то и сказал:

— Да, это он.

На другой день моё имя было установлено, а ещё через день меня перевели в гражданскую тюрьму.

Кошуба, увидев, что меня уводят, стал выбивать двери своей камеры. Вырываясь из рук конвойных, я бросился к нему. Мы обнялись в последний раз.

Глава IV

В ГРАЖДАНСКОЙ ТЮРЬМЕ

Через полчаса меня привели в тюремную контору. Дежурный помощник вызвал надзирателей и приказал произвести обыск. После обыска меня поместили в тюремной больнице. Едва я успел войти в палату, раздался стук. Прислушавшись, я различил обычный вопрос:

— Кто сидит?

— Потёмкинец, — ответил я и услышал горячие приветственные слова.

Подошедший часовой прервал беседу. Но уже нескольких слов, сказанных товарищем, было совершенно достаточно, чтобы вселить в меня бодрость.

Утром следующего дня следователь по моему делу, военноморской судья полковник Воеводин, вызвал меня на допрос.

Меня предавали военно-морскому суду по обвинению в вооружённом посягательстве на целостность государственной власти в России. Обвинение основывалось главным образом на той из моих речей, в которой я убеждал матросов стрелять. Подробное показание о ней давал мичман Калюжный, присутствовавший на общем собрании команды.

Полковник Воеводин счёл своим долгом ознакомить меня с содержанием 100-й и 101-й статей Уголовного кодекса. Статьи грозили мне смертной казнью.

— Теперь вы предупреждены, — заметил он, когда я кончил чтение статей. — Военно-морской суд шутить не любит; ваше преступление перед государством огромно. От вашего дальнейшего поведения на следствии и суде зависит смягчение вашей участи.

Он посмотрел на меня выжидающе.

— Больше вопросов ко мне не имеете? — спросил я.

— Нет, — разочарованно ответил Воеводин. — Разрешите удалиться?

— Конвой, отвести арестованного в камеру! — сердито распорядился Воеводин.

Больничное здание севастопольской тюрьмы было расположено в небольшом дворе, отделённом от улицы каменной стеной. Отсутствие часовых, за исключением одного надзирателя, дежурившего в больнице, делало возможным побег. Я решил познакомиться с надзирателями поближе. В тюрьме каждый пост обслуживают два надзирателя, сменяя друг друга через каждые шесть часов. Один из них оказался поляком. На прогулках мы были одни. Он охотно разговаривал со мной. Рассказывая о себе, он говорил, что тюремная служба ему надоела и он бросил бы её с удовольствием. Из Польши он уехал только потому, что стыдно было перед товарищами служить в тюрьме.

Много рассказывал он о своей родине, о кровавых расстрелах, свидетелем которых был, и рассказывал так искренне, что не могло быть и сомнения в честности этого человека. Всё это так расположило меня к нему, что после трёхдневного знакомства с ним я предложил ему бежать вместе со мной. Поляк выслушал меня очень внимательно и нашёл побег вполне возможным, но окончательный ответ обещал дать вечером.

Через два часа его сменили; следующее его дежурство должно было начаться только в двенадцать часов ночи.

Томительно долго тянулось время, пока наконец наступила полночь. В коридоре раздался стук: пришла смена. Но, к моему удивлению, поляк не подошёл ко мне. Я провёл ещё несколько часов

в напряжённом ожидании и, решив, что он ещё раздумывает, лёг спать.

Однако на другой день у меня возникли подозрения. Случай помог мне. Товарищи передали мне газету, и я без всякой осторожности принялся за чтение. Вдруг кто-то подошёл со двора к моему окну и крикнул: «Спрячьте газету, ваш надзиратель заметил и донёс начальству!»

Не особенно доверяя этому сообщению, я всё-таки спрятал её. Через несколько минут в камеру вошёл старший надзиратель и потребовал газету.

— Ищите, если вам угодно, — ответил я. Обыск не дал никаких результатов.

— Чего же ты звал меня? — напустился старший на поляка.

— Да я сам видел газету в их руках, — виновато сказал тот.

— Плохо глядишь! — проворчал старший и вышел из камеры.

— Почему вы донесли? — обратился я к поляку.

— А не читайте так, чтобы вся прогулка видела. Я не могу из-за вас места лишиться.

Я понял, что напрасно доверился этому человеку.

В тот же день меня перевели из больницы в тюремный корпус, и спустя неделю я узнал от товарищей, что поляк передал начальнику тюрьмы весь наш разговор.

Глава V

ПЕРВЫЙ ПЛАН ПОБЕГА

С переводом в тюремный корпус кончилась моя изоляция, я получил возможность установить связь с городской организацией.

Через неделю я получил первую записку от друзей, приехавших из Одессы, в которой товарищи спрашивали, есть ли надежда на побег и что для этого надо предпринять.

Переписка была организована. Началась подготовка побега, в которой участвовало, кроме меня, ещё несколько политических заключённых.

С помощью нескольких товарищей по заключению я послал на волю план тюрьмы. С побегом надо было торопиться.

Дело в том, что я находился под военным судом и содержался в городе, который был на военном положении. Благодаря доносу больничного надзирателя власти были предупреждены о подготовке к побегу. Их подозрения усиливались

ежедневно, и надзор за мной с каждым днём делался всё строже. Всё это давало повод предполагать, что меня могут снова перевести на одну из плавучих тюрем.

«Вольные» принялись за подготовку плана, а мне оставалось вооружиться терпением.

В продолжение нескольких дней всё шло своим чередом. «Вольные» ежедневно осведомляли меня о ходе подготовительных работ. Я вёл себя чрезвычайно примерно, не вступал в пререкания с начальством, и казалось даже, что мне удалось усыпить подозрительность тюремной администрации.

Но однажды я разгневал начальника тюрьмы. Моя камера находилась на четвёртом этаже, мне было видно всё, что происходило на улице, и я попросил одного из организаторов моего побега пройти мимо здания тюрьмы. Тот исполнил мою просьбу. Это привело меня в такой восторг, что я стал горланить какую-то революционную песню. На беду в это время по двору проходил начальник тюрьмы. «Тише, перестаньте петь!» — кричали мне товарищи. Но, опьянённый восторгом, я не слышал их. Очнулся я уже в новой камере, на первом этаже, куда разгневанный начальник приказал перевести «соловья».

— Здравствуйте, товарищ, — раздался откуда-то сверху чей-то мягкий голос, лишь только тюремный надзиратель захлопнул дверь моего нового обиталища.

Я оглянулся и сразу понял, в чём дело: очевидно, сосед проделал отверстие в стене и говорил через него. Вскочив на скамью, я, не видя товарища, стал разговаривать с ним. Фамилия его была Мышкин.

Позднее, через месяц после своего освобождения, Мышкин был убит, сражаясь в рядах рабочей дружины в Феодосии во время черносотенного погрома.

Глава VI

НЕУДАЧА

Для успешного выполнения задуманного плана побега мне надо было попасть в другую камеру. По совету товарищей, я должен был за два дня до побега попросить начальника тюрьмы перевести меня в другое помещение на том основании, что работающий по соседству с моей камерой сапожник, «уголовный», своим стуком не даёт мне спать. Так как свободной камеры, кроме той, которая

нужна была для моего побега, не было, то предполагалось, что меня переведут именно туда.

Когда в шесть часов вечера ко мне вошёл для обычной проверки начальник тюрьмы, я обратился к нему с этой просьбой.

Его ответ был страшнее отказа:

— Да вам всё равно недолго здесь сидеть: скоро вас переведут в другую тюрьму.

«Скоро» на языке начальника тюрьмы значило «завтра». Завтра меня могли перевести на плавучку или в тюрьму, откуда побег будет невозможен. Наши опасения оправдались.

На Мышкина эта новость подействовала так удручающе, что даже мне пришлось утешать его. Мы снова стали перебирать план тюрьмы и вдруг обнаружили новую возможность побега. Всё можно было устроить в следующую ночь.

Я изложил новый план на бумаге и переслал товарищам.

Надо сказать, что, несмотря на всю нашу близость с Мышкиным, мы ещё не видали друг друга. Маленькое отверстие, через которое мы говорили, не позволяло ни одному из нас увидеть лицо собеседника. На прогулку нас выводили в одно время, но гуляли мы в разных дворах.

Я сообщил Мышкину о том, что хочу увидеть его.

— Ладно, — ответил он, — я сегодня откажусь от прогулки и буду сидеть у окна; таким образом мы увидимся, когда вас выведут гулять.

С нетерпением ждал я прогулки, и когда отворили двери моей камеры и надзиратель прокричал: «На прогулку!», я почти бегом бросился во двор.

За решёткой окна камеры Мышкина я наконец увидел его. Мышкин ободряюще улыбался мне. Как раз в эту минуту отворились тюремные ворота, и во двор вошли два конвойных солдата.

— За вами! — невольно вскрикнул Мышкин.

Он не ошибся: через несколько минут мне приказали собираться.

— Прощайте и будьте бодры, — прошептал Мышкин. Вскоре я уже шагал по тюремному двору к воротам; товарищи стояли у окон.

— Прощайте, товарищи! — крикнул я им.

— До свидания, товарищ!

ОПЯТЬ ГАУПТВАХТА

Мы шли пыльными улицами. Было жарко. Томила неизвестность. Из разговора с конвоирами я узнал, что меня ведут в штаб крепости, а оттуда направят в какую-то другую тюрьму. Больше солдаты сами ничего не знали.

Был табельный⁵⁶ день, и перед зданием штаба крепости происходил парад. Его принимал командир Черноморского флота, знаменитый царский палач, кровавый усмиритель черноморских восстаний адмирал Чухнин.

Внимание конвойных было полностью поглощено парадом. Кроме них, в помещении штаба никого не было. Выходная дверь была раскрыта настежь. За ней виднелась улица. Я сделал несколько шагов. Конвойные по-прежнему были поглощены парадом. Ещё шаг — и я у самого порога. Послышалось бряцание шпор. В дверях вырос офицер. Увидев меня у порога, он как-то досадливо махнул рукой. Конвойные, обернувшись, бросились ко мне. Я ожидал грозы.

— По распоряжению главного командира, вице-адмирала Чухнина, вас переводят на военную гауптвахту, — обратился ко мне вошедший, который оказался адъютантом начальника штаба, капитаном Олонгрэном. — Всякие заявления о книгах, продуктах вы можете делать мне лично при обходах. Но советую вам держать себя спокойно. На гауптвахте всё по-военному: винтовки заряжены, охрана имеет полномочия пускать в ход оружие... Конвой, — добавил он, — отвести арестованного на главную военную гауптвахту. — И, нагнувшись ко мне, неожиданно добавил: — Не бойтесь: ничего страшного нет. А если кто из караульного начальства обижать будет, сейчас же пишите в штаб мне, капитану Олонгрэну.

Глаза его лукаво улыбались.

Это был первый офицер, в котором я ощутил сочувствие. Конвойные окружили меня, и мы тронулись. Солнце уже перевалило за полдень, когда мы пришли, наконец, на гауптвахту.

Это было двухэтажное здание, обнесённое со всех сторон высокой стеной.

Небольшая дверь, около которой ходил часовой, вела в большую и светлую комнату — караульное помещение, наполненное солдатами. Здесь меня обыскали и через длинный коридор повели в камеру.

Тяжёлая, обитая железом дверь захлопнулась за мной. Я очутился один в довольно большом и светлом помещении. При первом же беглом осмотре его я понял, что побег отсюда чрезвычайно труден. Толстые стены, окна с прочными решётками, часовые у окон и дверей — всё это, казалось, исключало возможность побега.

Маршируя в таком настроении из угла в угол, я почувствовал, что кто-то стоит у моего волчка⁵⁷. Я подошёл к двери.

— Не нужно ли чего в город передать, господин Студент? — раздался чей-то голос.

— А вы кто такой? — спросил я говорившего.

— Сторож при гауптвахте.

Я, конечно, согласился на его предложение, и через несколько минут сторож отправился в город с запиской.

Вечером Бурцев (так звали сторожа) вошёл в мою камеру и передал ответ товарищей. Теперь только я разглядел этого человека, сыгравшего впоследствии такую важную роль в моей жизни.

У него были длинные русые усы, слегка калмыцкие скулы, юмор светился в его глазах.

— Если хотите, я завтра могу ещё одну записочку снести, — сказал он.

— Ладно, — ответил я, — завтра поговорим. Бурцев удалился.

Несколько дней прошли в самой пустой переписке. Ясно было, что обе стороны, то есть я и «вольные» товарищи, с одной стороны, и Бурцев — с другой, смотрят на эту переписку, как на подготовку к чему-то другому, более важному.

В таком выжидательном положении прошла неделя.

Переписка не занимала пока у меня много времени, и, пользуясь этим обстоятельством, я стал наблюдать жизнь тюрьмы.

В шесть часов утра сторожа-солдаты входили в камеру арестованных и гасили лампы. Через несколько минут дежурный унтер-офицер отворял камеры: арестованные начинали уборку и шли умываться. Продолжительность этой уборки всецело зависела от дежурного унтера. Если он был «человеком», то отворял одновременно все одиночки и уборка длилась два-три часа. Арестованные ходили по камерам, разговаривали и отдыхали от одинокой жизни в своих клетках. Заключение в одиночке переносилось особенно тяжело в военной тюрьме, где арестованным запрещалось иметь какие бы то ни было книги. Понятно, что общение во время уборки вносило большое разнообразие в жизнь арестованных, и они были глубоко благодарны тем унтер-офицерам,

которые удлинляли его. Это умение заключённых ценить человеческое к себе отношение ярко проявилось в одном факте, происшедшем на севастопольской гауптвахте незадолго до моего прибытия туда.

В одной из общих камер подготавливался побег. Арестованные — их было семь или восемь человек — сняли несколько досок с потолка и завесили его полотном; они должны были бежать через приготовленный таким образом пролом.

Но как раз в этот день на гауптвахте дежурил унтер-офицер, хорошо относившийся к арестованным. И вот, когда всё уже было готово, один из арестованных сказал:

— Слышь, ребята, ведь мы унтера-то подводим, а он «человек». Это негоже, надо бы другого подождать, шкуру какую-нибудь.

Остальные согласились, и побег был отложен. Но на другой день, как на беду, снова явился хороший унтер, и побег вторично был отложен. Эта история продолжалась пять дней, и всё это время, только для того, чтобы не подвести под суд человека относившегося к ним унтер-офицера, люди жили в камере с плохо скрытым проломом, рискуя ежеминутно попасться.

На шестой день пролом был обнаружен.

Но вернёмся к рассказу о дневном распорядке на гауптвахте.

В десять часов утра раздавался бой барабана, извещавший о приходе новой смены часовых, и все камеры закрывались. Начиналась поверка. Обыкновенно она происходила в присутствии двух офицеров.

Поверка кончалась обыкновенно к обеду; камеры снова открывались, и, если дежурил хороший унтер, снова часа два арестованные проводили вместе. В шесть часов вечера был ужин и вечерняя поверка. Вносились лампы, и арестованные запирались на ночь.

Но если внешним складом гауптвахта мало чем отличалась от гражданской тюрьмы, то взаимоотношения её обитателей были совсем другие.

Все жители гражданской тюрьмы резко делились на два враждующих лагеря: на заключённых и охрану. Совсем другое было на гауптвахте. Самая незначительная часть направляемых на гауптвахту солдат была повинна в уголовных преступлениях. Большая же часть заключённых содержалась за чисто военные проступки.

Естественно, что такие арестованные не чувствовали себя преступниками.

С другой стороны, и солдаты, которые стерегли заключённых на военной гауптвахте, не чувствовали себя тюремщиками. Попадая раз в месяц «в тюремный наряд», они встречались здесь с такими же солдатами; каждый из них мог попасть сюда за аналогичное «преступление». И никакой вражды не могло быть между этими людьми.

Поэтому, когда на гауптвахте начинался бунт, солдатский караул уводили. На него не надеялись. Для усмирения заключённых приводили специальные части.

Глава VIII

ПЛАН ПОБЕГА

Однажды, передав мне записку с воли, Бурцев лукаво подмигнул и сказал:

— Ну что же, господин Студент, бежать надо?

— Не мешает, — спокойно ответил я. — А разве отсюда уйдёшь?

— Уйти-то можно, только бы деньги были, чтобы солдат подкупить.

— Ладно, — ответил я. — Переговори сегодня с «вольными».

Снова начались тревожные дни подготовки побега. Караул на гауптвахте менялся ежедневно. Но, кроме часовых, здесь были ещё сторожа, исполнявшие чисто хозяйственные функции. Они приносили арестованным обед и ужин, гасили свет, убирали коридоры.

Сторожа эти (всего их было шесть человек) жили на гауптвахте, а начальником их был Бурцев, состоявший в чине ефрейтора. Сторожам запрещалось подходить к камерам арестованных в отсутствие унтер-офицера. Благодаря этому сношения со мной были крайне затруднительны, и понадобилась вся изворотливость и смыслённость Бурцева, для того чтобы наладить частую переписку и продолжительные переговоры.

Бывало в двенадцать часов ночи я просыпался от стука. Передо мной стояли унтер-офицер и Бурцев с чайником кипячёной воды в руке.

— Вам фельдшер приказал на ночь кипяток; получите, — обращался он ко мне, ставя чайник на стол и ловким движением подкладывая под него записку. Приходилось начинать чаепитие.

Утром надо было просыпаться с зарёй, чтобы не пропустить удобного момента для передачи ответной записки. И целый день проходил в ожидании.

После двухнедельной переписки было намечено несколько планов. Один из них состоял в следующем. Я уже говорил, что утром арестованных выводили умываться. Умывальники были расположены в небольшом коридоре, который соединялся с караульным помещением. Против же самых умывальников находилась небольшая комната, служившая цейхгаузом⁵⁸. Рядом с ней находилась надзирательская — помещение для сторожей. Сторожа носили особую форму и благодаря этому могли свободно входить и выходить из гауптвахты. За короткое время дежурства часовые не могли узнать в лицо сторожей. На этом последнем обстоятельстве мы и построили довольно простой план побега.

В то утро, когда будет дежурить «хороший» унтер, Бурцев устроит проветривание тюремных постелей. Арестованные выносили их в эти дни в цейхгауз, из которого сторожа таскали их во двор гауптвахты.

Выйдя в этот день умываться вместе с несколькими арестованными, я должен был незаметно, в тот момент, когда Бурцев отвлечёт внимание часовых, войти в цейхгауз, быстро переодеться в заранее приготовленную форму тюремного сторожа, накинуть на голову тюфяк и выйти на улицу.

Однажды вечером Бурцев сказал мне, что завтра этот план можно будет осуществить. На другой день, действительно, уже в шесть часов утра открыли камеры, и арестованные толпой пошли умываться. Открыли и мою камеру; сквозь решётчатую дверь, отделявшую наш коридор от другого коридора, я увидел сторожей, выносящих тюфяки, и Бурцева, показывающего солдатам какие-то открытки. Я готов был двинуться, но Бурцев не дал мне условного пароля. В ожидании я занялся уборкой своей камеры, кончил и это дело, а Бурцев всё не давал пароля. Мне и в голову не приходила мысль, что Бурцев мог забыть об этом. Когда он опомнился, было уже поздно.

На другой же день мы наметили новый план побега.

Принцип его был одинаков с вышеописанным. Я должен был выйти из гауптвахты под видом тюремного сторожа. Но для этого мы решили воспользоваться другим моментом — тушением фонарей. Фонари эти находились перед входом в здание гауптвахты и во дворе.

Обыкновенно перед рассветом один из сторожей выходил для этого на улицу и, завернув за угол здания, входил через ворота во двор.

Таким же образом, переодевшись в форму сторожа, должен был выйти и я.

Однако и этот план был затруднён тем обстоятельством, что в караульном помещении находились все свободные от дежурства солдаты караула во главе с унтер-офицером. Они легко могли узнать меня, тем более, что караульное помещение было хорошо освещено.

Поэтому наш план несколько видоизменился.

В три часа ночи я должен был выйти в большой коридор, повернуть направо, в небольшую комнату, войти в цейхгауз, переодеться там и, выйдя снова в коридор, пройти через офицерскую комнату, находящуюся против цейхгауза. Офицерская комната выходила в караульное помещение около самой двери на улицу. Таким образом, я мог пройти через караульное помещение так быстро, что находившиеся здесь солдаты не имели бы времени узнать меня.

На пути осуществления этого плана были три трудности: во-первых, по коридору, где находилась моя камера, день и ночь шагал часовой; во-вторых, моя камера была постоянно заперта и ключ от неё находился у дежурного унтер-офицера; в-третьих, наконец, в офицерской находились караульные офицеры. Часовой, отсутствие ключа, офицеры — таковы были препятствия, которые нам надо было преодолеть.

Однажды Бурцев напоил дежурного унтера и снял на воск профиль ключа от одиночных камер. На воле товарищи без особых затруднений приготовили по этому профилю ключ.

Ещё проще «обошёлся» Бурцев с офицерами. Он заявил, что офицерская нуждается в ремонте. Офицеров перевели в другую комнату. Нам осталось решить одну только задачу: как обойти часового в коридоре. Но эта задача была почти неразрешима.

Военная гауптвахта — не гражданская тюрьма, где тюремщики не сменяются годами. Каждый день на гауптвахту являлась другая рота гарнизона. Следовательно, на сговор с часовым в нашем распоряжении было всего двадцать четыре часа. Однако фактически мы не располагали и этим временем, так как каждый пост обслуживался тремя сменами, по два часа в каждую. Таким образом, для того чтобы завязать знакомство с часовым, договориться с ним о помощи и организовать побег в его смену, в нашем распоряжении было всего шесть часов, и то урывками, по два часа в каждую смену. Предприятие это было почти безнадёжным. Надо было оставить мысль о сговоре с часовым.

О том, чтобы связать часового, нечего было и думать: малейший шум во внутреннем коридоре должен был вызвать тревогу.

Поэтому решено было его усыпить. Товарищи приготовили наркотические папиросы, которыми Бурцев должен был угостить часового. Сначала Бурцев сочувственно отнёсся к этому плану, но когда надо было приступить к делу, он под разными предлогами стал откладывать его выполнение. В конце концов он заявил, что считает этот план рискованным, и стал настаивать на необходимости сговора с часовым.

Глава IX

ПРЕДАТЕЛЬСТВО УНТЕР-ОФИЦЕРА СХИРТЛАДЗЕ

Случилось так, что, в то время как я сидел на севастопольской гауптвахте, там было всего несколько политических заключённых.

Единственным политическим заключённым во внутреннем коридоре гауптвахты был унтер-офицер Схиртладзе. Он привлекался к суду по делу о принадлежности к военной организации партии социалистов-революционеров. Камера Схиртладзе находилась как раз напротив моей, и мы встречались во время утренней уборки. Я обсуждал с ним все планы побега и часто пересылал через приходившую к нему на свидание жену записки на волю. Особенно часто я это делал в первое время нашего знакомства с Бурцевым, в тот период, когда мы ещё не очень доверяли ему. Нет никакого сомнения, что вначале Схиртладзе вполне добросовестно помогал мне. Не раз он выводил меня и Бурцева из самых тяжёлых положений.

В конце июля Гнедышева, жена Схиртладзе, сообщила ему, что жандармы арестовали всю военную организацию социалистов-революционеров. По всем признакам, жандармы получили точные доказательства участия Схиртладзе в организации. До сих пор у военных властей, арестовавших Схиртладзе, были лишь подозрения. Он надеялся, что дело его скоро прекратят за отсутствием улик. Теперь же оно принимало серьёзный оборот, и прежде всего потому, что переходило в руки жандармов.

Вечером Схиртладзе рассказал мне обо всём этом. Он был очень подавлен — боялся каторги. Я успокаивал его как мог. Но мои утешения действовали мало. 6 августа Гнедышева снова была у Схиртладзе и долго сидела в его камере⁵⁹. Очевидно, на этом семейном совете и решено было предать меня для облегчения участи Схиртладзе.

Вскоре после этого Схиртладзе предложил мне передать с Гнедышевой записку в город. Я воспользовался этим предложением. Записку я написал не зашифрованную. В ней я довольно откровенно говорил о ближайших своих намерениях, связанных с побегом. Эту записку Гнедышева должна была отнести одному из организаторов побега — Канторовичу. Но, как выяснилось потом, записку мою Схиртладзе оставил у себя как вещественное доказательство, а сам отправил Гнедышеву в штаб крепости к капитану Олонгрэну с устной просьбой вызвать его на допрос для важного сообщения. Не дождавшись вызова на допрос, Схиртладзе 12 августа отправил с Гнедышевой капитану Олонгрэну записку, в которой излагал сущность своего важного сообщения.

Вот текст этой записки:

«Его высокоблагородию и. д. Комендант. Отд.⁶⁰

Ваше высокоблагородие, приезжайте на главную гауптвахту и начинайте на меня кричать, как будто я имею переговоры с Фельдманом и он у меня передаёт записки и как будто эти записки я даю женщине, чтобы она отнесла в дом Лама на квартиру Канторовича. Вы мне скажете, что Вы отберёте её пропуск и никогда не пустите её на свидание ко мне, и когда уедете вызовете меня на допрос, я Вам покажу какие записки пишет Фельдман и кто ему помогает. Один человек старается как-нибудь его выпустить от суда и у них есть такие планы, что очень просто что и выпустят. Только прошу Вашему Высокоблагородию, чтобы из арестованных никто не знал, что это я сказал вам. Вы сами знаете, что тогда здесь, произойдёт⁶¹, а после допроса мало я боюсь, чтоб меня обвинили по этому делу. Фельдман каждый день получает через этого человека письмо и также сам пишет. Только Вы Ваше высокоблагородие не трогайте этого человека до моего допроса, который назначен почтальоном. Запасный ст. унтер-офицер Схиртладзе».

7 августа Гнедышева была у мужа и заявила мне, что мою записку она передала. Между тем в записке, которую мне принёс в этот день Бурцев с воли, не было условного сигнала о получении записки, переданной через Гнедышеву. Это показалось мне подозрительным.

8-го утром я получил новое доказательство предательства. В этот день дежурный караульный начальник отправил в штаб крепости заявление о необходимости учредить ещё один пост часового в коридоре, возле дверей моей камеры, «ввиду подозрительного поведения арестованного Фельдмана, явно замышляющего побег».

Бурцев высказал подозрение о доносе. Мы стали остерегаться Схиртладзе. Но было уже поздно. С минуту на минуту

должен был быть арестован Бурцев, а может быть, и «вольные», поскольку явка на квартире Канторовича была известна предателю.

Глава X

ПОБЕГ

Это было в то самое утро 12 августа, когда Схиртладзе послал свой донос капитану Олонгрэну.

На гауптвахте раздался барабанный бой. Новая рота севастопольского гарнизона вступила в караул.

В двери щёлкнул замок. Вихрем влетел Бурцев. Поставив на стол чайник с кипятком, он успел шепнуть: «В третьей смене подходящий человек. Действуй!» И так же быстро исчез. Видно, был очень взволнован.

На меня это сообщение не произвело никакого впечатления. Грустный опыт с надзирателем, предавшим меня в гражданской тюрьме, заставлял быть настороже. Я был уверен в предательстве Схиртладзе и ждал либо перевода в другую тюрьму, либо усиления надзора. Было страшно лишь за Бурцева и товарищей на воле. Накануне в записке, посланной через Бурцева, я предостерегал их о возможности арестов. Просил на время, до выяснения положения, всё оставить. Я решил поэтому не вступать ни в какие переговоры с часовым, тем более, что камера Схиртладзе находилась напротив моей.

На двери моей камеры была приклеена записка: «По распоряжению главного командира Черноморского флота и укрепленного района Севастополя, здесь заключён студент Константин Фельдман».

Эта надпись, по мнению Чухнина, должна была вызвать у караульных сугубое против меня предубеждение. Но в атмосфере 1905 года она фактически обеспечивала мне сочувствие всех часовых, умевших читать.

Часовой третьей смены первый начал со мной беседу.

— Как вы сюда попали? — спросил он меня через волчок.

Я рассказал ему о причине моего ареста.

Штрык (так звали часового) слушал меня с напряжённым вниманием. Когда я кончил, он стал рассказывать о своей тяжёлой, полной унижения и горя солдатской жизни.

— И для чего всё это делают с нами, не знаю. Вот мне через три месяца уже срок кончается, а нас на войну, говорят, скоро погонят. Пойду и я; убьют меня. А зачем? Ради кого?

— Ну, в таком случае, — сказал я, поняв, что наступает удобный момент действовать решительно и прямо, — я помогу тебе, но ты уж возьми и меня с собой. Согласен?

В первую минуту он опешил:

— Да что вы, разве отсюда можно уйти? Ведь это могила.

— Ну, уж это другой вопрос, — сказал я ему. — Задача облегчается тем, что у нас тут есть верный друг и помощник. Если ты согласен помочь мне в этом деле, то он подойдёт к тебе через час и расскажет весь план, и, если найдёшь его хорошим, действуй с нами.

Часовой согласился.

Сразу навалилось много дела.

Надо было написать записку Бурцеву и объяснить ему, как говорить с солдатом. Надо было обдумать всё до малейшей мелочи и известить «вольных». В числе разных указаний я написал Бурцеву, чтобы он не забыл приготовить машинку для стрижки, больших размеров сапоги и кушак.

Кушак был особенно важен, так как у всех арестованных отнимались кушаки и отсутствие его могло бы вызвать подозрение у первого встречного. Едва успел я окончить это письмо, как в мою камеру вошли два солдата и дежурный унтер-офицер.

— На прогулку!

Я не хотел показываться лишний раз в караульном помещении и, сказавшись больным, отказался от прогулки.

— Пришлите только кипяток, — сказал я унтеру, очень обрадовавшемуся моему отказу.

Через несколько минут Бурцев был уже в моей камере с чайником в руках. Как раз в эту минуту в коридоре раздался чей-то крик, унтер-офицер отвернулся, и, воспользовавшись этой минутой, я передал Бурцеву записку.

Было шесть часов вечера, когда Бурцев известил меня об окончательном согласии Штрыка действовать с нами.

Я снова продумал весь план побега. Всё было уже готово и предусмотрено. Даже одеяло для устройства чучела было приготовлено заранее. До смены, в которую я должен был бежать, оставалось ещё девять часов.

«Однако как долго придётся мне ещё сидеть тут!» — подумал я.

Подумал и вспомнил, с каким трепетом и восторгом думал я вчера только о долголетней каторге. Вчера не было ничего впереди, а сегодня — целая жизнь.

Пробило семь часов вечера.

Штрык снова появился в коридоре.

— Что нового? — спросил я его.

— А вот записка, — и он передал мне записку с воли.

«Всё будет приготовлено, — писали друзья. — Вы выйдете с Бурцевым. Штрык передаст свой пост другому часовому и выйдет позже вас. Под горой и вас и его будут ожидать товарищи. Бурцев подведёт вас к нам.

Пароль: «Анюта». Будьте тверды и спокойны».

— Ну вот, видите, как товарищи заботятся о нас... С такими помощниками можно не сомневаться в успехе, — сказал я Штрыку.

— Я не боюсь, — ответил часовой, — только одно меня беспокоит: что, если товарищи не будут ждать меня? Куда я пойду? Я не знаю в городе ни одного человека.

Я дал ему адрес Канторовича.

Теперь надо было предохранить себя от вмешательства Схиртладзе.

Воспользовавшись тем, что он попросился в уборную, я также постучал в дверь. Нас вывели вместе.

— Ну, как дела? — спросил он меня, как только мы очутились в уборной.

— А дела такие, — сказал я ему, — что издавна в тюрьме существует обычай — пришивать предателей.

Схиртладзе начал что-то испуганно лопотать.

— И если я ещё раз замечу тебя у волчка, утром или вечером, днём или ночью, — прервал я его, — то сообщу о тебе ребятам, и тогда сам знаешь, что будет.

В одно мгновение этот человек изменился до неузнаваемости. Его лицо вдруг вытянулось, посерело, он стал дрожать, как в лихорадке. Он, кажется, готов был упасть на колени и молить о пощаде...

В девять часов вечера кончилось дежурство Штрыка. На пост вступил тот самый часовой, который должен был заменить его после побега. Его надо было приучить к виду чучела. Я лёг на койку и, накрывшись одеялом с головой, притворился спящим.

Тихо, томительно тихо было на гауптвахте. Кругом всё замерло. Только за окном раздавались шаги часовых, да по временам доносилось протяжное и гулкое «слушай».

Но вот раздался условный стук в дверь; я вскочил: у дверей стоял Штрык.

— Приготовьте чучело.

Я соорудил чучело и покрыл его одеялом.

Но ключ не подходил к замку.

В нашем распоряжении оставалось полтора часа. Сделать за это время новый ключ не было никакой возможности.

— Ну что, как дела? — раздался из окна, выходящего во двор гауптвахты, голос Бурцева.

— Ключ не подходит, — сказал Штрык, обращаясь к нему.

Бурцев взял ключ и побежал к товарищам, дежурившим недалеко от гауптвахты.

К счастью, среди них оказался слесарь. Он тут же подпилит ключ, и когда Бурцев снова принёс его, Штрык открыл им дверь без труда.

— Ну, сейчас надо выходить, — сказал он, когда я кончил бриться. Но в эту минуту снова выросло неожиданное препятствие.

Как раз в этот день на гауптвахте дежурил «плохой» унтер-офицер. В таких случаях заключённые мстили ему единственным имеющимся в их распоряжении способом: не давали возможности унтеру спать целую ночь, просясь из камер.

И вот в два часа ночи раздался стук в дверь, за ним другой, третий...

Теперь я снова не мог выйти, так как уборная находилась в коридоре. И там же находился унтер.

Время шло.

— Половина третьего, — шепнул мне Штрык, проходя мимо камеры.

Ещё полчаса — и всё потеряно. Арестованные продолжали стучать.

«Остаётся двадцать минут. Что ещё нужно делать?» — спросил я себя.

Вспомнил: нужно держать себя в руках.

— Осталось пятнадцать минут, — снова раздался шепот Штрыка.

Стук внезапно прекратился.

— Идите, — сказал Штрык, снова отворяя дверь моей камеры.

Я побежал в цейхгауз. Едва я вбежал туда, пробило три часа.

Сейчас будут сменяться часовые.

Я стал надевать на себя солдатскую форму и тут убедился, что мои напоминания Бурцеву о кушаке и сапогах оказались напрасными: кушака не было, а приготовленные сапоги не лезли на ноги. Это вывело меня из терпения. Я с бешенством набросился на Бурцева, когда тот вошёл в цейхгауз.

— Ну, об этом не беспокойся, — ответил он. — Вместо кушака получай шинель, а сапоги сейчас достану.

С этими словами Бурцев вышел из цейхгауза. Я с любопытством стал следить за ним через коридорную дверь, сделанную из железных прутьев, недоумевая, где может он достать в

такое время сапоги. И вот вижу, как мой Бурцев вошёл в караульное помещение и, оглядев ноги спящих солдат, стал стаскивать с одного из них сапоги.

— Чаво? — пробурчал тот сквозь сон.

Под смех бодрствовавших солдат, принимавших всю эту историю за шутку, Бурцев невозмутимо продолжал своё дело.

Через две минуты сапоги были на мне.

Эти пришлись впору.

— Ну, теперь идём, — сказал Бурцев.

Мы вместе пошли в офицерскую. Тут я остановился на минуту, а Бурцев прошёл вперёд. Когда я вышел на улицу, он уже стоял на площадке.

— Вот, бери лесенку и иди туши сперва во дворе, а потом тут, — громко сказал он мне, указывая на лестницу, стоявшую у фонаря.

Ленивой, сонной походкой я пошёл вдоль гауптвахты.

— Да скорее. Пошевеливайся! — крикнул Бурцев. Немного ускорив шаг и свернув за угол, я оказался на свободе.

Глава XI

НОЧНЫЕ СТРАНСТВИЯ

Навстречу мне шёл патруль. Хотелось бежать, а надо было идти медленной, спокойной походкой. И вдруг я услышал за собой топот бегущего человека. Кто-то схватил меня за руку.

— Бежим, Костенька, бежим!

Это был Бурцев. Он вдруг потерял самообладание.

Бежать в солдатских шинелях почти на виду у гауптвахты было безумием. Но напрасно я успокаивал Бурцева. Он тащил меня всё дальше и дальше и остановился только тогда, когда мы пробежали мимо того места, где нас ожидали.

Товарищи, ожидавшие нас, заметив две бегущие фигуры, бросились было за нами, но, увидав, что никакой погони нет, решили, что это не мы, и вернулись на старое место. Прождав нас ещё некоторое время, они предположили, что всё сорвалось, и ушли.

— Ну что теперь будем делать! — вскричал Бурцев, хватая себя за голову.

— Ты знаешь какой-нибудь адрес? — спросил я его.

— Нет.

— А квартира Канторовича?

— Туда нельзя идти в солдатском, там много полиции. И действительно, я был без кушака, и каждый городской мог арестовать меня за непорядок.

— Знаешь ты товарища, у которого можно было бы переодеться?

— Есть у меня хороший человек на примете, — вымолвил он. — Кум мой. — И повёл меня к нему.

Только войдя в низенькую, душную комнату, я при тусклом свете маленькой керосиновой лампы разглядел дворницкую бляху на висевшем на стене тулупе. Как известно, дворники при царском режиме несли полицейскую службу.

Но было уже поздно. Бурцев стал уговаривать кума снести записку, обещая ему за это пять рублей.

— Да иди ты к чорту! В эдакий час! Какую там записку? — огрызнулся дворник.

Обрадовавшись ответу, я толкнул рукой Бурцева:

— И впрямь пойдём.

Но кум внезапно изменил своё решение:

— А что же, давай снесу.

Нам обоим стало вдруг ясно, что кум пойдёт предавать нас. Я подскочил к дворнику и нанёс ему сильный удар по голове. Бурцев другим ударом опрокинул его на пол. Связав его, мы выскочили, замкнув снаружи дверь.

Снова мы без толку бродим по улицам... Где-то за нами увязался случайный ночной полицейский обход. Раздались свистки, началась погоня. Нам удалось скрыться.

Опять Бурцев ведёт меня к «хорошему человеку», уверяя, что на этот раз всё будет хорошо.

— Куда ты ведёшь меня? — шепнул я ему, заметив у дверей домика бело-чёрный полосатый шест — отличительный знак гауптвахты.

Но Бурцев уже втащил меня в маленькую комнату и разбудил спящего на койке солдата.

Мы были в маленькой «сторожке», служившей военным карцером, где солдаты отбывали кратковременные дисциплинарные взыскания. Часовых здесь не было. Арестованных обслуживал военный сторож, который принадлежал к сторожевой команде главной гауптвахты и поэтому был подчинён Бурцеву.

Теперь Бурцев, растолкав его, попросил снести в город записку.

Солдат с недоумением и явным беспокойством смотрел на Бурцева. Видно, он почуял что-то неладное. Я косо поглядывал в угол, где стояла винтовка.

Солдат вдруг вскочил со своей койки и, упав перед Бурцевым на колени, завопил:

— Андрей Дмитриевич, уйди! Христом-богом прошу, не заставляй на душу грех принимать!

Бурцев пробовал было настаивать.

— Подожди, — сказал я, отстранив Бурцева и обратившись к солдату. — Есть у тебя лишний кушак?

— Да вот, — арестованных.

Он открыл сундук и вытащил целую пачку солдатских кушаков. Я схватил первый попавшийся.

— Получай за кушак!

Бросил ему свою шинель, схватил Бурцева за руку и увлёк его за собой из сторожки.

Было уже утро, когда мы вышли на улицу.

Мы были на окраине города. До Нахимовского бульвара, где находилась квартира Канторовича, было очень далеко. От утренней проверки нас отделяли считанные минуты. Если ещё какой-нибудь час мы пробудем на улице в денщицких мундирах, в которых мы ушли из тюрьмы, нас неизбежно схватят.

— Едем, — сказал я Бурцеву и решительно направился к стоявшему невдалеке извозчику.

— Куда?

— Разумеется, к Канторовичу.

Читатель уже заметил, что Бурцев, проявлявший изумительную находчивость на гауптвахте, совершенно растерялся, как только вышел вслед за мной из тюрьмы. В этом нет ничего удивительного. Покинув гауптвахту, он очутился в подполье, в совершенно непривычной для него обстановке. Здесь у него не было никакого опыта.

— Если ты не поедешь, я один поеду, — сказал я ему на ходу.

Это подействовало.

Я приказал извозчику остановиться метрах в пятистах от квартиры Канторовича.

— Плати, — сказал я Бурцеву.

У него оказались две золотые пятирублёвые монеты. Одну из них он подал извозчику.

— Сдачи нет!

— А у меня других нет.

— А мне какое дело!

Лавки были закрыты. Что было делать? Дать извозчику пять рублей — значило сразу возбудить подозрение. Я пустился на хитрость.

— Да дай же, братец, сдачи! Мы и так загуляли; офицер, поди, встал уж. Знаешь, наше дело — денщикое!

— Да нет у меня, толком говорю тебе!

— Ну, нам ждать нельзя. Бери пять рублей, да скажи, где стоишь: приду к тебе за сдачей. Отдашь ведь?

Извозчик и тут стал протестовать:

. — Не хочу твоих денег. Потом скажешь, что десять рублей дал мне.

Долго мне пришлось убеждать его, прежде чем он согласился отпустить нас.

Ворота того дома, где жил Канторович, были уже открыты. Дворник подметал улицу. Выждав минуту, когда он отвернулся, мы незаметно проскользнули во двор. Через мгновение мы были окружены своими. Началось переодевание. Надо было торопиться. Квартира Канторовича была вообще ненадёжна. Кроме того, этот адрес был известен Схиртладзе. Молодая девушка — сестра или невеста Канторовича, сейчас уже точно не помню — стояла у застеклённого окна, выходящего на лестницу.

— Полиция, — вдруг шепнула она.

Мимо окна быстро промелькнуло белое пятно военного кителя. В то же мгновение раздался длинный, тревожный звонок.

— Другого выхода нет? — спросил я девушку.

— Нет.

— Оружие есть? Девушка принесла револьвер.

Бурцев стоял у окна, выходящего на лестницу. С этой позиции он в случае необходимости мог выскочить через окно. Сам я стал немного поодаль, в глубине передней, скрывшись за шкафом.

Дверь сотрясалась от ударов.

— Гасите свет и открывайте дверь, — сказал я девушке.

Твёрдым шагом она направилась к двери. Щёлкнул замок.

— Господин Канторович здесь?

— Его нет в городе.

Я не видел вошедшего. Но что за странный, дрожащий голос? Так не говорят полицейские.

— Не может быть! Я умоляю вас... Он должен быть здесь.

— Говорят вам, его нет! — уже строго ответила девушка.

Но я уже понял, в чём дело, и вышел из своей засады.

В ту же минуту с каким-то беззвучным рыданием человек в белом солдатском кителе бросился ко мне.

Это был Штрык.

В три часа ночи он подвёл часового первой смены к дверям моей камеры и, указав на чучело, сдал пост. До рассвета Штрык находился на гауптвахте, а затем незаметно вышел и направился к

городу. Не найдя товарищей, которые должны были ожидать его на условленном месте, Штрык, полный тревоги, отправился по данному мной адресу.

Глава XII

ПОЕДИНОК

Было уже семь часов утра. На гауптвахте нас давно хватились. Не было никакого сомнения, что полиция Севастополя была мобилизована для розысков. Но и побег наш организовали опытные подпольщики.

Товарищи предусмотрели всё до последней мелочи.

Для всех троих были заранее заготовлены костюмы: для меня — форма гимназиста, для Бурцева и Штрыка — штатские костюмы.

Попросту забавна была телеграмма, посланная в Петербург начальником севастопольских жандармов:

«Обвиняемый по бунту на «Потёмкине» Константин Фельдман совместно с караульным рядовым Белостокского полка Штрыком и сторожем гауптвахты ефрейтором крепостного батальона Бурцевым сегодня, в четыре часа утра, с крепостной гауптвахты бежали, одеты в летнюю форму — шинель виленского полка без погон, бежавшие с ним нижние чины одеты в том же обмундировании своих частей, продолжающиеся розыски безрезультатны. Сообщено Одессу и по линиям железных дорог».

Телеграмма эта была подана 13 августа в шесть часов утра, а в восемь часов все мы, переодетые и гладко выбритые, шагали по улицам Севастополя, направляясь каждый в приготовленную для него заранее квартиру.

Само собой разумеется, в первые дни, когда всё было поставлено на ноги для нашей поимки, когда вокзалы были наводнены шпиками, когда у всех пассажиров проверяли паспорта, а багаж их безжалостно обыскивали, когда у застав стояли солдатские пикеты, останавливая каждого проходящего, мы отсиживались на конспиративных квартирах Севастополя.

«Но предательство Схиртладзе? Что же сделал капитан Олонгрэн, своевременно извещённый о готовящемся побеге?» — спросит читатель.

Мы действовали в обстановке революционного 1905 года. И в эти дни мы неожиданно в самом лагере царизма открывали друзей, у которых хватало решимости в необходимый момент протянуть

нам руку помощи. Таким неожиданным другом оказался капитан Олонгрэн. Из донесения севастопольского жандармского отделения следует, что капитан Олонгрэн был извещён дважды — 6 и 12 августа — о готовящемся побеге.

«Капитан Олонгрэн прибыл лишь 13-го, после обнаружения побега», — коротко заявляет автор того же донесения.

Теперь он уже мог явиться к Схиртладзе без риска помешать мне.

Капитана Олонгрэна предали военному суду. Но на суде он заявил:

— Заключённые вечно доносят друг на друга. И доносы, как правило, после проверки оказываются ложными. Поэтому я не придаю особого значения сообщениям Схиртладзе, полагая, что и тут налицо обычная ссора заключённых.

Он упрямо стоял на своём. Его нельзя было сбить с этой позиции. Капитан Олонгрэн принадлежал к лучшим штабным офицерам. У него были научные военные труды. Его приговорили к лишению чинов и к шести месяцам заключения в крепости. Для штабного офицера того времени это было серьёзное наказание. Что с ним было дальше, не знаю. Я потерял его из виду.

Через полчаса после нашего ухода из квартиры Канторовича туда явились жандармы. Не найдя здесь Канторовича, они решили, что Канторович — вообще конспиративное имя, революционная кличка какого-то таинственного лица, передававшего для меня в тюрьму книги.

В Севастополе я прожил ещё дней пять. За это время мне пришлось переменить несколько квартир. Остаться всё время в одной квартире было опасно.

Глава XIII

СЕВАСТОПОЛЬ ПОЗАДИ

Выезд мой из Севастополя был прекрасно обставлен: в богатом ландо, запряжённом четвёркой коней, сидела весёлая компания, состоявшая из одетой по последней моде девицы, одного товарища, Бурцева и меня. Мы громко пели, шутили, смеялись, и, разумеется, никто не мог заподозрить, что в этой компании было двое людей, которым грозила смертная казнь.

Едва мы отъехали от города, как я невольно вздрогнул: мимо нас на лошади проезжал один из караульных начальников, дежуривших на гауптвахте.

Офицер, не узнав меня и не заметив нашего замешательства, проехал мимо.

Вскоре мы приехали в Симферополь. Здесь я расстался с Бурцевым. Через два дня товарищи переправили его в Одессу, где он встретился со Штрыком. Последнего отправили в Одессу пароходом. Из Одессы Бурцева и Штрыка отправили к границе, и через неделю они перешли её.

Правительство же использовало для погони свой полицейский аппарат, и, несмотря на то, что после побега с гауптвахты я ещё целый месяц находился в России, полиция не сумела меня арестовать.

Из Симферополя меня увезла Кристи, жившая в одиннадцати верстах от Симферополя.

По дороге моя будущая хозяйка рассказывала мне, как надо держать себя в её доме. Её муж, член управы Симферополя, ни в коем случае не согласился бы укрывать меня, поэтому я должен был играть роль домашнего учителя. Сама она горячо сочувствовала революции. Позже, в Киеве, мне помогала жена одного киевского фабриканта.

— Если бы мой муж узнал, что я скрываю вас у себя, он без всякого сожаления выдал бы полиции и вас и меня, — призналась она мне как-то.

Квартира этого фабриканта, известного в Киеве черносотенца, была идеальным убежищем. Никакому жандарму и в голову не могла прийти мысль искать меня здесь.

Организаторы моего побега вообще выбирали пожилых женщин для того, чтобы сопровождать меня в моих странствованиях. Женщины эти изображали моих матерей. Они служили мне превосходной маскировкой. Таких «матерей» у меня было много. Они ждали меня у каждого этапа моего путешествия.

Все эти женщины не были профессиональными революционерками. Это были матери революционеров. Из-за любви к сыновьям они шли на огромный риск. Если бы они были пойманы с поличным, их ожидало бы много месяцев тюремного заключения.

Одна из таких матерей, Горская, специально приехала из Киева, чтобы вывезти меня из Симферополя...

Жандармский корпус считал железные дороги важнейшим участком своей работы. Чтобы вылавливать революционеров во время их частых передвижений, жандармы бросали туда своих лучших агентов. Это были опытные, специально вымуштрованные жандармские унтер-офицеры. Обычно они проводили полгода службы в тюрьмах крупных центров в качестве жандармских унтеров. Они ежедневно делали обход камер, разговаривали с

политическими, вели их регистрацию и т. д. За полгода такой работы в больших тюрьмах, через которые проходило множество революционеров, они хорошо запоминали лица сотен революционеров. Потом их передевали в штатское платье и на шесть месяцев пускали на линии железных дорог. Это были опаснейшие шпионы.

Мы вышли с товарищем Горской на платформу симферопольского вокзала. Она громко болтала, рассказывая мне о своём восхождении на Ай-Тодор.

Поезд тронулся. Все в вагоне были уверены, что эта почтенная дама везёт из Крыма своего больного сына. Это позволяло мне не выходить всю дорогу из купе и держать опущенными шторы на окнах. Мы благополучно добрались до Киева.

В Киеве мы убедились, что розыски продолжаются.

Я скрылся в доме одного чиновника, в большом селе под Киевом.

Прошёл почти месяц со времени моего побега. Путешествие к границе всё откладывалось. В Киеве появились тревожные признаки: многочисленные обыски, облавы на вокзале и на речных пристанях. Товарищи связывали это с моим пребыванием здесь.

Отъезд к границе был назначен на 9 сентября. Я успел перекрасить свои волосы из чёрного в рыжий цвет, и мне удалось проскользнуть незамеченным мимо зорких взглядов жандармов.

Немного беспокоила меня в дороге нервничавшая Осорина (так звали мою новую «мать»). Я решил расстаться с ней как можно скорее. В Ковно, где меня ждал товарищ Макс, я пересел на другой поезд. Мы с товарищем Максом к утру следующего дня высадились в Ковеле, маленьком городке, расположенном недалеко от австрийской границы.

На вокзале нас встретил контрабандист, которому мой товарищ заранее дал условную телеграмму.

Мы сели в поджидавшую нас бричку и отправились в еврейское местечко, лежавшее верстах в тридцати от границы. Здесь, в маленьком грязном домишке контрабандиста, мы должны были ждать наступления вечера.

— Когда мы выедем? — обратился к контрабандисту товарищ Макс.

— В девять часов вечера... Политический? — в свою очередь, спросил старик, окидывая меня испытующим взглядом.

Не желая возбуждать подозрения старика, товарищ выдал меня за своего компаньона, едущего в Австрию за большим транспортом товара.

— Мы направим этот товар через вас же, — сказал, он, — но дело это спешное и через неделю должно быть окончено. Поэтому вы устройте сегодняшний переезд так, чтобы не было никаких задержек.

В девять часов вечера нас повели в конюшню. Здесь стояли лошади, уже запряжённые в телегу.

— Готово? — спросил возница.

— С богом! — ответил старик. — Поезжай... У пруда я тебя нагоню.

Ворота распахнулись, и мы выехали.

— Почему уже здесь принимают такие предосторожности? — спросил я у товарища Макса.

Он объяснил мне. Оказалось, что у этих контрабандистов дело поставлено так, что самый переход через границу не представляет никакой опасности — переводят сами же пограничные солдаты, — но опасна дорога до границы, так как за двадцать вёрст до неё производятся периодические объезды.

Объездчики арестовывают всякого встречного.

В условленном месте нас догнал на маленькой одноконной тележке старик.

С большими предосторожностями доехали мы почти до границы.

— Стойте, — сказал старик и поехал вперёд. Видно было, как он вскоре остановился, слез с тележки и куда-то пошёл.

Прошло полчаса. Мы стояли в самом опасном месте и ежеминутно могли быть захвачены объездом. Товарищ Макс вдруг сказал мне:

— Солдаты! Спрячемся в овраге...

Мы ползком спустились в какую-то яму. Там пролежали мы целый час.

Наконец явился старик.

— Надо ехать обратно: жандарм надул нас и не пришёл, — сказал он.

Пришлось снова проезжать все опасные места. Поздно ночью мы возвратились в дом контрабандиста.

На утро следующего дня старик послал сына предупредить жандарма о ночном переезде.

Как раз в этот день вся полиция местечка, в котором мы находились, была поставлена на ноги: накануне арестовали шесть человек, приехавших из Австрии. Трое из пойманных утром же удрали из полицейского участка. На всех дорогах были расставлены полицейские посты, и только благодаря ловкости и опытности старика нам удалось миновать их.

В двенадцать часов ночи мы подъехали к границе. Жандарм уже ждал нас, но объявил, что переход будет возможен только в три часа ночи.

Ждать пришлось тут же, в поле. Лил дождь, и отчаянная сырость и холод охватывали нас. Прижавшись друг к другу, мы с товарищем безуспешно старались согреться.

Ровно в три часа ночи к нам подошёл солдат.

Последний взвалил на плечи наш багаж. Мы тронулись в путь. Перед нами мелькнула дорога. Солдат остановился и сказал нам:

— Это граница! Ступайте на носках, чтобы не делать следов.

Через минуту мы были в Австрии.

Примечания

¹ В. И. Ленин. Собр. соч., т. 8, стр. 77.

² Локаут — закрытие капиталистами своих предприятий с массовым увольнением рабочих, с тем чтобы заставить их отказаться от своих требований.

³ Бунд — всеобщий еврейский социал-демократический союз, являвшийся агентурой еврейской буржуазии в рабочем классе.

⁴ Эстакада — помост на сваях для причала судов.

⁵ Конка — вагон, скользивший по рельсам и приводившийся в движение парой коней. Омнибус двигался свободно, без рельсов, как теперешний автобус: его тянула тройка сильных коней.

⁶ Эспланада — открытая большая площадь перед каким-нибудь высоким зданием.

⁷ Квартирмейстер — высшее матросское звание; присваивалось только матросам, окончившим специальную морскую школу (машинную, минную, артиллерийскую и т. п.).

⁸ Из отчёта комиссии под председательством генерала Езерского о санитарном состоянии Владивостокской крепости за 1905 год.

⁹ Инкерман — гористые окрестности Севастополя.

¹⁰ Группа матросов прислала письмо в ленинский «Пролетарий»: «...начальники устраивают внезапные проверки, ищут в сундуках, пересматривают книги и карточки, читают письма. Как это подло и бесчестно». «Пролетарий», № 2, 1905 г.

¹¹ ЦГАВМФ — фонд штаба севастопольского порта. Судная часть, 1904 г., д. № 64, л. 1086.

¹² Кингстон — клапан в подводной части судна, служащий для доступа заборной воды. Если, например, корабль, получив пробоину, погружается правым бортом, то открывают кингстон на левом борту, впускают туда воду, и корабль выравнивается.

¹³ В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 482.

¹⁴ «Вперёд». № 4, 31 (18) января 1905 года.

¹⁵ Тендра — пустынный остров на Чёрном море, между Одессой и Севастополем. Его превосходная естественная гавань представляет надёжное убежище для кораблей. Поэтому Тендра была излюбленной стоянкой военного флота во время летней учёбы.

¹⁶ Флагман — 1) адмирал, командующий эскадрой; 2) корабль, на котором находится командующий эскадрой.

¹⁷ Спардек — площадка над батарейной палубой; на ней находятся открытые капитанские мостики, боевая рубка, помещение беспроволочного телеграфа.

¹⁸ Шканцы — открытая площадка на верхней палубе в средней части корабля; самая почётная его часть.

¹⁹ Кнехт — небольшой железный столбик для закрепления якорных канатов.

²⁰ Рей, или рея — одна из подвижных поперечных балок наверху мачты.

²¹ Батарейная палуба — закрытая часть корабля, где расположена основная масса артиллерии; здесь же хранятся винтовки.

²² Комендор — морской артиллерист.

²³ Ют — кормовая часть верхней палубы.

²⁴ Склянками называются судовые часы.

²⁵ Угольщик — судно, специально зафрахтованное для перевозки угля.

²⁶ Восьмёрка — шлюпка с восьмью гребцами, по четыре гребца на каждом борту.

²⁷ Ныне Приморский бульвар.

²⁸ Через некоторое время на корабль прибыл рабочий Дальника, Борис. Через час сюда явился Кирилл, а к трём часам дня на броненосец прибыли двенадцать делегатов социал-демократических организаций, в числе которых были товарищ Афанасий и Наташа Ростockая.

²⁹ Под этим именем скрывалась ныне покойная Ольга Ивановна Виноградова — известная деятельница большевистской партии.

³⁰ Скатать палубу — значит помыть её и закрыть все люки.

³¹ М. Васильев-Южин. В огне первой революции, Москва, 1934, стр. 68 — 71.

³² В царском флоте матросам перед обедом и ужином выдавалась водка. Её раздавали на юте. Матросы подходили один за другим, черпали длинной ложкой — чаркой — водку из бака и тут же выпивали её.

³³ Бак — площадка в передней части корабля, отведённая для матросов: там они могли курить, собираться для разговоров, проводить праздничные представления и т. д.

³⁴ Штормовой мостик — самый верхний мостик на корабле, с которого наиболее удобно наблюдать за далью. Называется штормовым потому, что на нём находится командир корабля во время шторма.

³⁵ Месяц спустя, находясь под арестом на «Пруте», я встретился с матросом, который плавал на миноносце, преследовавшем потёмкинский разведчик. Матрос рассказал мне, что по разведчику не стреляли, предполагая, что капитан его принял эскадру за мятежные суда и потому бежал, опасаясь захвата.

³⁶ Кошуба, героический матрос с «География Победоносца», перешедший потом на «Потёмкин», в ярких красках описал страх, обуявший офицеров эскадры, когда они увидели, что восставший броненосец идёт на них под боевым стягом. Офицеры бегали по кораблю и кричали, что, если «Потёмкин» начнёт стрелять, то он всех пустит ко дну.

³⁷ При Абукире в 1798 году английский адмирал Нельсон разбил французский флот.

³⁸ Вот как рассказывает об этом моменте встречи матрос с броненосца «Ростислав»: «...»Потёмкин», мощный, грозный, громадный и сильный, полным ходом идёт против эскадры в пять броненосцев. Это было величественное зрелище, достойное кисти самого знаменитого художника в мире. Пушки «Потёмкина» направлены на нас, он целится ими в нас. Вот на нём взвился сигнал. Разбираем: «Команда «Потёмкина» требует к себе старшего флагмана». Флагман не отвечает. Вот он уже близко, вот уже идёт между «Ростиславом» и «Тремя Святителями». Ужас и восторг смешались вместе, и, схватившись за стойку, я оцепенел от этих ощущений. На «Ростиславе» всё затихло, замерло, притаилось и томительно ждёт чего-то страшного, таинственного. А «Потёмкин» гордо, смело, величественно идёт между нами, не спуская пушек с намеченной цели... А на «Потёмкине» ни души не видать, как будто это волшебное, заколдованное судно, как будто это призрак. Одни лишь пушки ворочаются, не спуская намеченной цели, и пусть бы кто выстрелил по нему из револьвера, вмиг бы посыпалось в него 70 снарядов и 6 мин и вмиг

бы тот корабль пошёл ко дну. Да, это было что-то такое фантастическое, невероятное».

³⁹ Так матросы называли в насмешку всегда худо одетых и обутых в царской России солдат-пехотинцев.

⁴⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 536 — 537.

⁴¹ Когда мы шли в бой с эскадрой, мы поднимали красный флаг. Но это был боевой морской международный вымпел. Он извещает о враждебности корабля и его готовности перейти к стрельбе. Если бы адмиралы Вишневецкий и Кригер решились дать нам бой, такие же вымпелы взвились бы над кораблями эскадры.

⁴² Марсом называется вышка, устроенная на мачте; там помещаются мелкокалиберные пушки и прожектор. Это — самый высокий наблюдательный пункт на броненосце.

⁴³ В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 524.

⁴⁴ В. И. Ленин. Там же, стр. 525.

⁴⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 536.

⁴⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 526.

⁴⁷ Префектура — административно-территориальная единица в Румынии, соответствовавшая старым русским губерниям. Во главе префектуры стоял префект. В данном контексте префектура означает здание, где помещалось управление префектурой и жил префект.

⁴⁸ Матюшенко тут оговорился: он проживал в румынском городе Кымпине.

⁴⁹ Автор письма имеет в виду нового командира броненосца «Потёмкин», в то время переименованного в «Святой Пантелеймон».

⁵⁰ В старой Румынии помещики-бояре сдавали землю в аренду посредникам, которые опутывали крестьян долгами и присваивали себе значительную долю плодов крестьянского труда.

⁵¹ Экономия — помещичья усадьба со всеми складами, сараями, конюшнями, хлевами и т. д.

⁵² Бурбонский дворец — здание, где заседает французский парламент.

⁵³ Знаменитый революционер 70-х годов XIX века. Бывший артиллерийский офицер, он в 1878 году вошёл в партию «Народная воля», по заданию которой ударом кинжала убил шефа жандармов Мезенцева. Уехав за границу, поселился в Лондоне, где и погиб под колёсами поезда, проходя через полотно железной дороги. Как писатель Кравчинский (Степняк) известен рядом произведений: повестей, публицистических статей. Его роман «Андрей Кожухов» из жизни народовольцев долгое время служил настольной книгой русских революционеров.

⁵⁴ «Право», 1905 г., № 47.

⁵⁵ «Кошкой» называют небольшой железный якорь, с тремя заострёнными лапами. «Кошку» привязывают к верёвке, перекидывают через стену, в которую она впивается лапами, когда человек начинает взбираться по верёвке на стену.

⁵⁶ Табельными, или царскими, днями назывались дни рождения царя, царицы или наследника престола.

⁵⁷ Волчок — отверстие в дверях тюремной камеры, через которое часовой наблюдает за арестованным.

⁵⁸ Цейхгауз — склад солдатского инвентаря.

⁵⁹ На гауптвахте свидания давались часто, причём происходили они в камере заключённого.

⁶⁰ Печатаем, оставляя нетронутыми стиль и орфографию Схиртладзе.

⁶¹ Схиртладзе намекает на расправу с ним заключённых, если они узнают о его доносе.

Конец

Широк 4 р. 40 к.

III • Σ [К. Г. Абдман. Броненосец „Потемкин“] • III